Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н.А. Римского-Корсакова

70-летию Великой Победы посвящается

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

1941 – 1945

Санкт-Петербург
2015

ББК-63.3

Л-453

Сборник, посвященный 70-летию Победы, включает исторический очерк о Ленинградской консерватории в годы Великой Отечественной войны, воспоминания и письма участников войны, жителей и детей блокадного Ленинграда, а также тех, кто был в эвакуации в Ташкенте.

Редактор-составитель:

Е.А. Пономарева

Консультант:

В.В. Смирнов, доктор искусствоведения, профессор

Редакционная коллегия:

Н.И. Дегтярева, кандидат искусствоведения, профессор

Е.В. Титова, кандидат искусствоведения, профессор

Рецензент:

Т.А. Апинян, доктор философских наук, профессор

© Санкт-Петербургская государственная
консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, 2015 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

2015 год – год 70-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне. Несмотря на то, что время неумолимо бежит вперед, но и по сей день невозможно оценить ни те потери, ни тот героизм, который проявили участники той войны, как на фронте, так и в тылу...

Мы бережно храним память о погибших, помним и о тех, кто своим подвигом на фронте и в тылу завоевали мир. Живая память поколений скрепляет нас всех в единое целое, не дает распасться «связи времен». Чтобы больше не повторилось то страшное время, необходимо сохранить ту нить памяти, которая соединяет прошлое и настоящее.

В сентябре 2014 года на территории Пудостьского поселения Гатчинского района состоялась Акция Памяти, посвященная открытию Мемориальной доски, со следующим текстом: «Здесь в июле 1941 года на подступах к Ленинграду батальон народного ополчения, состоявший из студентов института физкультуры им. П.Ф. Лесгафта и Консерватории, остановил врага». Поисковые отряды продолжают работать и находят останки погибших воинов – героев Великой Отечественной войны.

За десятилетие, прошедшее со времени первого издания сборника, ушли из жизни многие наши авторы: В.Ю. Овчарек, С.А. Вельшакова, В.С. Марголин, Е.А. Ручьевская, Л.И. Лукашенко, Г.Р. Фрейдлинг, К.В. Изотова, Л.Б. Никифорова, П.А. Россоловский, Г.С. Лукьянин, В.Г. Сопина, Н.В. Павлова... Светлая им память!

Мы посвящаем этот сборник тем, кого уже нет с нами – война и годы, прошедшие после нее, сделали свое дело, а также тем, кто до настоящего времени живет, работает, радуется нас своим творчеством.

Наверное, недостаточно сделано для того, чтобы облег-

читать жизнь тех, кто завоевал Победу, пережил ужасы войны. Мы в долгу перед Вами, дорогие ветераны, мы все помним и склоняем перед Вами головы...

Надеемся, что этот сборник будет прочитан и молодыми музыкантами, и теми, кто интересуется историей Петербурга-Ленинграда.

Сборник включает исторический очерк, посвященный Ленинградской государственной консерватории в годы Великой Отечественной войны, воспоминания участников войны, жителей и детей блокадного Ленинграда, тех, кто был в эвакуации в Ташкенте. Десять лет, прошедшие с выхода первого издания, открыли новые страницы истории блокады. В архиве Консерватории были обнаружены документы нетронутые с далекого военного времени, которые приоткрыли жизнь вуза в тяжелейшие годы блокады. В частности, были найдены документы о четырех исполняющих обязанности директора в период с августа 1941 до возвращения Консерватории из эвакуации в Ташкенте в 1944. И если о А.Ф. Лебедевой и Г.Ф. Фесечко мы хоть что-то знали, то имена М.А. Юшкевича и Е.Н. Шуваловой стали открытием. Именно поэтому в сборнике появился материал, посвященный этим самоотверженным, но забытым людям. Так же были найдены приказы – самого тяжелого блокадного времени – осени 1941–весны 1942 гг.

В разделе «Письма военных лет» появилась переписка выдающегося музыковеда и композитора Б.В. Асафьева со своим учеником, известным музыковедом А.Н. Дмитриевым, хранящаяся в РГАЛИ в Москве. Это документы, наполненные грандиозными творческими планами, жаждой жизни, борьбой не только с недугами, но и с бюрократическим аппаратом блокадного Ленинграда.

Конечно, как и в первом издании, невозможно охватить весь материал по истории Консерватории в годы Великой

Отечественной войны. В сборнике «Ленинградская Консерватория в воспоминаниях» (Л., 1988) и ряде других изданий, посвященных блокаде Ленинграда, представлены бесценные документы и материалы эпохи. Перечислим некоторые из них: «В годы Великой Отечественной войны. Воспоминания, материалы» (Л., 1959), «Работы композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны» (Л., 1946), «Сто лет Ленинградской консерватории. Исторический очерк» (Л., 1962), А. Лившиц «Жизнь за Родину свою» (М., 1964), «Музыка на фронтах Великой Отечественной войны» (М., 1970), книги, посвященные музыке блокадного Ленинграда А.Н. Крюкова. Мы не ставили своей целью дублировать уже изданные материалы, но хотели, прежде всего, опубликовать еще не известные документальные свидетельства.

Воспоминания, письма, документы, представленные в сборнике, открывают новые страницы истории Великой Отечественной войны. В каждой из них отражены мужество, стойкость тех, кому мы обязаны Победой.

Редактор-составитель выражает глубокую благодарность всем, кто помогал в создании этой книги и подготовке ее к публикации: кандидату искусствоведения, доценту Н.Ю. Афиной; кандидату искусствоведения, профессору Э.С. Барутчевой; заведующей редакционно-издательским отделом Н.П. Гуровой; сотруднику библиографического отдела Н.Д. Сидоркиной; Р.А. Смольяниновой; работникам библиографического отдела Научной музыкальной библиотеки Консерватории.

ПОНОМАРЕВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны

Петербургская-Ленинградская Консерватория всегда была одним из важнейших центров отечественной музыкальной культуры. В грозные годы Великой Отечественной войны она полностью подтвердила это как в блокадном Ленинграде, так и в Узбекистане, куда была эвакуирована.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И СТУДЕНТЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Погожий летний день 22 июня 1941 года стал для всех советских людей самым страшным днем календаря. Но немногие могли тогда представить, сколько бед он принесет! Ленинградскую консерваторию этот день застал в разгар летней экзаменационной сессии, работали государственные экзаменационные комиссии по всем специальностям. Привычный ход учебного процесса был прерван. Уже с первых дней войны жизнь в старейшем российском музыкальном вузе изменилась до неузнаваемости: здание Консерватории превратилось в военный объект, были поданы первые заявления в ряды Красной Армии, все сотрудники и студенты были распределены в санитарные, химические, противопожарные команды. Вместе со всеми ленинградцами, консерваторцы во главе с директором П.А. Серебряковым рыли окопы на дальних и ближних подступах к городу. Но несмотря ни на что, 30 июня 1941 года, как всегда, состоялся торжественный Акт, посвященный 75-му выпуску Ленинградской консерватории.

Уже 29 июня 1941 года от студентов, педагогов и со-

трудников консерватории поступило 102 заявления с просьбой о зачислении в ряды Народного Ополчения. Многие мужчины были зачислены в его состав Октябрьского района, а девушки – как, например, Л. Лукашенко, С. Хромая, С. Требелева, Г. Фрейндлинг, были направлены на краткосрочные курсы медсестер.

В приказе по вузу появляются такие строки: «...числить находящимися в армии Народного Ополчения следующих товарищей: Пахомова Л. – лаборанта музыкально-исторического кабинета, Сорокина В. – коменданта Озерковского общежития, Швечкова Г. – доцента, Толчаина В. – ассистента, Флакса Е. – доцента, Меровича А.Б. – профессора...» (6).

Одним из первых добровольцем ушел на фронт лауреат двух конкурсов молодых исполнителей, студент-виолончелист Даниил Шафран. Надолго остались в памяти его слова: «Я хочу, чтобы мои руки владели пулеметом не хуже, чем виолончелью» (36, 171–172).

Подал заявление о желании идти на фронт и профессор консерватории Д.Д. Шостакович. В эти тяжелые для всей страны дни он писал: «Я вступил добровольцем в ряды Народного Ополчения. До этих дней я знал лишь мирный труд. Ныне я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры, конец цивилизации – однозначны. Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь» (28, 51).

Несмотря на то, что в тот грозный час каждый человек нужен был фронту, многие деятели литературы и искусства были отозваны из частей армии и Народного Ополчения и возвращены в свои учреждения. Так произошло и с Д.Д. Шостаковичем, которого назначили бойцом пожарной команды, но он продолжал бороться с фашизмом своим главным оружием – музыкой. «Работал быстро, много, напряженно. Мне захотелось создать произведение... о советских лю-

дях, которые не жалеют сил и жизни во имя победы над врагом», – писал Д.Д. Шостакович о месяцах своей работы в блокадном Ленинграде над Седьмой симфонией (35, 299). И создав это произведение, композитор сделал значительно больше, чем сделал бы, сражаясь на поле боя.

До войны в Ленинградской консерватории работала блестящая плеяда композиторов: Д. Шостакович, М. Штейнберг, В. Щербачев, Б. Арапов, Г. Попов, Х. Кушнарев. Война разметала их по разным уголкам нашей страны.

О тех, кто все-таки ушел на фронт и сражался за наше Отечество, пойдет речь дальше. К великому сожалению, обо всех участниках боевых действий, ушедших из стен Консерватории, рассказать невозможно, поскольку о многих музыкантах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, до сих пор ничего не известно.

Большая группа студентов и педагогов Ленинградской консерватории была зачислена в 265-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон Октябрьского района. В состав батальона также вошли рабочие заводов, учащиеся ремесленного училища № 1, артисты и работники Театра оперы и балета имени С.М. Кирова, студенты ЛИИЖТа (Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта), ЛИТМО (Ленинградского института точной механики и оптики) и другие. После нескольких недель обучения батальон был отправлен на передовую в район Красного Села. В четырех его ротах и подразделениях к началу сентября насчитывалось 1 400 человек. Рубеж, который занимал батальон, тянулся на 15 километров, таким образом, приходилось менее ста человек на километр фронта.

В первых числах сентября противник, продолжая наступление на флангах через Копорское плато к Финскому заливу и из районов Тосно-Мга к Ладожскому озеру, одновременно

подтягивал силы на центральном участке, готовясь к штурму Гатчинского укрепленного района.

Наступление немецко-фашистских войск на этом направлении началось 7 сентября 1941 года. Главный удар враг наносил на участке Кипень-Красное Село силами четырех пехотных дивизий, подкрепленных большим количеством танков и усиленных авиацией. В течение трех дней шли упорные бои, противник нес большие потери в живой силе и технике. Несколько дней защитники Ленинграда отражали атаки врага. Однако, 10 сентября, сосредоточив на фронте в 15 километров около 200 танков и более 300 самолетов, немецкие войска прорвали главную полосу Красногвардейского укрепленного района и двинулись к Красному Селу.

Почти все защитники укрепленных огневых точек пали смертью героев, но выполнили свою главную задачу, выиграв для Ленинграда несколько драгоценных дней. Среди первых, кто принял на себя этот танковый удар, были бойцы и командиры 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона: консерваторцы Я. Бабель, В. Борисов, Э. Вениг, З. Гаглоев, М. Гергилевич, Р. Друбецкой, И. Каплан, А. Катакин, Н Ладышкин, С. Кузнец, С. Мирзоян, Е. Тах, В. Флейшман, Ф. Соколов, А. Шнитников, В. Кухарский и др.

На позиции батальона, в котором сражались педагоги и студенты консерватории, уже 7 сентября 1941 года ринулись танки и пехота противника, обрушился артиллерийский и минометный шквал. До 11 сентября гарнизоны дотов наносили удары по танкам и автоматчикам, не пропуская гитлеровцев к поселку Русско-Высоцкое; 41-й танковый корпус немецкого генерала Рейнхарда потерял здесь немало танков, солдат, офицеров (14, 24).

«Бесстрашно сражался гарнизон, который возглавлял студент Консерватории Яков Бабель. Когда сооружение было повреждено и пушка вышла из строя, герои-ополченцы про-

должали вести огонь из винтовок, пока дзот не разворотило взрывом: видимо снаряд угодил в погреб с боеприпасами» (29, 313).

Яков Бабель был смертельно ранен снарядом и умер на руках товарищей. Вместе с ним сражались за родной город его друзья-пианисты Р. Друбецкой, И. Каплан, Е. Тах, С. Мирзоян, наводчик орудия В. Борисов, пропал без вести Семен Кузнец. Даниил Шафран писал: «7 сентября я всех видел, все были здоровы, а 8 у нас все началось. В тот же день я узнал о гибели Яши. О Семене нет никаких известий...» (2).

Командовать батальоном в те тяжелые для Ленинграда дни доверили Эрнесту Владимировичу Венигу, который, помимо трех музыкальных специальностей – пианиста, органиста и дирижера, владел и четвертой, далекой от музыки, специальностью военного инженера. В боях под Русско-Высоцким он был тяжело ранен и отправлен в военный госпиталь Ленинграда, который был варварски разбомблен фашистами.

Участник боев под Русско-Высоцким Флавий Соколов вспоминал: «Наши дзоты, надежно построенные руками ленинградцев, располагались в шахматном порядке на довольно значительном расстоянии друг от друга. По сути дела, это были обособленные крепости, в каждой из которой сидел оружейный расчет из 4-6 человек <...>. Вспоминать об этом времени трудно: слишком насыщенными были эти четыре сентябрьских дня, в течение которых мы сдерживали основные силы врага, его ударные группировки. Рвущиеся на Ленинград вражеские танки в густых клубах черного дыма, горящие полуразрушенные дзоты, изуродованная взрывами родная, мирная земля и непрерывный лязг и скрежет разрывающегося железа» (27, 1975, 26 марта).

В 265-м отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне также сражались композиторы и музыковеды Ленинградской

консерватории. Среди них был Вениамин Флейшман, один из талантливейших учеников Д.Д. Шостаковича, о котором впоследствии композитор писал: «... Я с полной уверенностью могу сказать, что это был композитор огромного таланта. С первых же шагов его композиторской деятельности он поразил меня своей изобретательностью, свежестью и настоящей горячностью своей музыки <...>. Его огромный талант, так много обещавший в будущем, погиб вместе с ним» (22, 303). Перед самой войной Вениамин Флейшман закончил оперу «Скрипка Ротшильда» по рассказу А.П. Чехова, которая по своим художественным качествам далеко выходила за рамки учебной работы. После войны Д.Д. Шостакович завершил произведение своего ученика, и опера была поставлена в Оперной студии Ленинградской консерватории и в Башкирском театре оперы и балета.

В этом же батальоне служили и молодые композиторы А. Катакин и З. Гаглоев.

Заур Гаглоев родился в горном селении Южной Осетии. После окончания в 1939 году музыкального техникума он был принят в Консерваторию. Благодаря редкому таланту и работоспособности делал большие творческие успехи. Почти все его произведения были связаны с осетинским народно-музыкальным эпосом, и эта самобытность его творчества привлекала к себе внимание многих выдающихся музыкантов.

В статье А. Кузьмина «Пять огненных дней», в книге В.Н. Зотова и М.М. Орлова «Солдаты Пулкова», в юбилейном сборнике «100 лет Консерватории» написано о подвиге З. Гаглоева: «Бессмертный подвиг совершил студент Консерватории Заур Гаглоев. Со связкой гранат он бросился навстречу танку, угрожавшему позициям другого дзота, уничтожил танк, но сам погиб» (29, 313). В книге А. Лившица «Жизнь за Родину свою» рассказывается, что В. Флейшман, А. Катакин и З. Гаглоев были в одном доте, охранявшем магистраль, ве-

душую в Ленинград. Все они погибли смертью храбрых, защищая родной город. Таким образом, бойцы 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, на смерть стоявшие на близких подступах к Ленинграду, проявили истинный героизм, достойный лучших сынов нашей Родины.

Среди героически погибших были те, кто только в июле 1941 года поступили на первый курс Консерватории после окончания музыкального училища, как например, Н. Ладышкин. Погибли М. Гергилевич и Н. Мамуна, успешно преподававшие в вузе и только незадолго до войны, защитившие кандидатские диссертации.

Трое консерваторцев: композиторы В. Томилин и А. Оганесян, пианист А. Корнеман, несмотря на предоставленную им бронь, отказались эвакуироваться. Они были направлены в школу лейтенантов.

В дневнике В.М. Богданова-Березовского 9 сентября 1941 года записано: «...вечером навещал М. Глуха, А. Оганесяна, В. Томилина и В. Фризе в училище младших лейтенантов на Петроградской стороне. Пробирался к ним с трудом из-за длительной воздушной тревоги. Все четверо держались бодро, весело острили и жадно расспрашивали о союзном житье-бытье, о судьбе и поведении товарищей. Было странно видеть их в военном обмундировании. Зато кому идет форма и военная выправка – это Томилину с его энергичным и открытым лицом и такой же манерой держаться. Он очень спокоен, серьезен, приветлив, выглядит так, словно всю жизнь был военным, и веришь, что воевать он будет также самоотверженно и честно, как делает все» (10, 130).

Помимо своего основного дела – композиторского творчества – Виктор Константинович Томилин вел огромную общественную работу: возглавлял оборонный сектор в Союзе композиторов, помогал начинающим непрофессиональным авторам, много времени уделял работе с музыкальной само-

деятельностью, был членом жюри на конкурсах и смотрах. В 1935 году Виктор Томилин пишет ряд песен гражданской тематики: «Песню о Тельмане», «Песню о Щорсе», «Два героя», «Гибель Чапаева», «Песню танкиста» и др., начинает работу над созданием цикла антифашистских песен о героях испанского народа Лине Одена и Долорес Ибаррури, о венгерском писателе-коммунисте Мате Залке, сражавшемся в Испании под именем Лукача.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны В.К. Томилину пригласили на педагогическую работу в Ленинградскую консерваторию. Когда началась война, на уговоры эвакуироваться В. Томилин отвечал: «Сейчас настало такое время, когда мы все должны менять лиру на пушки» (22, 278).

Уже будучи на фронте, он не переставал писать музыку. За это время им были созданы «Песни Народного Ополчения», «Батарейная», «Артиллерийская» и другие, популярные среди бойцов песни.

После завершения учебы в школе лейтенантов В.К. Томилин и А.М. Корнеман были посланы на легендарный «Невский пяточок». Этот небольшой плацдарм, который мужественно держался до конца апреля 1942 года, стал символом бессмертия и стойкости советских воинов.

18 декабря 1941 года в газете «Ленинградская правда» появились строки о лейтенанте В. Томилине: «Смелым ударом группа бойцов, возглавляемая лейтенантом В. Томилиным, выбила немцев из траншеи <...>. Забросав блиндаж гранатами, наши бойцы истребили 15 немецких солдат и двух офицеров».

В бою 1 декабря 1941 года Томилин погиб. «Прикладами, штыками отбивались лейтенант и оставшаяся с ним горстка бойцов отседавших гитлеровцев, однако силы были неравными. Из всей роты не осталось в живых ни одного человека»,

– рассказал подробности о гибели композитора журналист К. Грищинский (26, 1977, 9).

Вместе с Томилиным воевал Арон Матвеевич Корнеман. Незадолго до начала войны он был рекомендован к избранию на должность доцента фортепианного факультета.

По состоянию здоровья А.М. Корнеман мог не быть на фронте, но все-таки добился, чтобы его зачислили в школу лейтенантов. После ее окончания он попал в Невскую Дубровку. «Когда мы попали в Невскую Дубровку, перед тем как уйти с нашими бойцами на левый берег, мы с Виктором (Томилиным) предложили устроить для бойцов и командиров концерт в маленьком, тогда еще целом, здании клуба. Он пел и играл свои песни: тогда я последний раз в своей жизни коснулся клавиш», – вспоминал тяжело раненный А.М. Корнеман в госпитале (1, 24).

14 ноября 1941 года он был ранен осколком мины в голову и ноги. Несмотря на тяжелое ранение, истекавший кровью, А.М. Корнеман бросал гранаты во врага в 10–15 шагах от себя, полз через реку по льду к санитарной палатке, он получил обморожение рук третьей степени. 27 ноября он был переведен в Ленинградский госпиталь, где после нескольких операций, скончался 1 февраля 1942 года (2).

Погиб в боях за Ленинград Арутюн Оганесян, также окончивший школу лейтенантов. Когда началась война, он отказался ехать в эвакуацию вместе с педагогом Х.С. Кушнareвым, сказав: «Что же обо мне скажут мои товарищи, если я покину любимый город в трудное для него время?»

Из письма военного комиссара части, где служил А. Оганесян, стало известно, что 24 декабря 1941 года под Ям-Ижорой, выполняя задание командования по блокированию вражеской огневой точки, Арутюн Оганесян пал в сражении с врагом (22, 286–287). На фронте он всегда думал о музыке, о своих сочинениях, оставшихся в Ленинграде, хотел сдать их

на хранение, но это ему не удалось, поэтому многие произведения А. Оганесяна не сохранились.

Нельзя не упомянуть и об одной из легендарных личностей Ленинградской консерватории, профессоре фортепианного факультета Михаиле Михайловиче Черногорове. Участник Гражданской войны, организатор музыкальной школы в городе Калинин и народной консерватории в Армавире, только в 1921 году он вернулся в <...> консерваторию для завершения учебы. Окончив ее в 1923 году, М.М. Черногоров посвящает себя педагогической и концертной деятельности. Одна из его учениц вспоминала: «Михаил Михайлович был настоящим Человеком с большой буквы <...> у него всегда было много работы, он был всегда очень занят, но он всегда находил время помочь ученику, помочь не только по специальности, а во всем, в чем был способен» (5).

С началом Великой Отечественной войны комиссар запаса М.М. Черногоров был направлен на Балтийский флот. О боевых действиях, в которых он участвовал, остались лишь самые скудные сведения. Известно лишь то, что после ожесточенных боев он вывел оставшихся в живых бойцов из окружения.

В апреле 1942 года, М.М. Черногоров приехал в Ленинград и был убит во время бомбежки. «Вот Миша Черногоров убит во время бомбардировки города 4 апреля <...> Налет – и осколком через окно он убит», – писал в письме к жене друг Черногорова Б.И. Загурский (12, 89).

Пианист Георгий Абрамович Лев в самые тяжелые месяцы блокады проявил мужество, силу воли и энергию, чтобы помочь ослабевшим, но не потерявшим веру в победу музыкантам, актерам и художникам: заболевших и ослабевших устраивал в стационары, добивался прикрепления к столовым, навещал их в самые тяжелые минуты. В 1943 году, уйдя в действующую армию, погиб в первом бою.

Светлая память педагогам, студентам и аспирантам Ленинградской консерватории, отдавшим жизнь за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны! Вот их имена, как они высечены на памятной доске:

АРАНОВИЧ М.	КАПЛАН И.	ПЕДАХОВСКИЙ Н.
БАБЕЛЬ Я.	КАТАКИН А.	РОЗЕНТАЛЬ К.
БОРИСОВ В.	КАРТЕЛИШЕВ П.	СИМОНОВ Н.
БОЧКАРЕВ Н.	КОЗАК И.	ТАХ Е.
БУБЛИКОВ Ю.	КОПЫЛОВ И.	ТИХВИНСКИЙ Д.
БУБНЕВ Г.	КОРНЕМАН А.	ТОЛЧАИН В.
ВЕНИГ Э.	КОСТКО И.	ТОМИЛИН В.
ГАВРИЛОВ О.	КУДРЯВСКИЙ Р.	ФЕНСТЕР Д.
ГАГЛОЕВ З.	КУЗНЕЦ С.	ФЛЕЙШМАН В.
ГЕРГИЛЕВИЧ М.	КУНДЕЛЬ С.	ЦВЕТКОВ А.
ГЛИКМАН Л.	ЛАДЫШКИН Н.	ЦЕРЕТЕЛИ Ш.
ГРИГОРЬЕВ В.	ЛЕВ Г.	ЧЕРНОГОРОВ М.
ГРОМОВ В.	ЛЕОНОВ В.	ЧЕРЕДНИЧЕНКО А.
ДРУБЕЦКОЙ Р.	ЛИХАЧЕВ С.	ШАСТИН Н.
ЗАРХИН Е.	МАСЛОВ Л.	ШКОЛЬНИК Ф.
ИОФФ Я.	МИХАЙЛОВ Е.	ШНИТНИКОВ А.
КАН В.	МИРЗОЯН С.	ЯЦКО А.
	ОГАНЕСЯН А.	

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Учебная работа Ленинградской консерватории в условиях блокады

После эвакуации в августе 1941 года преподавателей, студентов и сотрудников Консерватории в Ташкент, значительная группа педагогов и 132 студента по разным причинам остались в блокадном Ленинграде. 8 сентября 1941 года кольцо вражеской блокады сомкнулось. С каждым днем жизнь в городе становилась все более суровой: все чаще Ленинград подвергался артиллерийским обстрелам и бомбардировкам, все меньше становились нормы выдачи хлеба.

15 сентября 1941 года исполняющей обязанности директора Консерватории в Ленинграде была назначена режиссер Антонина Федоровна Лебедева. Все самое тяжелое время блокады она была на этом посту. Как вспоминал Г.Ф. Фесечко, «на нее легла тяжелая работа в Консерватории. Исполняя обязанности директора, <...> она на протяжении всей зимы, труднейшего периода блокады, находилась на своем посту. Во время воздушных тревог и бомбардировок появлялась на самых опасных участках, личным примером воодушевляла бойцов охраны. Неимоверное напряжение подорвало ее здоровье» (18, т.2, 14). 1 апреля 1944 года после тяжелой болезни она умерла.

Несмотря на участвовавшие бомбежки и артиллерийские обстрелы города, на то, что весь второй этаж здания на Театральной площади был занят районным штабом МПВО (местной противовоздушной обороны), 15 октября 1941 года в Консерватории начался новый учебный год. Педагоги давали уроки не только в самом здании вуза, но и у себя дома, а также в здании Академического театра имени А.С. Пушкина. В пери-

од блокады Ленинграда здесь ставились спектакли театра Музыкальной комедии, и, по распоряжению руководящих организаций города, жили деятели культуры, науки и искусства, в том числе и профессора Консерватории. В консерваторских классах постоянно проживали преподаватели З.П. Лодий, П.Б. Рязанов, Т.С. Салтыкова, С.Н. Соловьев и др.

Превозмогая страшный голод и холод блокадной зимы, эти энтузиасты продолжали заниматься вплоть до июля 1942 года. Свои знания и мастерство передавали музыкальной молодежи пианисты А.С. Геронимус, А.Д. Каменский и Н.Н. Позняковская, вокалисты Н.А. Большаков, Г.А. Боссе, Е.А. Бронская, Л.А. Дельмас-Андреева, Т.А. Докукина, В.А. Рашковская, М.О. Узинг. Камерное пение преподавали М.А. Бихтер, К.С. Исаченко, Н.А. Крючков, З.П. Лодий, Т.С. Салтыкова. Исторические и теоретические дисциплины вели Р.И. Грубер, М.С. Друскин (всеобщая история музыки), З.В. Короткова (история русской музыки), Г.М. Римский-Корсаков (гармония и акустика), Р.И. Мервольф (инструментоведение и чтение партитур), М.А. Юдин (полифония), С.Н. Соловьев (сольфеджио), В.Н. Верб (анализ музыкальных произведений). Последний из названных преподавателей выполнял еще и функции заместителя директора Консерватории по учебной части. Со студентами-дирижерами занимались Л.Е. Аб, П.Б. Рязанов, Г.Г. Тигранов и Н.З. Хейфиц. Занятия с музыковедами-аспирантами вел А.В. Оссовский. Будучи деканом историко-теоретического факультета, он налаживал учебные занятия с оставшейся небольшой группой студентов, читал лекции, проводил занятия с аспирантами, поддерживал своим примером других педагогов.

Аспирантов было трое: пианист Д.А. Светозаров, историк В.Н. Александрова и теоретик В.П. Дернова. В.Н. Александрова вспоминала о занятиях с А.В. Оссовским в годы блокады: «В не отапливаемых классах, где замерзали чернила,

Александр Вячеславович читал лекции по два часа без перерыва двум-трем, приходившим пешком из разных концов города, аспирантам. Как точно начинал он эти занятия, как энергично и увлеченно звучал его голос, какую непоколебимую веру в жизнь, в победу источал этот мужественный человек, какой жизненный урок он давал своим ученикам: урок любви к Родине, любви к науке» (8, 54).

Все студенты сочетали учебу с работой на фабриках и заводах, в госпиталях, в мастерских. Некоторые консерваторцы работали на судах речного флота, участвовали в разгрузке песка для Эрмитажа, чтобы сохранить оставшиеся в музее экспонаты, шили маскировочные сети, входили в команды МПВО.

Необыкновенное мужество и стойкость проявили заведующая кафедрой камерного пения З.П. Лодий и ее помощница Т.С. Салтыкова. В самые суровые месяцы ленинградской блокады они продолжали заниматься со студентами-вокалистами. Позднее в письме к З.П. Лодий Виктор Соболевский напишет: «Я с упоением вспоминаю эти <...> вечера, когда я после работы на заводе, усталый, голодный и измученный тревогами, бессонными ночами приходил к Вам на урок, почти не в состоянии ничего делать, но возвращался домой бодрый, веселый и жизнерадостный <...> И этим счастливым вечерам, когда я забывал и горе, и усталость, и даже голод, я обязан Вам и Вашему таланту художника-музыканта...» (17, 26).

11 января 1942 года состоялся концерт-экзамен по камерному пению. В программе были русские песни и романсы. В отчете о работе вокального факультета З.П. Лодий писала: «Концерт проходил в кабинете директора в присутствии представителей Комитета по делам искусств Г.А. Лева и Г.Г. Владимирова и получил блестящую оценку как показ непрерывной и стимулирующей студенчество работы» (24, 12).

Много сил и времени отдавал преподавательской работе пианист А.Д. Каменский. И хотя заниматься становилось все труднее, он безотказно проводил занятия с теми, кто мог прийти к нему на урок в Пушкинский театр <...> «Занимался он как всегда тщательно и увлеченно, с удивительным терпением и неиссякаемым артистизмом. Занимался не жалея ни сил, ни времени», – писала его жена и друг А.Д. Бушен (25, 229).

Не все выдержали тяжелые испытания первой блокадной зимы; очень многие умерли. К счастью, кого-то успели эвакуировать весной и летом 1942 года из Ленинграда на Большую землю.

Занятия почти прекратились, но совсем небольшая группа студентов, которая оставалась в Ленинграде, продолжала самоотверженно трудиться, понимая, что «только труд, каждодневная работа может спасти <...> в эти страшные дни!», – писала в дневнике З.П. Лодий (17, 25). По-прежнему вели занятия со студентами профессора А.В. Оссовский, З.П. Лодий, А.Д. Каменский, доцент Т.С. Салтыкова и др.

В июне 1943 года, вместо заболевшей А.Ф. Лебедевой, исполняющим обязанности директора был назначен скрипач Григорий Федорович Фесечко. На собрании педагогов и служащих обсудили вопрос о возобновлении занятий в Ленинградской консерватории.

Чтобы создать сносные условия для занятий, группе студентов и педагогов пришлось столкнуться с массой трудностей. В здании Консерватории отапливался только второй этаж, занятый командой МПВО. Из-за бомбардировок и артиллерийских обстрелов не осталось застекленных окон, в Малом зале имени А.К. Глазунова от взрывных волн покорибились металлические оконные рамы; котельная вышла из строя; электрического света не было; в Большом зале Оперной студии вышла из строя телефонная станция, в вестибюле стояли бочки с водой, были насыпаны кучи песка для тушения

зажигательных бомб. И все-таки классы для занятий были оборудованы, бывший читальный зал удалось превратить в концертный зал.

Подлинный героизм проявила в годы блокады заведующая библиотекой Консерватории Наталья Петровна Колесникова, сохранившая нотные и книжные фонды. Под ее руководством были созданы бригады, в которые вошли педагоги и студенты, восстановившие порядок в библиотеке.

Неутомимо работал по восстановлению здания Консерватории в 1943-1944 гг. слесарь-водопроводчик Захар Яковлевич Галкин. Он охранял котельную, налаживал отопительную систему, восстанавливал водопровод и заделывал дыры в крыше.

Занятия начались 16 июля 1943 года; в музыкальное училище было принято 100 учащихся, в Консерватории открылись курсы повышения квалификации на 59 человек, вскоре расширившиеся до 125, куда принимались как студенты, так и окончившие ее (18, *т.2, 16*).

«Результаты своей работы мы показали через полтора месяца. 28 августа 1943 года в Малом зале имени Глазунова состоялся первый большой концерт <...>. Готовились, отпечатали пригласительные билеты и раздали по учреждениям. Привели в порядок зал <...>.

Концерт прошел хорошо. Это был радостный день не только для нас, но и для всех ленинградцев», – вспоминал Г.Ф. Фесечко (18, *т.2, 17*). Среди участников этого концерта – артисты, ставшие впоследствии известными: И.П. Алексеев, И.Е. Головнева, Г.В. Скопа-Родионова и другие.

Работа Ленинградской консерватории с каждым днем расширялась, все больше становилось желающих учиться.

В 1944 году, когда была снята блокада Ленинграда, встал вопрос о возвращении Консерватории из эвакуации. Одной из первоочередных задач было приведение в порядок здания

Консерватории, классов, Малого зала имени Глазунова. Из Ташкента были отправлены «восстановительные бригады», сформированные из студентов и аспирантов Консерватории и обученные для проведения ремонтных работ. Преподаватель И.В. Шалыт вспоминала: «Группа студентов, аспирантов прошла курсы маляров и плотников. Научились штукатурить, красить, плотничать. В эту бригаду стремились многие комсомольцы, так как всем хотелось скорее вернуться в родной Ленинград. Работали на совесть. Надо было подготовить здание Консерватории к встрече всего коллектива из Ташкента» (27, 1985, 16 января). Встреча произошла 28 сентября 1944 года, а уже 20 октября начался новый учебный год для всего коллектива Ленинградской консерватории.

Научно-исследовательская и творческая работа в блокадном Ленинграде

Известный ученый-музыковед А.В. Оссовский писал: «Знаменательное психологическое наблюдение над самим собой и некоторыми другими композиторами, оставшимися в Ленинграде: никогда в мирное время научная работа не протекала с таким энтузиазмом, столь напряженно, никогда она не давала внутреннего удовлетворения, как именно в годы войны среди тягостей и опасностей блокады» (10, 41).

Это подтверждается творческой работой виднейших ученых-музыковедов, профессоров Ленинградской консерватории Р.И. Грубера, Б.В. Асафьева, А.В. Оссовского, чья деятельность в период блокады стала легендарной.

В трудных условиях осажденного города крупнейший отечественный музыкальный деятель, писатель и ученый, композитор и педагог Борис Владимирович Асафьев создал самые значительные свои работы и произведения. А.В. Ос-

совский писал: «Все тяготы и опасности, все трудности и лишения военного времени, проведенного Асафьевым безвыездно <...> в осажденном Ленинграде, даже они не могли остановить потока его творчества. Наоборот, «наперекор стихиям», именно в годы войны оно стало особенно обильным, особенно напряженным – и в научно-исследовательской области, и в композиции: патриотическое воодушевление, сильная воля, нервный подъем перебороли все физические и материальные невзгоды» (31, №4, 9).

В ноябре 1941 года в Союзе композиторов состоялось прослушивание произведений, написанных Б.В. Асафьевым в первые военные месяцы. Среди них особое место занимали «Петровский марш», «Дифирамб городу-герою», аранжировка хоров-песен из оперы «Минин и Пожарский», IV симфония «Родина», созданная по материалам неосуществленной оперы «1812», сюита для духового оркестра «Суворов». Кульминацией творчества Асафьева-исследователя стали: «Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация», «"Евгений Онегин"». Лирические сцены П.И. Чайковского. Опыт интонационного анализа стиля и музыкальной драматургии», «Глинка». Им были задуманы крупные музыковедческие работы – исследование о Григе, книга «Мысли и думы». Последнюю Асафьев считал «книгой своей жизни», она должна была включать в себя целый цикл крупных работ, подводивших итог жизненного и творческого пути ученого (11, 130).

Вот как сам Б.В. Асафьев описывал свою титаническую работу в страшную зиму 1941–1942 годов в Ленинграде: «Мысли росли день за днем с неослабным напряжением. Я старался не терять времени и работал без усталости. Но декабрь брал свое, а с ним и холод, и голод, а за ними страшная тьма <...>, а работать хотелось как никогда. Я начал вспоминать весь ход моей жизни...

Постепенно книгу моей жизни удалось записать, но уже

при ночниках, свечах, разнообразнейших светильниках — очень робких. Тогда вновь с упрямством я взялся за опыт обоснования музыкальной интонации <...>. Решили побольше лежать, чтобы сохранить тепло в себе и обходиться без лишнего света. Лежа во тьме, я пробовал сочинять музыку, применяя мои опыты слагания тем-интонаций в живые формы устной музыки <...>. Творчество песен отвлекало от тяжелых ощущений слабеющего организма» (10, 29-30).

Ученый пишет о героической борьбе югославов, чехов и норвежцев против фашизма. Осенью 1942 года он работает над музыкой к балету «Милица», посвященному партизанскому движению в Югославии, но кровоизлияние в мозг прерывает эту работу. В феврале 1943 года совершенно обессиленного Б.В. Асафьева вместе с семьей увозят в Москву.

Вполне закономерным итогом признания научного и человеческого подвига Б.В. Асафьева было избрание его в 1943 году действительным членом Академии наук СССР.

Многогранной и насыщенной была в блокадном Ленинграде и работа другого крупного ученого-музыканта, профессора Александра Вячеславовича Оссовского. В 1941 году в день 24-й годовщины Октябрьской революции на торжественном заседании в Консерватории он выступает с докладом о задачах музыкального вуза, поставленных Великой Отечественной войной; в мае 1942 года в музыкальном училище имени Мусоргского читает открытую лекцию на тему «Советская музыкальная культура и фашизм». Помимо педагогической работы в Консерватории, А.В. Оссовский являлся заместителем директора Института театра и музыки, вел большую научно-организационную и лекторскую работу. Его яркие доклады, беседы, лекции звучали на крейсере «Киров», в воинских частях, в госпиталях.

За годы блокады А.В. Оссовским было написано не-

сколько исследований, причем он отмечал: «Потребовался основательный пересмотр установившихся взглядов на многие явления музыкального искусства, поколебленных смыслом происходящих грандиозных исторических событий.

Еще раз – притом с особой силой, глубиной и убедительностью раскрылось общечеловеческое значение русской музыкальной культуры...» (10, 38). В первую блокадную зиму А.В. Оссовский завершил работу над историческим исследованием «Музыкально-эстетические воззрения, наука о музыке и музыкальная критика в России XVIII столетия», к середине 1943 года написал популярные очерки «Патриотические идеи и героизм в русской музыке», «Музыкальная культура Англии и США», а его воспоминания о Скрябине, исследование «Римский-Корсаков» стали важным вкладом в советское музыкознание.

В августе 1943 года в Москве Александру Вячеславовичу Оссовскому была присуждена ученая степень доктора искусствоведения без защиты диссертации, а в конце сентября он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В годы блокады Ленинградская типография имени Володарского печатала только самое необходимое для жизни города – продовольственные карточки и газету «Правда». И, «в пику Гитлеру» (именно так сказали в Смольном), типографии было дано указание напечатать «Историю музыкальной культуры» Р.И. Грубера к 7 ноября 1941 года (34, 151). Она была первой попыткой создания на русском языке всеобщей истории музыки, охватывающей музыкальную культуру всех стран мира. Ее автор – профессор Ленинградской консерватории Роман Ильич Грубер – двадцать лет работал над этим исследованием.

К началу Великой Отечественной войны Р.И. Грубер завершил работу над первым томом «Истории музыкальной

культуры», первая часть которого уже была отправлена в Москву для разрешения на выпуск, а корректура второй части была отдана автору. Чтобы не затягивать дело, Р.И. Грубер даже на рытье противотанковых рвов ездил с экземпляром корректуры.

В связи с задержкой разрешения на выпуск первой части, он поехал в Москву, откуда его не выпускали в связи с осложнившимся положением на фронте и блокадой Ленинграда. И все-таки ему удалось вернуться в осажденный город. 24 октября 1941 года он пришел в отдел пропаганды и агитации Горкома партии. «В Горкоме были поражены. Ученый, которого ждала спокойная профессорская кафедра далеко в тылу, где обосновалась Ленинградская консерватория, по собственной воле вернулся в осажденный город, чтобы завершить издание своей книги. Кого мог оставить безучастным этот беспримерный факт, достойный занять место в ряду отважных дел ленинградцев!» (34, 151).

К ноябрю книгу выпустить не успели. С наступлением зимы работа типографии резко замедлилась. В цехах стоял мороз. Р.И. Грубер в бомбоубежище Консерватории проводил регулярные занятия со студентами, и каждый день, как на работу, ходил в типографию, где всегда находилось дело, всегда требовалась какая-то помощь. Он заменял корректоров, разносил по этажам гранки, выполнял другие виды работ. «Рабочий коллектив принял меня в свою семью, как бы сроднился со мной. И в дальнейшем именно такое отношение ко мне и моему труду сыграло решающую роль», – вспоминал Р.И. Грубер (24, 160-161).

Ученый был болен, еле передвигался. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1942 года были отпечатаны 200 экземпляров второй части книги. Профессору говорили: «Книга, которой Вы дали жизнь, спасла Вас от смерти. Радость от нее только и могла поставить Вас на ноги» (34, 153).

В июне 1942 года из Москвы пришло письмо, в котором Всесоюзное общество культурных связей с заграницей просило оказать содействие в доставке в Москву нескольких экземпляров первой и второй части труда профессора Ленинградской консерватории Р.И. Грубера «История музыкальной культуры» для отправки за границу.

«Труд этот, печатавшийся в Ленинграде на протяжении нескольких месяцев (вторая часть вышла в свет в марте 1942 года), помимо специального музыкального интереса, не может не заинтересовать научные и художественные круги американской и английской общественности как свидетельство продолжающейся активной работы в области искусства в трудных условиях минувшей зимы 1941-1942 года в Ленинграде» (9, 196).

Создание и выход в свет многих научных трудов о музыке в тяжелых условиях блокады свидетельствовали о высоком духе и несгибаемой воле ленинградских музыкантов.

В.М. Богданов-Березовский, возглавлявший Союз композиторов в годы войны, в 1943 году писал: «Быть может, именно музыка, созданная во время Великой Отечественной войны в Ленинграде, является одним из самых верных и неопровержимых показателей духовной силы ленинградцев, живым свидетельством того, что осажденный в течение более чем полутора лет, непрерывно обстреливаемый, бомбардируемый с воздуха бессмертный город Ленина жив и продолжает жить напряженной, разносторонней и полной созидательной творческой жизнью» (25, 27).

Концертная жизнь города продолжалась, почти не прерываясь, всю блокаду. Концерты в филармонии давались оркестром Радиокomiteта и солистами, оставшимися в Ленинграде, в ноябре и даже в декабре 1941 года. В них неизменно принимали участие профессора Консерватории пианист А.Д. Каменский и певец П.З. Андреев.

14 декабря 1941 года состоялся последний симфонический концерт, в котором исполнялись произведения П.И. Чайковского. Солистом, исполнявшим Первый концерт для фортепиано с оркестром, был профессор А.Д. Каменский. Об этом концерте сохранилось воспоминание Д. Шена: «Пришел солист, исполнитель фортепианного концерта Чайковского – профессор Каменский. Он пришел в филармонию как всегда жизнерадостный и оживленный, но похудевший до неузнаваемости...

– Как Вы будете играть, Александр Данилович? В зале мороз.

Но Александр Данилович был уверен, что не замерзнет.

Нет, солист и дирижер не согласны выступить в пальто, они оба выйдут на эстраду в обычной для концертантов одежде – в черном фраке и белом жилете. Как и до войны.

...Публика горячо и дружно аплодирует, артисты оркестра очень возбуждены и поздравляют друг друга, и поздравляют пианиста, говорят об исполнительском подвиге и удивляются тому, что до самого конца концерта у Каменского не остыли руки» (25, 113-115). По просьбе слушателей пианист сверх программы сыграл две пьесы Чайковского: «Декабрь» из «Времен года» и «Сентиментальный вальс» (16, 43).

Уже 5 апреля 1942 года в осажденном Ленинграде открылся новый концертный сезон, в котором исполнялись симфонические произведения с участием солистов. И снова ленинградцы встретились с профессорами Консерватории: П.З. Андреевым, А.Д. Каменским, другими исполнителями. В помещении Кукольного театра на Невском проспекте «композиторами, музыкантами, артистами оперы и драмы, художниками и писателями Ленинграда организовано общество камерных концертов. Председатель правления – профессор А.В. Оссовский» (25, 230).

Этот небольшой уютный зал для камерных концертов

впервые гостеприимно принял ленинградцев 26 апреля 1942 года. В этом же зале 7 июня состоялся концерт-спектакль под художественным руководством З.П. Лодий, – «Песни Беранже», в котором приняли участие консерваторцы Т.С. Салтыкова, Г. Скопа-Родионова, К. Луговая, В. Самсоненок, Р. Гудкина и другие. Одной из творческих задач этого концерта было создание небольшого спектакля, который можно было бы показывать на любой площадке, что крайне важно в условиях войны.

9 августа 1942 года произошло величайшее событие в музыкальной жизни блокадного Ленинграда – исполнение Седьмой (Ленинградской) симфонии Д.Д. Шостаковича оркестром Радиокомитета. В составе оркестра играли и музыканты Консерватории: Г.Ф. Фесечко, В.Е. Осадчук, П.К. Орехов и др.

Военно-шефская работа в блокадном Ленинграде

С самого начала Великой Отечественной войны развернулась грандиозная военно-шефская деятельность работников искусства на фронте и в тылу.

После эвакуации Ленинградской консерватории в Ташкент исполнительских сил оставалось немного, но все, кому только позволяли силы, участвовали в военно-шефской работе, которая была связана с городской военно-шефской комиссией по художественному обслуживанию частей Ленинградского фронта и Балтийского флота. Эту комиссию возглавлял начальник Управления по делам искусств Борис Иванович Загурский. Именно она и стала центром фронтовой работы всех артистических сил Ленинграда.

Комиссия насчитывала около 300 исполнителей, включая оставшихся в Ленинграде студентов и педагогов Консерватории, Театрального института и старших учащихся Хореографического училища.

Концертные бригады составлялись по-разному: то целиком из артистов какого-то коллектива, то смешанные.

Одной из самых распространенных «концертных площадок» стало бомбоубежище. Участница одной из бригад А. Смирнова вспоминает о концерте, в котором принимали участие консерваторцы: «Концерты в бомбоубежищах проводились в течение всей зимы 1941–1942 гг., невзирая на все трудности блокады. Мне вспоминается выступление В.В. Яблонской, В.Я. Меркуловой <...> в бомбоубежищах было сыро, холодно, но артисты выступали в концертных платьях, снимая шубу и валенки. Такие концерты иногда длились часа два-три, помогая людям отвлечься от острого чувства голода и холода.

Обычно этим концертам предшествовало чтение газет, последних сообщений с фронта или краткая информация о том, что происходит в городе» (27, 1964, 29 января).

Много концертов давали артисты и в госпиталях, и не только для тех раненых, которые могли передвигаться, но и «Концерты-конвейеры» для тяжелораненых: артисты по очереди заходили в палату и, закончив свой номер, шли в следующую, а на их место приходил другой артист. Артистка балета Оперной студии консерватории М.В. Дубровицкая писала: «...Мы идем из палаты в палату, разговариваем с бойцами, показываем им, что можем <...>. Вряд ли останешься равнодушным, видя, как тяжело раненый боец, весь в бинтах, вытягивает шею, чтобы разглядеть, что происходит на очередной импровизированной сцене. В такой момент я была готова танцевать хоть целый день для него одного» (7, 119).

На передний край чаще посылали молодых исполнителей. Иногда приходилось искать выход из положения, казалось бы, безвыходного. «Бойцы с нетерпением ждали начала концерта, но тут выяснилось, что аккомпанировать нам не на чем, инструмента <...> нет. Что делать? Выход из этого слож-

ного положения нашла Аля Мерецкая. Она взяла гребенку, попросила у бойцов папиросной бумаги и виртуозно начала подыгрывать нам. Концерт прошел с успехом», – рассказывала К. Луговая (7, 226-227).

Огромную концертно-шефскую работу вела самая молодая артистка Радиокomiteта, студентка Консерватории, перед самой войной окончившая первый курс вокального факультета, Г.П. Скопа-Родионова. Один из многочисленных бойцов, писавших ей в дни войны, признавался певице: «В нашей армии на вооружении стоят не только пушки, но стихи и песни, которые поете Вы» (3, 53). Только в составе консерваторской студенческой военно-шефской бригады она приняла участие более чем в тысяче концертов. Именно за военно-шефскую работу Г.П. Скопа-Родионова была награждена орденом Красной Звезды (21, 531).

Хочется остановиться на участии в военно-шефской работе народного артиста СССР, профессора Консерватории П.З. Андреева. К началу Отечественной войны ему исполнилось 67 лет, но он никогда не отказывался ехать на передовую. В.Я. Меркулова писала об одном из таких концертов: «Не успели объявить о выступлении П.З. Андреева, как несколько солдат подхватили Павла Захаровича и поставили на танк, который находился рядом с нашей «эстрадой».

Это было неповторимое зрелище. Неподалеку слышались разрывы снарядов, грохот орудий, а Павел Захарович стоял с высоко поднятой головой на танке и пел: «О, дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить, я Русь от недруга спасу!»

По окончании концерта возник летучий митинг. Воины поклялись изгнать врага со своей священной Земли» (7, 176).

С 23 июня 1941 года безотказно участвовал в концертных бригадах и профессор А.Д. Каменский. Он выступал ежедневно, сначала на призывных и агитпунктах, а затем, после отъ-

езда Консерватории в эвакуацию, поступил в театр Народного Ополчения. О своих выступлениях А.Д. Каменский писал в дневнике: «Музицировать приходилось в небывалых условиях. Выступаем по два и по три, а то и по четыре раза в день в разных районах города <...>. А играть надо, чтобы музыка захватила слушателя, вызвала в нем прилив энергии, желание действовать, подъем духа, необходимый для борьбы с врагом. Эта задача не легкая...» (25, 218).

В старейшем центре музыкальной культуры – Ленинградской консерватории было организовано несколько студенческих концертно-шефских бригад по обслуживанию действующей армии, Балтийского флота, госпиталей. В музее истории Консерватории хранятся многочисленные письма-заявки директору вуза с просьбой выделить бригаду артистов для проведения концертов. Интересны и обратные адреса этих военных документов: эвакогоспиталь № 66/268, 543-й полевой фронтовой артиллерийский склад, эскадренный миноносец «Свирепый» Краснознаменного Балтийского флота и многие другие.

Возглавила военно-шефскую работу Консерватории в дни блокады Ленинграда профессор З.П. Лодий. Она руководила подготовкой репертуара консерваторских бригад, а затем приняла на себя художественное руководство фронтовыми бригадами при Доме офицеров имени С.М. Кирова.

Всего с начала Великой Отечественной войны до прорыва блокады на фронте и в Ленинграде было дано свыше 35 000 концертов, усилиями многих ленинградских артистов шефские бригады заняли важное место в обороне Ленинграда (12, 19). Их справедливо рассматривали как своеобразные «боевые единицы», вносящие существенный вклад в борьбу с врагом.

Выдающаяся оперная певица С.П. Преображенская писала о своей работе во фронтовых бригадах: «Это общение оставило глубокий след в нашей душе на всю жизнь, окрыляло

нас творчески, поднимало, звало к творчеству, утверждало любовь к Родине, к жизни, к искусству» (23, 257).

Ленинградские музыканты – профессора, педагоги и студенты Консерватории, оставшиеся в осажденном городе, как и каждый его житель, боролись со страшным голодом и холодом, отдавали во имя победы все свои силы и талант.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ В ЭВАКУАЦИИ В ТАШКЕНТЕ

Решением руководства страны Ленинградская консерватория вместе с музыкальным училищем и школой-десятилеткой для одаренных детей была эвакуирована в город Ташкент.

Учебная работа Консерватории в Ташкенте

Тепло, гостеприимно была встречена Ленинградская консерватория в Ташкенте. Среди тех, кто ее встречал, были люди, окончившие Консерваторию в предвоенные годы и теперь работавшие в Узбекистане. Они оказывали неоценимую помощь в период устройства в новых непривычных условиях.

Для учебной работы Правительством Узбекской ССР был отведен бывший клуб швейников, с концертным залом. В клубе было всего 14 учебных классов. При составлении расписания учебной части приходилось принимать в расчет и ночные часы.

Первые два месяца пребывания в Ташкенте, в период расселения, бытового устройства коллектива и подготовки первого военного учебного года студенты вуза, музыкального училища и учащиеся школы работали на хлопковых полях. «Наше первое боевое крещение в эвакуации – сбор хлопка. Нормы для нас, непривычных, очень высокие. Дисциплина

жесткая: подъем по милицейскому свистку в 6 часов утра, когда еще темно и холодно, а к 9 часам уже жара. Работали старательно. Чтобы выполнить норму, на поле проводили целые дни до 8 часов вечера», – вспоминала И.В. Шалыт.

В последующие годы Консерватория неоднократно направляла своих воспитанников на сельскохозяйственные работы в различные районы Узбекистана, на паровозостроительный завод, изготавливавший гранаты, на строительство узкоколейки и для участия в народных стройках – Северного Ташкентского канала, Салар ГЭС и т.д.

Уже в первые месяцы эвакуации Консерватория провела новый набор студентов и учащихся из местных жителей и прибывших в Ташкент эвакуированных, среди которых были студенты консерваторий страны, временно прекративших свою работу. Руководство Ленинградского вуза сделало многое, чтобы помочь вновь принятым привыкнуть к новой обстановке, к высоким требованиям творческого коллектива.

Несмотря на сложные условия, в которых оказалась Консерватория, учебный процесс развернулся полностью. Не хватало музыкальных инструментов, и дирекция вуза обращается в различные организации с просьбой о предоставлении их во временное пользование: «В силу условий эвакуации наша Консерватория не располагает нужным количеством музыкальных инструментов. Не только студенты, но и ряд профессоров не имеет возможности заниматься из-за отсутствия инструментов» (37, ф.298, оп.4, д.355, л. 53).

В связи с бытовыми трудностями, частой мобилизацией на сельскохозяйственные работы в первом учебном году в Ташкенте состоялось сравнительно мало студенческих учебных концертов. В дальнейшем удалось значительно оживить эту работу. В 1942/43 учебном году состоялось 24 студенческих концерта, в 1943/44 – 32 концерта (19, 23). Кроме того, каждому студенту исполнительских факультетов было предъ-

явлено требование 2 раза в год участвовать в концертах, в противном случае он не получал зачета по специальности и не допускался к экзаменационной сессии.

В Консерватории были проведены два смотра молодых исполнителей. Лучшие из исполнителей – пианисты Ю. Ионов, Е. Лабронец, М. Тайманов, З. Тамаркина, Д. Тасин; вокалисты Т. Лаврова и В. Сопина; скрипач М. Вайман, виолончелист В. Мороз – зимой 1943 года выступили в Москве на Всесоюзном смотре. Приказом председателя Комитета по искусству при Совете Народных Комиссаров СССР участники и организаторы этого смотра были отмечены благодарностью и премированы (19, 24).

В апреле 1942 года в Ташкент приехал Военно-морской факультет Консерватории, руководимый интендантом первого ранга Ю.М. Горковенко. Факультет был создан при Ленинградской консерватории в 1940 году по Приказу Наркома Военно-морского флота адмирала Н.Г. Кузнецова. Этот факультет подчинялся двум инстанциям: начальнику высших Военно-морских учебных заведений СССР и директору Консерватории. С первых дней Великой Отечественной войны все слушатели факультета были направлены на Ленинградский фронт (с учетом набора 1941 года – 92 человека). Велико число погибших. Особенно много курсантов геройски пало под Невской Дубровкой, под Синявиным. Некоторые не перенесли первую блокадную зиму. К сожалению, ни имен, ни других сведений о многих не сохранилось. Решением Верховного Главнокомандующего оставшиеся в живых слушатели факультета были отозваны с фронта, из госпиталей после ранений и направлены для продолжения учебы в Узбекистан. Учащийся факультета И.Г. Бондаренко, вернувшись с фронта, остался в Ленинграде, чтобы отправить в Ташкент педагогов Консерватории и слушателей факультета. В ноябре-декабре 1941 года некоторые курсанты помогали эвакуировать, подчас

на носилках, профессоров и преподавателей, сопровождая их, изможденных блокадой, до Ладожской Дороги Жизни.

К занятиям в Ташкенте приступило всего 11 человек, оставшихся в живых. Чтобы пополнить свои ряды, Военно-морской факультет стал принимать на обучение выпускников школы-десятилетки (например, Л.Н. Шиндера), а также было решено создать ускоренный курс обучения для тех, кто уже окончил Консерваторию, среди них были Д. Светозаров, Л. Этигон и др. Начальником учебной части Военно-морского факультета в 1944 году был назначен С.Н. Богоявленский. За короткий срок факультету удалось пополнить свои ряды и полностью развернуть учебный процесс музыкальных и военных занятий¹.

В 1941-1942 учебном году была проведена общевузовская «Антифашистская сессия». С докладами выступили ведущие преподаватели Консерватории – профессор А.А. Адамян («Некоторые вопросы эстетики и идеологии фашизма»), профессор С.Л. Гинзбург («Фашизм и национальная музыкальная культура»), доценты А.Л. Островский («Задача советского искусства в дни Отечественной войны») и М.Ф. Пичурин («Экономические и политические формы фашизма») и другие (36, 178).

Несмотря на огромные трудности, с которыми столкнулась Консерватория в годы эвакуации, в Ташкенте в 1942, 1943 и 1944 годах состоялись выпуски студентов старейшего музыкального вуза страны. Консерваторию закончили более 120 человек. Многие из них были приглашены в театры и концертные организации Узбекистана.

¹ Сведения предоставлены В.А. Евсюковым, выпускником Военно-морского факультета, засл. артистом РФ, полковником в отставке.

Научно-исследовательская и творческая работа Консерватории в Ташкенте

Творческая и научно-исследовательская работа Ленинградской консерватории в столице Узбекистана протекала очень интенсивно. Она была связана, главным образом, с проблематикой узбекской музыкальной культуры, а также сосредоточена на вопросах мирового значения русской музыки.

Работа ленинградских музыкантов проходила не только в стенах Консерватории. В Союзе композиторов Узбекистана, в Филармонии (руководителем ее в эти годы был ленинградский пианист Н.С. Эйгенсон), в оркестре Радиокomiteта, в Ташкентском оперном театре имени Я.М. Свердлова, в Театре оперетты, в ТЮЗе, в оркестре русского драматического театра и в других организациях преподаватели, студенты и аспиранты Консерватории выполняли ответственную и почетную миссию. Они были организаторами, дирижерами, певцами, концертмейстерами, артистами оркестров, хормейстерами. Многие ленинградцы преподавали в Ташкентской консерватории, музыкальном училище и музыкальных школах.

Для педагогов-музыкантов Узбекистана под руководством доцента Н.И. Ямпольского в 1942 году были организованы курсы повышения квалификации, охватившие свыше 50 слушателей. Профессора сольного пения М.И. Бриан, С.В. Акимова, И.В. Ершов и др. провели большую работу на курсах повышения квалификации при Узбекском оперном театре, в театре имени Муками, учебном Янги-Юльском театре.

По просьбе руководства Узбекистана преподаватели Ленинградской консерватории оказывали помощь лаборатории по реконструкции узбекских музыкальных инструментов, проводили большую агитационно-пропагандистскую работу в воинских частях, госпиталях, на народных стройках Средней Азии. Среди наиболее активных пропагандистов можно на-

звать А.К. Буцкого, В.И. Бунимовича-Музалевского, Б.И. Ратнера и др. Всего было прочитано более 1000 лекций и докладов. В качестве уполномоченных правительства Узбекистана преподаватели М.П. Крохмаль, Н.И. Ямпольский, Б.И. Ратнер организовали работу по сбору хлопка, а также другие сельскохозяйственные работы, а проректор А.Л. Островский являлся уполномоченным по культурно-массовой работе на строительстве Северного Ташкентского канала.

Исключительную активность проявил в период эвакуации Ученый совет Консерватории, который провел несколько крупных научных сессий. Большое внимание общественности Ташкента привлекла сессия, посвященная 80-летию Ленинградской консерватории, состоявшаяся весной 1943 года. Ведущие профессора, преподаватели С.Л. Гинзбург, А.Л. Островский, Х.С. Кушнарев, Ю.Н. Тюлин, Б.А. Струве, И.В. Ершов и другие говорили об историческом пути Консерватории, обсуждали вопросы воспитания композиторов и музыковедов, выступали с личными воспоминаниями о А.Г. Рубинштейне, Н.А. Римском-Корсакове, А.К. Глазунове. Программа сессии включала не только научные доклады и воспоминания, но и симфонические и камерные концерты из произведений педагогов Консерватории. Также была исполнена опера П.И. Чайковского «Иоланта» (36, 178).

Большая сессия была проведена Ученым Советом в связи с 50-летием со дня смерти П.И. Чайковского. На заседаниях Ученого Совета, кафедр теории и истории музыки Ленинградской и Ташкентской консерваторий, Среднеазиатского университета ленинградцы выступали с докладами «Чайковский и образы литературы», «Чайковский и Петербургская консерватория», «О творческих принципах Чайковского», «Значение музыки Чайковского за рубежом» и др. (33, 46).

В 1944 году торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения Н.А. Римского-Корсакова. Решением Совета На-

родных Комиссаров СССР в 1944 году его имя было присвоено Ленинградской консерватории (36, 179). В связи с этим юбилеем были проведены две научные сессии, где прозвучали доклады профессоров и педагогов вуза о деятельности Н.А. Римского-Корсакова, сообщения студентов и аспирантов-музыковедов, посвященные музыкальной драматургии его произведений. Обе сессии сопровождались концертами и оперными постановками: оперы Н.А. Римского-Корсакова «Боярыня Вера Шелога» и трех актов оперы «Псковитянка» (19, 10).

Привлечение к научной деятельности студентов-музыковедов, а также студентов исполнительских факультетов, участвовавших в концертах и оперных постановках, имело огромное значение для воспитания и подготовки молодых музыкальных кадров.

Было проведено открытое заседание Ученого Совета, посвященное 60-летию старейшего профессора Консерватории композитора М.О. Штейнберга, а также заседание, посвященное памяти выдающегося музыковеда И.И. Соллертинского.

Композиторы Ленинградской консерватории творчески осваивали сокровища узбекского фольклора. В частности, значительным произведением профессора М.О. Штейнберга стала Симфония-рапсодия №5, которую он написал по просьбе правительства Узбекистана. Симфония была навеяна героической историей узбекского народа и стала важным этапом в развитии узбекской симфонической музыки. Две увертюры Штейнберга – «Тахир и Зухра» и «Ильгари» («Вперед») – также опирались на узбекский фольклор.

Творческой удачей стала написанная для молодого Янги-Юльского театра музыкальная комедия Б.А. Арапова «Ходжа Насреддин», а также его десять узбекских песен для голоса и фортепиано.

Среди новых произведений можно отметить фортепиан-

ное трио «Памяти наших погибших детей» и «Сонату-фантазию» москвича М.Ф. Гнесина, оперу «Ледовое побоище» Г.А. Таранова и многие другие.

Композиторская кафедра организовала два конкурса на сочинение лучшего строевого марша для духового оркестра (было подано 15 произведений) и в 1943 г. – лучшей массовой песни к 25-й годовщине Красной Армии (подано 36 произведений) (19, 40-41).

Научная работа во многом была связана с проблематикой узбекской музыкальной культуры. Эта сторона исследовательской деятельности ученых Ленинградской консерватории наиболее полно отражена в сборнике статей «Пути развития узбекской музыки», над которым работали 20 преподавателей вуза. Кроме того, ленинградцы подготовили для узбекских учебных заведений несколько пособий: школу игры на скрипке, сборник для фортепиано в четыре руки, антологию узбекской хоровой музыки.

Несмотря на сложные военные условия, Ученый Совет принял к защите одну докторскую диссертацию («Чтение партитур» профессора Г.П. Таранова) и одиннадцать кандидатских диссертаций, которые были успешно защищены. Среди кандидатских диссертаций – исследование С.Н. Богоявленского «Работа Верди над оперным либретто», Е.Ф. Бронфин «Французская опера в России XVIII века», А.Н. Должанского «О некоторых композиционных особенностях фуг И.С. Баха» и две диссертации преподавателей Ташкентской консерватории.

Огромный размах приняла в Узбекистане концертная деятельность вуза. В здании Клуба швейников под руководством А.Л. Островского еженедельно устраивались открытые тематические концерты, в которых принимали участие лучшие исполнители, ансамбли, хор и симфонический оркестр Консерватории. За три года состоялось 110 бесплатных кон-

церов, в которых были исполнены многие выдающиеся произведения советских композиторов, русских и западноевропейских классиков, а также фольклорная музыка народов СССР, сочинения композиторов Англии, Америки и других зарубежных стран. А.Л. Островский вспоминал: «Каждый из <...> концертов вызывал исключительный интерес аудитории. В зале... можно было видеть писателей Толстого, Лавренева, Гафура Гуляма, Чуковского, Городецкого, Ахматову, Уткина, академика Грекова, Шателена, Якубовского, Тревер <...> и многих других представителей советской интеллигенции, занесенных войной в далекий и гостеприимный Узбекистан <...>. Слушатели проходили по пригласительным билетам, которых обычно не хватало» (18, 388–389).

Эти концерты послужили толчком к возникновению концертного лектория при Узбекской филармонии, где организаторами и исполнителями были преимущественно педагоги, аспиранты и студенты Ленинградской консерватории.

Успех концертов был обеспечен участием в них лучших творческих сил – Е.О. Брик, А.Б. Меровича, Л.В. Николаева, Н.Е. Перельмана, М.Я. Хальфина, В.Х. Разумовской, В.И. Шера, С.С. Апродова, А.А. Григорьевой, Л.Я. Грудиной, Т.Н. Лавровой и многих других.

Невзирая на огромную административную работу, плодотворно занимался исполнительской деятельностью директор Консерватории, профессор П.А. Серебряков. Он выступал как с сольными программами, так и в тематических концертах.

Одним из выдающихся событий культурной жизни Узбекистана стало исполнение оркестром Консерватории под управлением И.А. Мусина в день годовщины начала Великой Отечественной войны 22 июня 1943 года Седьмой («Ленинградской») симфонии профессора Консерватории Д.Д. Шостаковича. Симфония исполнялась четыре раза. «Дирижер

профессор Мусин, игравшие в оркестре профессора, доценты, аспиранты, студенты, учащиеся десятилетки, слушатели Военно-морского факультета, – словом, все 120 человек были охвачены необычайным творческим подъемом, позволившим за короткий срок успешно справиться с исполнением величественного творения наших дней. Это был праздник, давший изумительные творческие радости и огромное моральное удовлетворение», – писал А.Л. Островский (30, 29).

Привлекали внимание слушателей и оперные постановки, которые осуществлялись Оперной студией консерватории под руководством К.А. Аленовой, С.Д. Масловской, Б.О. Нахутина, И.Я. Полферова, В.А. Чарушникова, огромную работу с хором вели А.А. Егоров и К.А. Ольхов. Кроме уже перечисленных спектаклей, были подготовлены и исполнены опера Рахманинова «Алеко», отдельные сцены из опер «Сказка о царе Салтане», «Моцарт и Сальери», «Ночь перед Рождеством» Н.А. Римского-Корсакова, «Мазепа» П.И. Чайковского, «Русалка» А.С. Даргомыжского, «Чио-Чио-Сан» Дж. Пуччини (36, 181).

Ленинградская консерватория организовала также платные концерты и спектакли, давшие в фонд обороны страны и помощи семьям военнослужащих более 200 000 рублей (19, 52).

Военно-шефская работа Ленинградской консерватории в Ташкенте

Еще до отъезда в эвакуацию в Ленинградской консерватории была организована военно-шефская группа, которая круглосуточно принимала заявки на концерты. Возглавили ее профессор А.Б. Мерович и доцент Б.А. Сергеев.

В полную силу работа Консерватории по обслуживанию фронта и тыла развернулась в Узбекистане. Практически все исполнительские силы профессорско-преподавательского со-

става, студентов вуза, музыкального училища и школы-десятилетки приняли участие в художественно-шефской работе в частях Красной Армии, госпиталях, на стройках, в совхозах и колхозах республики.

В первое время концерты носили академический характер, но в скором времени приобрели новый, более подходящий для военного времени облик – формировались бригады и ансамбли, владеющие разнообразным репертуаром.

Для концертно-шефской работы были образованы профессорско-преподавательские, студенческие бригады, в том числе, комсомольско-молодежный ансамбль и женская бригада.

Профессорско-преподавательские и смешанные бригады организовывали тематические концерты и концерты-монографии, посвященные русским и зарубежным композиторам: Глинке, Римскому-Корсакову, Чайковскому, Шуберту, Брамсу, Шуману.

Активное участие в них принимали лауреаты Всесоюзных конкурсов А.А. Григорьева, Н.Е. Перельман, М.Я. Хальфин, С.С. Апродов, аспирантки В.Н. Кудрявцева и Т.Н. Лаврова и другие.

Заслуженным успехом пользовался квартет имени Ауэра под руководством профессора В.И. Шера. В его репертуаре были лучшие образцы квартетной музыки Моцарта, Бетховена, Бородина. Этот коллектив, выступая в госпиталях, в частях Красной Армии, совхозах, колхозах и на предприятиях, дал 316 шефских концертов (19, 64).

29 ноября 1942 года для художественного обслуживания действующей армии был направлен на фронт объединенный ансамбль Ташкентского театра оперы и балета имени Я.М. Свердлова и Ленинградской консерватории. Возглавлял эту фронтовую концертную бригаду профессор А.Б. Мерович. От Консерватории в бригаду вошли доценты С.С. Апродов,

М.Ф. Печурин, Б.А. Сергеев, аспиранты М.Т. Бровченко, Л.Н. Раабен, студенты И.И. Краузе, В.Н. Мизина, М.Н. Нейман, Л.Я. Грудина, Е.Д. Лупкин, З.М. Тарановская.

География фронтовых концертов бригады была обширна: Брянский, Карельский, Волховский, Ленинградский, Центральный фронты, Северный флот и т.д.

В репертуар бригады входили сольные номера, а также сцены из разных опер и оперетт. В январе 1943 года в газете «Звезда Советов» появилась заметка, где упоминалось, что «в течение нескольких дней в нашей части выступала концертная бригада Узбекистана <...> под руководством профессора А.Б. Меровича. Тепло приняли гвардейцы выступления <...> аспирантки консерватории М.Т. Бровченко, студентов В.И. Мизиной и И.О. Краузина¹.

Студенты консерватории И.О. Краузин и Л.Я. Грудина с большим мастерством провели дуэт Одарки и Карася из оперы «Запорожец за Дунаем» (12, 1943, 12 января).

Работа фронтовой бригады не ограничивалась лишь концертными номерами, а включала еще и агитационно-пропагандистскую деятельность. В приказе начальника Политуправления Карельского фронта сказано: «Руководитель бригады профессор Мерович своими вступительными словами перед каждым концертом “О единении тыла с фронтом”, “Об Узбекистане в Отечественную войну”, члены бригады теплыми беседами с личным составом частей о жизни и работе тыла вселяли в сердца бойцов и офицеров гордость и глубокую благодарность нашему советском тылу и вызывали обещания еще сильнее громить врага до полного его уничтожения...» (19, 64).

«Один из концертов прервался боевой тревогой. Коман-

¹ Фамилия названа ошибочно. Настоящая фамилия студента – И.И. Краузе, впоследствии – выдающийся певец, нар. артист СССР Иван Петров.

дир, вдохновленный концертом и рассказами о жизни тыла, испросил разрешение на вылет и, посвятив свою операцию <...>. Узбекистану, вылетел. Утром артистам сообщили, что командир соединения полковник Сирота в ночном бою сбил четыре самолета противника» (25, 73).

В архиве музея истории Консерватории хранятся письма участников этой фронтовой бригады. В. Мизина 22 декабря 1943 года писала: «Сегодня у нас было 8 концертов, вчера – 5. Принимают нас очень хорошо...».

26 декабря 1943 года: «Меня очень радует наша консерваторская молодежь – она очень хорошо, абсолютно не жалуясь, идет на все испытания», – читаем в письме руководителя струнного ансамбля бригады Л.Н. Раабена (4).

За 14 месяцев пребывания на фронтах бригада дала 593 концерта, провела 192 доклада, 110 митингов и 112 занятий с фронтовой самодеятельностью. Всего прошло 1007 мероприятий, которыми было охвачено 700 000 слушателей (19, 63).

Рассказ об этой фронтовой бригаде можно закончить выпиской из приказа начальника Политуправления Северного флота от 17 декабря 1943 года: «Не считаясь со временем, с дальними переходами в любую погоду и с трудностями боевой обстановки, бригада побывала во всех соединениях, надводных и подводных кораблях, в авиации, на зенитных батареях, в частях морской пехоты, на передовой линии фронта, в госпиталях и др. частях действующего фронта. Скромность и трудолюбие, стремление дать бойцам и офицерам максимум возможного характеризует данную бригаду с самой лучшей стороны» (4).

В феврале 1942 года по инициативе комсомольцев Консерватории был сформирован комсомольско-молодежный ансамбль. Возглавил его музыкальный руководитель и дирижер Д.А. Румшевич, бригадир – скрипач и режиссер И. Теслер. Первое выступление этого коллектива состоялось на строи-

тельстве Северного Ташкентского канала, а затем он с большим успехом вел военно-шефскую работу в частях Среднеазиатского военного округа, в Мирзачульском, Сыр-Дарьинском и других районах республики, в госпиталях, на Салар ГЭС, во время сельскохозяйственной кампании. Вокалисты, чтецы, небольшой оркестровый ансамбль исполняли боевые оборонные песни, хоровые произведения советских композиторов и специально сочиненные сатирические куплеты. Каждый вокалист был и солистом, и участником хора.

Несмотря на все лишения военных лет, эта студенческая бригада поражала своей неиссякаемой энергией, юношеским задором, – «днем и ночью, в любую погоду, в землянках и на самой трассе строительства (Северного Ташкентского канала) комсомольцы выступали всегда «в форме», заражая тысячную аудиторию бодростью и задором и, в свою очередь, вдохновляясь изумительным героическим трудом строителей» (61, 30).

Ансамбль стал примером для тружеников Узбекистана. Вот что писали в дирекцию Консерватории из совхозов «Ударник» и «Галля-Аран»: «Бригада своей дисциплинированностью и воспитанностью, отличным концертом воодушевила рабочих и служащих совхозов на выполнение и перевыполнение планов по уборке и заготовке хлеба для государства, за что всему коллективу комсомольско-молодежной бригады объявляется благодарность» (37, ф.298, оп.4, д.340, л.24).

За три года существования студенческого ансамбля состоялось около 1500 концертов, а 9 мая 1945 года, в День Победы он дал свой прощальный концерт в родном городе, на Исаакиевской площади.

Осенью 1942 года ушли в ряды РККА (Рабочекрестьянская Красная Армия) студенты-мужчины. Было решено создать женский ансамбль для военно-шефской работы.

За создание такой бригады взялась профессор С.Д. Масловская, бригадиром стал преподаватель Р.И. Мучар, режиссером и ведущим – студентка М. Слуцкая.

Бригада состояла из 14 человек, в репертуаре ансамбля были произведения Гурилева, Даргомыжского, Пуччини, Дунаевского, Соловьева-Седого и других композиторов. М.Д. Слуцкая вспоминала: «Специально для ансамбля были написаны выходной Марш – композитором Ю. Балкашиным, и текст всего представления – М. Коганом. Получилось полутеатрализованное зрелище. Все девушки были в одинаковых синих юбках и белых блузах. Самыми любимыми песнями бойцов были «Вечер на рейде» и «На солнечной поляночке» Соловьева-Седого, вальс Мюзетты Пуччини, заканчивалась программа исполнением всеми участниками «Марша энтузиастов» Дунаевского».

Бригада ездила по госпиталям, на различные участки Салар ГЭС, на предприятия, в колхозы и совхозы. И всюду девушек встречали очень тепло. Вот один из отзывов на представление женской бригады от коллектива строителей Октябрьского участка Салар ГЭС: «...концерт произвел на присутствующих исключительно отрадное впечатление. Ансамбль приятно звучит, хорошие голоса, хорошо сопровождается музыкой».

Желали бы почаще слышать товарищей у себя. Музыка помогает поднять нам производительность труда» (37, оп. 4, д.340, л. 21-21об.).

Помимо концертной деятельности, коллектив Консерватории принял активное участие в организации шефской помощи художественной самодеятельности в частях Красной Армии, госпиталях, на заводах, фабриках, комбинатах, в ремесленных и железнодорожных училищах, школах ФЗО (фабрично-заводского обучения), вузах и детских учреждениях. В сохранившемся письме поэту И. Уткину в феврале 1942 года

дирекция Консерватории пишет о мероприятиях по оказанию помощи эвакуированным: «...Консерватория берет культурное шефство над тремя детдомами.

Дирекция совместно с общественными организациями организовали совет женщин профессорско-преподавательского состава для повседневной работы с детьми» (37, ф.298, оп.340, л.147).

В подшефных организациях были созданы хоровые коллективы, ансамбли песни и пляски, ансамбли народных инструментов, духовые оркестры. Велась работа по выявлению и подготовке самодеятельных певцов и инструменталистов среди талантливой молодежи. Всего было выделено 50 руководителей кружков самодеятельности (32, 1944, 26 июня).

Консерваторцы проводили консультации и оказывали организационную помощь в проведении смотров и олимпиад художественной самодеятельности. Итоги этих мероприятий показали всю глубину и серьезность проведенной Ленинградской консерваторией работы. В ней принимали участие как профессора, педагоги, так и студенты вуза.

Весь коллектив Консерватории и 13 активистов работы по организации самодеятельности были награждены грамотами городской шефской комиссии (19, 72).

За три года, которые Ленинградская консерватория провела в Узбекистане, ее педагоги, аспиранты и студенты дали 3 600 шефских концертов. Лучшие активисты были отмечены грамотами Президиума Верховного Совета Узбекистана, Среднеазиатского военного округа, республиканского союза и Центрального комитета работников искусств (19, 60).

Приведенные факты свидетельствуют, что Ленинградская консерватория, находясь в годы войны в тылу, в условиях эвакуации, не прерывала учебную, научную, исследовательскую и концертную деятельность.

С первых дней Великой Отечественной войны культура и искусство стали поистине духовным оружием народа.

То, что сделали в годы войны музыканты, не укладывается в рамки обычных представлений о деятельности работников искусства. В горниле военных испытаний с особой силой проявились их лучшие патриотические черты: они совершали ратные подвиги на поле брани, вели титаническую культурно-просветительскую и концертно-шефскую работу на фронтах и в тылу. Ленинградская государственная консерватория сумела наладить учебный процесс не только в эвакуации, но и в осажденном Ленинграде, совершая свой трудовой подвиг.

Знаменательно, что в условиях войны появились такие выдающиеся музыкальные произведения, как начатая в блокадном Ленинграде Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича, симфония «Родина» Б. Асафьева, грандиозное научное исследование «История музыкальной культуры» Р. Грубера и многие другие.

Художественная интеллигенция своим трудом приближала победу, вера в которую давала силы перенести неслыханные лишения и испытания. Вдохновенное творчество ленинградских музыкантов, как в родном городе, так и в Ташкенте, помогало мобилизовать моральные, духовные силы народа на защиту Родины.

Использованные материалы. Архивы.

1. Азаров В., Котикова Н. Виктор Константинович Томилин. Л., Музыка, 1968.
2. Альбом «Памяти павших», Музей истории Консерватории.
3. Алянский Ю. Театр в квадрате обстрела. М.-Л., Искусство, 1967.
4. Архивные материалы Музея истории Консерватории.
5. Архивные материалы музея «Музы не молчали» (235

школа имени Д.Д. Шостаковича).

6. Архив Консерватории. Приказ № 162 от 9 августа 1941.
7. Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Л., Лениздат, 1970.
8. Бронфин Е.Ф. Александр Вячеславович Оссовский. Очерк жизни и творческой деятельности. Л., Советский композитор, 1960.
9. Буров А. Блокада день за днем. Л., Лениздат, 1979.
10. В годы Великой Отечественной войны. Воспоминания, материалы. Под ред. В.М. Богданова-Березовского. Л., Советский композитор, 1959.
11. Воспоминания о Б.В. Асафьеве. Л., Музыка, 1974.
12. Загурский Б.И. Искусство суровых лет. Л., Искусство, 1970.
13. «Звезда Советов» (газета, 1943, 12 января).
14. Зотов В.Н., Орлов М.М. Солдаты Пулкова. Л., Лениздат, 1978.
15. Карасев А.В. У стен Ленинграда. М., ДОСААФ, 1965.
16. Крюков А.Н. Музыка в городе-фронте, Л., Музыка, 1975.
17. Крюков А.Н. Музыка в кольце блокады. Очерки. Музыка, 1973.
18. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. В 2-х тт. Л., 1988.
19. Ленинградская консерватория в Узбекистане. 1941-1944 гг. Отчет. Ташкент, 1944. Библиографический отдел библиотеки Санкт-Петербургской консерватории.
20. «Ленинградская правда» (газета за 1941 г.).
21. Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны. М.-Л., Искусство, 1948.
22. Лившиц А. Жизнь за Родину свою. Очерки о композиторах и музыковедах, погибших в Великую Отечественную войну. М., Музыка, 1964.
23. Максакова Л. В. В рядах воюющего народа. М., Мысль,

1965.

24. Музыка продолжала звучать. Ленинград. 1941-1944. Л., Музыка, 1969.

25. Музыка на фронтах Великой Отечественной войны. М., Музыка, 1970.

26. «Музыкальная жизнь», 1977, № 9.

27. «Музыкальные кадры» (газета Ленинградской консерватории за 1965, 1975, 1985 гг.).

28. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., Наука, 1985.

29. Ополченцы. Рассказывают участники обороны Ленинграда. Л., Лениздат, 1975.

30. Открытая сессия Ученого Совета, посвященная 80-летию Ленинградской консерватории. Материалы. Ташкент, 1943.

31. Оссовский А.В. Б.В. Асафьев//Советская музыка. 1945, № 4.

32. «Правда Востока» (газета, 1944, 26 июня).

33. Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Информационный обзор. Л., 1946.

34. Рисс О. Дозорные печатного слова. М., Искусство, 1963.

35. Своим оружием. М., Госполитиздат, 1961.

36. Сто лет Ленинградской консерватории. Исторический очерк. Л., 1962.

37. ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга)

ПАМЯТИ

**Антонины Федоровны Лебедевой
Григория Федоровича Фесечко
Михаила Андреевича Юшкевича
Екатерины Николаевны Шуваловой**

Забытые имена Ленинградской блокады

Эти люди в годы блокады Ленинграда сыграли значительную роль в жизни Консерватории. Но мало кто помнит о них, а молодежь, в лучшем случае, слышала их имена.

Одним из неизвестных имен, без даты рождения, без личной и творческой биографии до недавнего времени было имя Антонины Федоровны Лебедевой, исполнявшей обязанности директора Консерватории в Ленинграде в период блокады. В 2006 году в архиве вуза совершенно случайно найдено личное дело А.Ф. Лебедевой, которое приоткрыло страницы жизни этой неординарной, талантливой женщины – единственной в галереи директоров-ректоров Санкт-Петербургской-Ленинградской консерватории. Ниточка исследования в архиве потянула за собой еще несколько интересных и, по всей вероятности, забытых фактов истории Ленинградской консерватории тех времен. Например, обнаружилось, что в блокадном Ленинграде работало не два исполняющих обязанности директора, как предполагалось раньше (А.Ф. Лебедева и Г.Ф. Фесечко), а...четыре!

Приказа о назначении А.Ф. Лебедевой исполняющей обязанности директора в архиве не обнаружено. Видимо, оно исходило от Уполномоченного Комитета по делам искусств Ленинграда. Об этом свидетельствует запись от 26 сентября 1941 года в личной карточке Антонины Федоровны, согласно которой она была переведена с должности библиотекаря на должность «и.о. пом. директора», то есть, помощника дирек-

тора¹. Кто же был на этом посту сразу после отъезда основного административно-преподавательского и студенческого состава Консерватории в Ташкент?

Изучая приказы трагического лета 1941, мы нашли имя человека, который в течение почти месяца (с 22 августа по 15 сентября), занимал эту должность – Юшкевич Михаил Андреевич. Он родился в 1905 году, окончил Консерваторию по классу кларнета (профессор А.В. Березин), а затем и аспирантуру. С 1938 года М.А. Юшкевич работал директором Оперной студии, а с 22 августа 1941 года все консерваторские документы подписываются уже им. В приказе № 191 от 08 октября 1941 года находим, что Михаила Андреевича: «с 15/IX считать мобилизованным Райкомом ВКП/б/ в РККА...»², таким образом, с 15 сентября А.Ф. Лебедева вплоть до 23 апреля 1943 года подписывает все документы, в том числе и приказы.

Поскольку на работу А.Ф. Лебедева была принята сразу после окончания оперно-режиссерского факультета в июле 1941 года, когда Великая Отечественная война была уже в разгаре, личная карточка периода блокады практически пуста. О деятельности ее как директора Консерватории можно узнать лишь из отрывочных воспоминаний людей, вместе с которыми она работала. Зато студенческая карточка, наполненная анкетами, заявлениями, характеристиками и другими документами, довольно полно раскрывает биографию человека 20-х – начала 40-х годов XX века.

Родилась Антонина Федоровна Лебедева согласно «Выписи из метрической книги» 25 марта 1911 года в эстонском городе Ревель, где и прожила с родными до 1918 года. Гражданская война заставила семью бежать в город Славянск на Донбассе. Там А.Ф. Лебедева окончила семилетку и профсо-

¹ Архив Санкт-Петербургской государственной консерватории (СПбГК), дело №50, л. 30.

² Архив СПбГК, Дело № 230, л.40.

юзную школу и в 16 лет поступила на временную работу лаборантом на содовый завод. В автобиографии 1940-го года есть подробные сведения о родителях:¹ «Отец и мать из крестьян, оба с детства в Петрограде на заработках: отец у торговца зеленью, мать на кухне у адмирала Эссен. Вместе со своим хозяином отец, женившись, переехал в Ревель. После разорения хозяина он работал на железной дороге. По приезде в Славянск – он рабочий маслобойного завода, зав. военной столовой в Красной Армии. С 1922 по 1928 г. – торговец: вначале на рынке – мукой с блюда, затем арендовал в компании столовую. С 1928 г. служащий столовых и пивных Красного Луча. Мать с 1928 г. повар в столовых Кр. Луча»². Думается, что А.Ф. Лебедева не случайно описывает все детали жизни и деятельности своих родителей. Скорее всего, это было связано с событиями 1936 года, когда ее исключают из кандидатов в члены ВКП (б) с формулировкой «за скрывание соц[иального] происхождения»³. В 1940 году ее восстановили в кандидаты ВКП (б) без взысканий с сохранением кандидатского стажа. Видимо, ей очень повезло, так как это событие в то время могло негативно отразиться на ее дальнейшей судьбе и переходе на оперно-режиссерское отделение Консерватории.

В 1928 году А.Ф. Лебедева переехала к дяде в Ленинград. Здесь она, как пишет в автобиографии, «закончила девятилетнее образование», а в 1930 году поступила на фабрику «Скороход». На этом предприятии Антонина Федоровна прошла путь от подсобной рабочей, закройщицы обуви до заместителя радиоузла фабрики, была редактором ежедневной стенной газеты, вела кружки «художественное рассказывание», выполняла обязанности «литературного и культработника».

¹ Орфография и пунктуация документа сохранены.

² Архив СПбГК, Дело 134, л. 112.

³ Там же, л. 113 об.

С 1934 года А.Ф. Лебедева по рекомендации предприятия, на котором работала, стала учиться сразу на 4 курсе Рабфака (Рабочий факультет)¹ Ленинградской государственной Консерватории, а через год ее приняли на инструкторское отделение (впоследствии дирижерско-хоровое отделение).

В 1938 году А.Ф. Лебедева подает заявление с просьбой перевести ее на оперно-режиссерское отделение, так как считает, что в «данной области муз[ыкальной] работы найду наилучшее применение своих способностей»². В автобиографии она подробнее объясняет причину перехода на оперно-режиссерский факультет: «Эта область искусства меня интересовала с детства. В г. Славянске я начала заниматься по скрипке. Там же организовывала детей улицы и ставила с ними детские постановки. В школе участвовала в спектаклях и хоровых кружках. В Ленинграде в самодеятельности Домпросвета (Дом просвещения) им. Коминтерна участвовала в работе драмкружка (вначале как актриса, затем как режиссер); училась в студии АХР при фабрике «Скороход», работала в литературном кружке, в рабочем театре <...>, занималась художественным рассказыванием. В 1935 году была командирована в Забайкалье... для работы с хором и драмкружке»³.

Антонина Федоровна пыталась убедить дирекцию и руководство факультета, что именно режиссура – ее истинное призвание. Она рассказывает о своем первом режиссерском опыте – «Красной шапочке», поставленной с детьми одногодками в Славянске, когда пришлось самой придумать и декорации и костюмы, и о роли Матери в инсценировке одноименного произведения М. Горького, поставленного в рабочем театре Яблонских в Ленинграде.

¹ В 1919-40-х гг. в СССР при вузах подготовительные факультеты для молодежи, не имевшей среднего образования.

² Архив СПбГК, Дело № 134, л. 115.

³ Архив СПбГК, Дело № 134, л. 110, об.

Уже через два года студентке 5 курса оперно-режиссерского отделения А.Ф. Лебедевой будет дана характеристика ведущих профессоров-режиссеров: Соловьев отметит, что у нее «хорошие режиссерские данные. Большая настойчивость в работе <...>. Хорошо работает с театральным художником.

Во время пребывания на отделении ею проработаны оперы «Евгений Онегин», «Черное домино» Обера и «Князь Игорь» Бородина.

Дипломная работа «Луиза Миллер» Верди» декан оперно-режиссерского отделения Э.И. Каплан подчеркивает, что А.Ф. Лебедева «обладает ярко выраженными организационными способностями, выдержкой, умением формулировать свои мысли, работоспособностью. Рост за время ее пребывания в ЛОЛГК свидетельствует, что перед нами серьезный человек, разбирающийся в сложных вопросах музыкального театра, способный в дальнейшем завоевать авторитет как режиссер»¹.

Полгода студентка занималась в мастерской такого известного режиссера как П.Я. Курзнер, с ним она прошла значительный оперный репертуар и оформление отрывков из спектаклей, работала с актерами и студентами-вокалистами. Кроме того, А.Ф. Лебедева стала ассистентом режиссера-постановщика оперы И. Держинского «Тихий Дон», делала вводы актеров в этот спектакль, была ведущим режиссером нескольких спектаклей Оперной студии, например, «Русалки» и «Тихого Дона».

5 июля 1941 года приказом № 142 Антонина Федоровна Лебедева была отчислена из Консерватории с дипломом оперно-режиссерского факультета и принята на работу в библио-

¹ Там же, л. 111.

теку. А уже через несколько дней начнется последний, самый тяжелый и трагический этап в жизни этой женщины.

В августе, когда вуз был эвакуирован в Узбекистан, исполняющим обязанности директора Консерватории в Ленинграде, как говорилось выше, был назначен М.А. Юшкевич, начальником МПВО (Местная противовоздушная оборона) и его помощником стала А.Ф. Лебедева.

8 сентября началась героическая блокада Ленинграда, ситуация на фронте с каждым днем становилась все напряженнее, Михаил Андреевич был мобилизован. А.Ф. Лебедева стала выполнять обязанности директора.

Сохранились воспоминания студентов и преподавателей, оставшихся в Ленинграде, о жизни Консерватории в годы блокады, но об Антонине Федоровне сведения очень скудны. Так, ее приемник Г.Ф. Фесечко в своих заметках о годах Великой Отечественной войны пишет: «На нее легла тяжелая работа в Консерватории. Исполняя обязанности директора, <...> она на протяжении всей зимы, труднейшего периода блокады, находилась на своем посту. Во время воздушных тревог и бомбардировок появлялась на самых опасных участках, личным примером воодушевляла бойцов охраны. Неимоверное напряжение подорвало ее здоровье»¹. Профессор консерватории Татьяна Сергеевна Бершадская в личной беседе вспоминала, что, будучи мобилизованной в команду МПВО, и живя в Консерватории, она встречалась с А.Ф. Лебедевой. По ее словам, это была неулыбчивая женщина, которую все побаивались, но которая много делала, для того, чтобы преподаватели, студенты, сотрудники Консерватории и Оперной студии смогли пережить страшное время блокады. Она помогла организовать столовую, которая в самое трудное время декаб-

¹ Ленинградская консерватория в воспоминаниях. В 2-х тт. Л., 1988, с. 14.

ря 1941–марта 1942 года стала «той точкой, где собирались оставшиеся в Ленинграде»¹ и которая дала возможность выжить не только многим сотрудникам Консерватории, но и их родным.

Кроме невероятно тяжелой административной работы, Антонина Федоровна преподавала студентам, во всяком случае, ее имя можно увидеть в приказе № 196 от 31 октября 1941 года об утверждении профессорско-преподавательского состава, приступившего к занятиям с первого ноября.²

И еще одна очень важная деталь портрета А.Ф. Лебедевой – несмотря на все тяготы военного времени, голод, холод, огромный объем работы, она не забывала о своей профессии режиссера.

В осажденном городе в небольшом зале Кукольного театра на Невском проспекте 7 июня 1942 года состоялся концерт-спектакль, поставленный силами Ленинградской консерватории «Песни Беранже», о котором уже упоминалось. Его режиссером-постановщиком стала Антонина Федоровна Лебедева. Художественное и музыкальное руководство осуществили Зоя Петровна Лодий и Тамара Сергеевна Салтыкова. Исполнителями были студенты и сотрудники Консерватории.

Неимоверное напряжение блокадного времени подорвало здоровье Антонины Федоровны. В марте 1943 года она попала в больницу. 27 апреля был издан приказ: «На время болезни тов. Лебедевой А.Ф. временно исполняющим обязанности Начальника объекта Лен. Гос. Консерватории назначить с 24 апреля 1943 г. тов. Шувалову Е.Н.

Основание: Выписка из приказа комитета по делам искусств от 26 апреля 1943 г.

¹ Ленинградская государственная консерватория в годы великой Отечественной войны. 1941-1945. СПб., 2005, с.51.

² Архив СПбГК, дело № 230, л.48.

Директор ЛОЛГК: Шувалова»¹

Имя Екатерины Николаевны Шуваловой, заместителя А.Ф. Лебедевой, я думаю, мало кому известно, особенно сейчас. О ней есть строки в воспоминаниях Г.Ф. Фесечко: «С первых же дней моей работы в консерватории я навещал больных товарищей. Вместе с Е. Шуваловой и В. Мельчуговым посетили А. Лебедеву <...>. Когда мы ее навестили, она была в тяжелом состоянии»².

Родилась Екатерина Николаевна в 1906 году в Ленинграде. В 1930 году окончила хореографическое отделение Первой Государственной Художественной Студии, а уже с 1929 года работала артисткой балета Оперной студии при Ленинградской Консерватории. После войны она продолжила работать артисткой балета, одно время даже преподавая студентам ритмику и танец. Показалось интересным, что, будучи награжденной медалью «За оборону Ленинграда», в послевоенной анкете Е.Н. Шувалова писала, что «не принимала участия в Отечественной войне»³, а в автобиографии, относящейся к 1945 году, ни словом не обмолвилась о своей деятельности в годы блокады, а тем более о замещении директора в марте-июне 1943 года. Единственным документом, в какой-то мере освещающим этот период работы Е.Н. Шуваловой, может служить характеристика более позднего времени, подписанная директором ЛОЛГК П.А. Серебряковым: «...крупный общественник, исключительно отзывчивый и чуткий товарищ, Е.Н. Шувалова во время тяжелых месяцев блокады самоотверженно стремилась помочь каждому из оставшихся в Ленинграде работников и студентов нашего ВУЗ'а перенести все тяготы этого времени, являясь деятельным помощником и.о.

¹ Архив СПбГК, дело № 268, л.10.

² Ленинградская консерватория в воспоминаниях. В 2-х тт. Л., 1988, с. 14.

³ Архив СПбГК, дело 256, л. 124.

директора и замещая его во время его болезни»¹. Дата характеристики, к сожалению, отсутствует. Вот, пожалуй, и все, что осталось от ее недолгого директорства.

9 июня 1943 года приказом Уполномоченного Комитета по делам искусств А.Н. Шувалова «освобождается от обязанностей исполняющего директора Консерватории и приступает к своим прямым обязанностям.

Исполняющим обязанности директора Консерватории назначается тов. Фесечко Г.Ф.»².

Григорий Федорович Фесечко был одним из тех музыкантов, кто в годы блокады остался в Ленинграде, преодолевая весь ужас того времени, стал участником легендарного события культурной жизни осажденного города – первого исполнения Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича оркестром Радиокomiteта 9 августа 1942 года. Во время его директорства возобновились занятия в классах Консерватории, оживилась концертная жизнь, частично велись восстановительные работы в разрушенном артиллерийскими обстрелами здании. Г.Ф. Фесечко проработал исполняющим обязанности директора с 9 июня 1943 до возвращения вуза из Ташкентской эвакуации в конце сентября 1944 года.

Г.Ф. Фесечко родился в 1904 году, в 1924 году поступил на оркестровый факультет Ленинградской консерватории по специальности скрипка, а через два года был переведен на Инструкторско-педагогический факультет по отделению Обще-Музыкального Образования, в 1930 году он успешно закончил вуз со званием Инструктор высшей квалификации³.

Из четырех исполняющих обязанности директора Ленинградской консерватории в годы блокады, только трое после Великой Отечественной войны продолжили свой творческий

¹ Там же, л.131.

² Архив СПбГК, дело № 268, л.16.

³ Архив СПбГК, дело № 239, лл. 69 и 69 об.

путь. М.А. Юшкевич стал директором специальной музыкальной школы при Консерватории, Г.Ф. Фесечко играл в оркестре Ленинградской филармонии, Е.Н. Шувалова работала артисткой балета Оперной студии и преподавателем.

А.Ф. Лебедева, по воспоминаниям Г.Ф. Фесечко, умерла 1 апреля 1944 года после тяжелой болезни. Это грустная история Человека, с большим трудом нашедшего свой путь в искусстве, но не успевшего пройти его, пережившего невероятные трудности и страдания Ленинградской блокады, но не дожившего до Победы. Антонине Федоровне, когда ее не стало, было всего 33 года! Ее жизнь, наполненная постоянной работой, творчеством и заботой о людях, стоит того, чтобы о ней вспомнить.

ВОСПОМИНАНИЯ

Приносим глубочайшую благодарность тем, кто поделился своими воспоминаниями.

Мы понимаем, какую боль они перенесли, извлекая из глубин памяти пережитое, воскрешая безвозвратно ушедшее. Но память – равноправный участник бытия: она должна передаваться по наследству с тем, чтобы, воскреснув, питать чужую жизнь, не дать прошлому уйти и быть забытым, превратить пережитое в «постоянную величину».

ВОЙНА

ВЕЛЬШАКОВА САЙРА АЗЫМОВНА

преподаватель кафедры музыкального театра

Из воспоминаний о войне

...Наша концертная бригада в блокаду выступала в госпиталях, каждый день мы обслуживали по 2–3 госпиталя, заходили в палаты, исполняли песни, романсы Гурилева, Варламова, народные песни. Тогда еще были знаменитые песни «Дан приказ ему на запад», «Синенький платочек» с другими словами – не с теми, какими поет Шульженко. Патриотических песен было много – Дунаевского, Соловьева-Седого. У меня к этому времени был небольшой опыт таких выступлений: когда я еще училась в школе, шла финская война, и мы выступали в госпиталях перед ранеными. Кроме Ленинграда, никакой другой город не почувствовал этой зимней войны – у нас же тогда были замаскированы все окна.

Мне крепко запомнилось, что 8 сентября 1941 года мы выступали в Институте травматологии, около Петропавловской крепости. И когда окончился концерт, все с удивлением увидели, что почти весь Ленинград покрыт дымом – горели Бадаевские склады.

Выступали и в городе, и на фронте. Фронт – это Купчино, Славянка, Колпино. Я помню первую поездку на фронт 7 ноября 41-го года. Нашу бригаду – человек 6 – высадили на станции Купчино, где сейчас остановка Проспект Славы. Несмотря на начало ноября, воздух был холодный, земля покрыта снегом, а передвигаться мы могли только ночью, по траншеям, днем уже нельзя было. Ведь велись постоянные обстрелы Ленинграда, тем более совсем рядом с Купчино, в Пушкине, уже были немцы. Нельзя было поднимать голову, потому что были трассирующие пули: идешь ночью – и летят пули. Нас встретил политрук, и мы по окопам еле добрались в зенитные точки. Концерт мы должны были дать в землянке. Там нас покормили, дали гречневую кашу с кусочками мяса, но хлеб – 2 кусочка – я поберегла, чтобы домой принести маме. Ведь у нас в Ленинграде 7 ноября уже был голод. Я может и выжила потому, что нам хотя бы в госпиталях давали пайки, подкармливали немножко <...>. Нам говорят: если тревога – вы будете нам помогать. Мы думаем – как помогать? Мне тогда было 19 лет. И правда, когда начался наш концерт – а мы пели «Бей, барабан, походную тревогу», – действительно объявили тревогу: это был сильный налет на Ленинград – ведь именно 7 ноября у Гитлера был план захватить город и устроить банкет в «Астории».

Я никогда до этого не видела, как стреляют зенитные орудия: когда отдача – земля трясется, и с потолка в землянке земля сыплется. И нам говорят – ну давайте, выходите помогать: таскать пустые гильзы. Оказывается, гильзы от зениток такого размера, как двухлитровые банки. Стреляют – а мы пустые гильзы таскаем. Но самая красота – в том, что над Ленинградом прожектора были, – как сейчас в разных шоу – и сверкали настоящие звезды, ночью. И была очень ясная погода. Эти самые зенитки стреляют – как будто звезды падают. Сколько тревога продолжалась, я не знаю. Но эта красивая и

страшная картина мне очень запомнилась. А потом, после этой ночи, мы опять под руководством политрука двигались по окопам в другую точку. Много было таких походов.

Зима-весна 42-го. Семья у нас была 7 человек. Папа уже лежал, истощенный, мама тоже. Помню, если я могла от себя маленький кусочек хлеба оставить, я, конечно, приносила его домой. И дома, и кругом, – страшный голод. Много трупов валялось. Идешь мимо трупов. Я иду однажды по Загородному, смотрю – такой интеллигентный дядя в каракулевой шапке, я чувствую, человек умирает. Я спрашиваю: «Где Вы живете, где живете?» Он еле прошептал мне, что дом 19, а я жила в доме 16. Когда зашла в его дом, дворник говорит мне: «Ну что я сделаю, если его жена лежит мертвая». Понимаете, люди уже не могли друг другу помочь. Однажды мимо меня по Владимирскому проспекту грузовая машина идет. Я подняла голову: думаю, дрова, что ли везут – а это были замерзшие трупы...

На Московском проспекте был рынок, где можно было выменять дуранду. Кусочек дуранды – это когда выжимают масло подсолнечное, или льняное, остатки прессуются для животных. Это было самое для нас дорогое: если гороховая, например, дуранда, то можно было ее намочить и сварить суп. У нас 7 человек в семье было, по 125 грамм хлеба набиралась буханочка, – и вот мама маленький кусочек отнимала и говорила мне – беги, поменяй на дуранду<...> У папы были единственные часы, он снял их – доченька, может, на крупу поменяешь? Я побежала, увидела солдата, он за эти часы дал, наверное, стакан-два пшена <...> Таких эпизодов очень много.

Однажды выступали на Обводном канале, где больницы. С Ленинградского фронта целыми поездами привозили раненых. В зале стульев нет, везде раненые. Мы поднимаемся на сцену и поем: кто слушает, кто стонет. В моем репертуаре была одна татарская песня «По ягоды» композитора Музафарова.

И вдруг подходит ко мне врач и говорит: «Слушайте, пойдите в соседнюю палату, там один татарин лежит, раненый, пусть последний раз в жизни он услышит свою национальную песню на родном языке». Я встала среди палаты и спела эту песню, без аккомпанемента.

Весной появилась возможность эвакуироваться. Собрались нас 17 человек. Это была последняя Дорога Жизни: все уже таяло – апрель месяц – когда мы переехали Ладогу. Это было как на грани жизни и смерти: постоянный обстрел, одна, потом другая машины проваливаются под лед – а наша машина ищет дорогу рядом, немножко в стороне.

Переехали, остановились. У нас были бумажки-удостоверения, и по количеству людей нам давали паек. Сначала дали – у нас глаза такие стали! – сухари, и, конечно, голодные люди набросились на эту еду. Еще был супчик, кашу давали – и многие в первый же день или на второй умерли, потому что нельзя было сразу наесться. Эвакуационные организации нас регистрировали, распределяли – в какой эшелон, в какой вагон. А вагоны все были товарные, с печурками, нары в 2 этажа. В дороге на каждой станции снимали, наверное, по 100 трупов. Мы сами не знали куда едем. Это был 42-й год.

ГАМАЛЕЙ ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

профессор кафедры режиссуры музыкального театра

Война меня застала в симфоническом оркестре, который был организован из студентов, окончивших Консерваторию в 1940-м году. Мы уехали все на срочную службу, попали в г. Выборг, служили при Доме Красной Армии. Утром проходили курс молодого бойца в артиллерийском полку, а во второй половине дня отправлялись в ДКА, репетировали и давали концерты по субботам и воскресеньям. Там меня застала война.

В конце августа 1941 года немцы прорвались на Карельском фронте, они вышли к Ладожскому озеру и спешно двинулись по Карельскому перешейку на Териоки (Зеленогорск). В Выборге началась паника, и все драпали, как говорится, оттуда: население на поездах, 2 дня, потом поезда перестали уже ходить. А ДКА на грузовиках перебрался сперва в Териоки на 2 дня, а потом оттуда в Лисий Нос.

Через некоторое время о нас вспомнили, и мы оказались ансамблем при штабе 23-й армии.

Поселили нас в Осиновой роще, получали мы 2-ю категорию питания. Это было весьма голодно, так что мы обычно часть обеда не доедали, а вечером наполняли наши котелки снегом и делали какую-то бурду, чтобы как-то утолить голод и заснуть.

Нас возили на концерты на расстояние 15-20 км в открытых грузовиках, так что, когда, совершенно замерзших, с негнущимися пальцами, нас привозили на концерт, мы первым делом все искали печку, чтобы скорее отогреть руки, чтобы пальцы могли шевелиться. Ну а потом мы шли и играли эти концерты. В основном нас направляли в места, где были штабы дивизий, спецподразделения, но не на самую передовую, — для этого нас было слишком много. В нашем ансамбле было 30 с лишним человек, был оркестр, были солисты, 2 певца, 2 чтеца, в том числе артист Владислав Стржельчик. И вот так этот ансамбль просуществовал до весны 43-го года.

В середине зимы 41–42 года нам прислали в качестве худрука Леонида Арнольдовича Энтелиса. Он решил наш коллектив реформировать, сократить оркестр и за счет этого сделать небольшую хоровую группу и танцевальную. Когда сократили оркестр, то сокращенные попали кто куда. Я попал в музвзвод 291 дивизии. Штаб ее находился в Песочном, а занимала дивизия рубежи от вокзала Белоостров и на восток до Восточно-Выборгского шоссе.

Музвзвод существовал негласно, потому что при дивизии по штатному расписанию оркестра не полагалось. Поэтому нас числили то при комендантском взводе, то как похоронную команду. А в общем бросали нас на различные работы, где только нужны были руки: колоть-пилить дрова в столовой, рыть могилы и хоронить покойников в братских могилах. Причем порядок был такой: рядовых бойцов, убитых, привозили из медсанбата на телеге, голенькими, и мы должны были скатывать их с телег и швырять в могилы, записывая, кто в каком ряду, потому что у всех тогда были бирки. И наш капельмейстер должен был отсылать родственникам извещения, что их сын, муж, брат погиб смертью храбрых и похоронен в поселке Песочный, могила номер такой-то, такой-то ряд, головой на восток или головой на запад. А если умирал командир, то тогда это было более серьезно обставлено. Сперва мы рыли могилу, потом брали инструменты, шли к дому, где лежал покойник, с музыкой его провожали, пока его выносили из дома и какую-то часть пути несли к кладбищу, потом, когда на кладбище все прощались, были какие-то речи, мы играли гимн Советского Союза, в это время – залп, и все уходили, а наша задача была зарыть могилу и поставить столбик с дощечкой, где было написано, что вот такой-то – лейтенант, старший лейтенант или капитан по званию...

Летом 1942 года наш командующий дивизии заявил, что музыканты все бездельники, а у него не хватает людей на фронте. И велел нас послать в полки, кого в какой, их было 3 стрелковых полка. – А надо сказать, что наш оркестр хоть и был маленький – всего 15 человек – но очень мобильный, потому что некоторые музыканты играли на нескольких инструментах, и коллектив мог играть и как джаз-оркестр, и как духовой. Как джаз-оркестр мы выступали с концертами, довольно много. Среди военных находились люди, у которых был голос, они пели песни под наш аккомпанемент. Был один по-

жилой командир, бывший кадетский воспитанник, любивший играть на виолончели и соло, и с аккомпанементом. Кроме того, мы играли на собраниях, играли туш при награждениях и давали множество концертов. И когда нас захотели разогнать, то начальник политотдела заявил – это невозможно, что же мы будем делать без музыкантов! – и нашел способ оформить нас как агитбригаду. Так что начальник политотдела фактически спас наш коллектив.

Быстренько были созданы 2 бригады по несколько человек – чтобы мы что-то могли играть. В одной был гитарист, в другой баянист как основа ансамбля, кто-то играл на трубе, я – на кларнете. Мы отправились в полки и ходили по траншеям буквально в 100-200 метрах от старой передовой. Так что финны слышали нашу игру и иногда кричали: «Рус, играй “Катюшу”!». Играли мы в землянках, землянки были небольшие: нас 6 человек, мы сидели на нарах, а слушателей помещалось тоже человек 5-6. Мы играли, как раньше в кинотеатрах бывало – концерт, рассчитанный на полчаса, для первой пятерки слушателей, потом они уходили, перекур – одни уходят, новая пятерка или шестерка приходит, играем для следующих. И так мы облазили все траншеи двух полков. Потом поменялись местами: мы ушли во второй полк, из второго пришла первая бригада, и еще был в запасе третий полк. И когда мы еще раз поменялись – это уже был ноябрь 42-го года. Вдруг поменяли командира дивизии. Кто-то ему сказал, что в дивизии есть оркестр, но он разогнан. Он говорит: «Как! Командир армии содержит ансамбль 35 человек вне штата, так что же я, командир дивизии, не могу 15 человек содержать!» И нас вернули всех обратно в Песочный, и опять мы стали давать концерты. Но это не значит, что нас освободили от других работ. Например – нет света, а надо выпускать газету –

нас зовут в редакцию, и мы – линотип¹: туда – сюда, туда – сюда по очереди, и так мы в роли линотипа часами печатали дивизионную газету. Были и другие работы: вывозили металлический лом на станцию, потом его в вагонетках везли в Ленинград, на заводы для переплавки, и т.д.

Вот так прошла у меня жизнь в дивизии до момента наступления, то есть до 1944-го года. А в январе 1944-го года нашу дивизию перебросили на южный участок фронта, она брала Красное Село и Гатчину, даже получила название Гатчинская, наша дивизия активно участвовала в снятии блокады. И тут уже было не до концертов: нас использовали как грузчиков, мы возили с тыловых складов вооружение в дивизию – мины, снаряды. Эти ящики, на которых было написано «Не бросать» и «Не кантовать», мы укладывали на грузовики, садились сверху. А дороги были в ужасном состоянии, потому что зима была теплая, все время около нуля градусов, и все не асфальтированные дороги, где прошли танки, были этими танками перепаханы. Поэтому наши грузовички все время подпрыгивали, а мы прыгали наверху на этих ящиках и думали: взорвемся или доедем все-таки благополучно!

Вот так мы постепенно удалялись от Ленинграда и добрались до окраин Пскова, где наша дивизия перерезала железную дорогу Псков-Остров и застряла накрепко, довольно долго сидела там в болоте.

В это время нас уже стали эксплуатировать, если так можно выразиться, в другом плане. Дорога была разворочена, и на протяжении 18-ти километров машины не могли проехать, не могли доставить в дивизию ни боеприпасы, ни продукты. И вот оказалась в нашей дивизии – о чем я никогда и

¹ Линотип – типографская наборная машина, отливающая набор целыми строками.

не знал – какая-то конюшня, какие-то полудохлые лошаденки. Мы вставали в 5 часов утра, брали этих лошадей и на них ехали 20 км по обочине дороги к складу. Там мы сами грузили мешки с сахаром, с мукой, с крупами на этих лошадок – по 2 мешка на каждую – и уже пешком 20 км топали обратно, ведя за собой этих лошадок.

Так прошли апрель и май 1944 года. Тут наша дивизия попала в другую армию: пока мы наступали от Ленинграда, то числились в 55-й армии, а теперь оказались в 67-й армии. И вот – объявляется смотр самодеятельности. Нас отправляют всех на этот смотр, куда-то в довольно глубокий тыл – где-то в районе Псковской области, сравнительно далеко от передовой, километров 20-40. Там был армейский ансамбль – бывший ансамбль 55-й армии. Руководил этим ансамблем Александр Александрович Владимирцев, композитор и будущий многолетний руководитель эстрадного оркестра Ленинградского Радио. Владимирцев заинтересовался рядом наших участников самодеятельности и решил кое-кого взять к себе в ансамбль. И я попал туда с условием, что за неделю осилю игру на аккордеоне и буду в бригадах аккомпанировать певцам и играть соло. Я на это согласился, и дальше моя жизнь была связана с этим ансамблем. Туда, помимо меня, попал еще танцор Малиновский – хороший танцор, из московского железнодорожного ансамбля, певец, хороший баритон, бывший солист оперетты ...

С июля 1944-го года и до конца декабря я был в этом ансамбле. С этим ансамблем от Пскова мы докатились до Риги. Ну, конечно, ансамбль на передовых не выступал, но концертов мы давали много, в основном, в госпиталях, а также, в штабах дивизий. А в декабре 1944 года пришла бумага о том, чтобы меня откомандировать в распоряжение Ленинградского военного округа, в штабной духовой оркестр. Дело было так. Когда осенью вернулась из эвакуации Консерватория, то ста-

ли наводить справки: кто из бывших студентов остался в живых. Один из моих знакомых, бывший мой сотоварищ по ансамблю в Выборге, дал знать в Консерваторию, что я жив, здоров. От вуза поступали списки в военные организации, и таким образом меня вызвали с фронта в Ленинград. И здесь я служил сперва в штабном оркестре, играл там на кларнете, а уже после окончания войны – был ноябрь 45-го года – перевелся в ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа, которым руководил Александр Иванович Анисимов, хормейстер. Анисимов предложил мне такой вариант: я буду в оркестре играть на концертах, а помимо этого – поскольку я владел роялем – разучивать с певцами, солистами в качестве концертмейстера «запевки», которые они должны были исполнять. В этом ансамбле я закончил военную службу к концу мая 1946-го года.

Уже находясь в этом ансамбле, я мог посещать консерваторию. В сентябре 1945 года я поступил на дирижерский факультет и смог посещать какие-то занятия. Экзамены за I курс я сдавал частично экстерном, частично как обычный студент. Конечно, уроки по специальности, по дирижированию я старался посещать наиболее регулярно. Не всегда это удавалось, потому что были концерты и выезды в военные части, в том числе и в другие города: мы ездили в Таллинн, в Выборг. Вот такая у меня военная биография.

Меня дважды в дивизии представляли к медали «За боевые заслуги», но дважды она от меня ускользала. Первый раз она ускользнула потому, что я заболел дизентерией и попал в госпиталь. А тогда было такое правило, что из госпиталя обратно не возвращали, поэтому считали, что я в дивизию больше не вернусь, и мою медаль передали другому товарищу. Однако, начальник госпиталя согласился не отправлять меня в запасной полк, а вернуть обратно в дивизию. Так что в дивизию я возвратился, а медаль прошла мимо. Второй раз

меня представили к медали в 1944 году летом, но в это время я попал в армейский ансамбль. Таким образом, опять награда ушла от меня. Но я об этом не жалею. Фактически основная награда, которую я считаю действительно заслуженной, которой можно гордиться – это медаль «За оборону Ленинграда», я получил ее летом 1943-го года. Ну а потом – это медали «За победу над Германией», «Орден Отечественной войны Второй степени».

МАРГОЛИН ВЕНИАМИН САВЕЛЬЕВИЧ

профессор кафедры медных духовых инструментов

Музыкантам военных лет

Привет вам, друзья-ветераны!
Соратники, братья мои,
Живые герои романов,
Седые мои земляки!
В великой победе народа
Есть ваш замечательный вклад:
В бою у солдата музвзвода
Всегда был в руке автомат.
И если стихи для поэта
Сравнимы с ударом штыка,
То как же должна быть воспета
Зовущая в битву труба!
Недаром в спокойствии студий,
Когда я беру инструмент,
Мне слышатся залпы орудий,
И песни военных тех лет!
Концерты в землянках, бригады –
Мы все через это прошли,
И помним, как рвались снаряды,
Под Дудина Миши стихи.

Живые герои романов –
У всех на висках седина –
Наденем, друзья ветераны,
Сегодня свои ордена.

Из сборника стихов Вениамина Марголина «Я солнцу раду-
юсь с утра...», СПб, 2002, с. 49.

РОССОЛОВСКИЙ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ
профессор кафедры хорового дирижирования

За день до войны я был зачислен в военное училище. Мне было 17 лет. Год учебы вместо трех положенных – и на Сталинградский фронт. Я, новоиспеченный лейтенант, принял командование взводом связи во 2-й зенитно-артиллерийской дивизии, которая защищала войска фронта от вражеских налетов. Окружение войск Паулюса под Сталинградом, наступление громады корпуса Манштейна. Стволы наших зениток от неба опустились навстречу вражеским танкам. В моем взводе погибло больше половины ребят. А какие были ребята! Многие – мои ровесники. Между боями мы чаще не прошлое вспоминали, а мечтали о будущем, не сомневались, что – радостном и светлом, о том, как встретят нас родные, о том, чему себя посвятим <...> И вот почти никого из них не осталось <...> Разве можно привыкнуть к смерти? Наоборот, постоянная готовность к тому, что в любой момент то же самое может произойти с тобой, заставляла по-другому смотреть на мир, ценить жизнь, дорожить каждой судьбой. Постоянное напряжение и огромная ответственность. Война – труд. Война – работа. Чем больше будет уничтожено «единиц противника», тем лучше <...>

По-разному выдерживали это люди. Некоторые сходили с ума, пускали себе пулю в лоб, дезертировали. Об этом мало говорят. Но и забывать, наверное, не следует. К счастью, таких было немного. Война проверяла людей, проверяла преданность Родине, каждый сражался за самое дорогое, что было у него, за то, что было «до», за жизнь своих товарищей, за горе и страдание людей, за то, что будет «после» <...>.

Путь нашей дивизии пролегал через Ростов, Донбасс, Севастополь, затем – Западный фронт: Белоруссия, Литва, Кенигсберг. Под Кенигсбергом бои были особенно кровопролитными. В последние дни войны терять людей было особенно обидно, а фашисты не жалели ни техники, ни боеприпасов.

В моей памяти встают люди с дорог войны: престарелый учитель истории в Крыму, просящий на пропитание, в его глазах – не обеспокоенность личной судьбой, в его глазах – трагедия <...> Командир батареи, интеллигентный, образованный человек, покончивший с собой из-за неразделенной любви. Сожженные деревни, виселицы на площадях освобожденных городов и поселков, матери с мертвыми детьми на руках <...> Это навсегда оставило в сознании отпечаток. Наверное, без этого я был бы другим человеком.

Фронтальная школа расширила круг представлений о духовности и бездуховности, о чести и долге, о чувстве Родины и ценности человеческой жизни, о ее неповторимости. Во имя всего этого святого хотелось не разрушать, а созидать, заниматься творчеством.

Среди рева, грохота и скрежета войны особенно дорог и ценен был человеческий голос. И в хоровом искусстве он – все! Может, это и определило тогда мой выбор профессии. В 1946 году я демобилизовался и в том же году поступил на дирижерско-хоровую факультет Ленинградской Консерватории. Военная привычка во что бы то ни стало выполнять то, что необходимо, помогала мне и в учебе, и в жизни.

**Стихи П.А. РОССОЛОВСКОГО,
написанные в годы войны**

21 год

Я понял жизни страшную несправедливость
Я видел голод, нищету среди людей,
Людей, достойных счастья, светлых дней,
Бродящих по домам, просящих скромно милость.
Я молод и в душе моей всегда
Живет мечта о счастье, о любимой,
Я верю, что воскреснет справедливость.
И радостью наполнится душа.
Любить? Желание огромно.
И я любил, но милый экземпляр
Оказывался дрянью, я страдал,
На сердце было тяжело и больно,
Итак, мне двадцать один год,
Прожит довольно большой срок,
Я понял жизни суету
И то, что пережил – учту.

1944

Ты грустишь о доме

Тоской о милом, его ласке,
Или ты вспомнила о том,
Как мать живет в селе родном,
Как ветер дверью стукнет в дом,
И мать пойдет и поглядит...
А на дворе весна стоит,
И солнце бросит теплый луч
На вашу хату, а над ней
Зальется трелью соловей
О прошлых счастья светлых днях,
Но стоит ли теперь грустить
О том, что минуло, прошло,

Что было чисто, хорошо.
Теперь ищи других путей,
Путей за счастьем в жизни сей,
Такой несчастной для людей.

1944

Дорогому папе

Я сейчас на фронте под Либавой.
Дует свежий ветер, дождь идет,
Дни короткими нерадостными стали,
Нет ни развлечений, ни забот.
Вспоминаю юность в Ленинграде:
Как ходил по театрам и кино,
Как прогуливался с Олей на бульваре,
Как по радио играл Альфред Корто.
Как любил я «Вертера», «Руслана»,
«Пиковую даму», «Лоэнгрин».
Я не знал ни горя, ни печали,
Ни о чем тогда я не грустил,
Помню, как прогуливались, папа,
По широким берегам Невы,
Как любимая, уж старенькая, мама,
У больницы проводила дни.
Навсегда теперь прошли те годы,
На войне я вырос, возмужал,
Испытал я трудности, невзгоды,
Видел горе и душой страдал.
Но всегда я благодарен буду
Маме и тебе за счастья дни,
Никогда, я обещаю, не забуду
Тех заветов, что давал мне ты.
Вот сейчас на фронте под Либавой
Дует мокрый ветер, снег идет.
Грустно мне, душа полна печали,

Смутных, неразгаданных тревог.
Все же верю я, что будет в жизни счастье,
Что мы встретимся с тобою скоро вновь,
Что рассеется ужасное ненастье,
И воскреснет добродетель и любовь.

1944

Письмо (Танго)

Ты, думаю, не будешь ревновать,
 Что девушка, молоденькая, в белом,
 Садилась часто на мою кровать,
 Не отрываясь, на меня глядела.
Я был тогда в тяжелом забытьи,
 Как все в бреду то ласковым, то грубым.
 Брал чьи-то руки, думал, что твои,
 Искал тебя, глаза твои и губы.
Когда метался я в жару больном,
 Когда тоска давила сердце камнем,
 Любимой матерью, подругой дорогой,
 Сестра светловолосая была мне.
Она умела словом приласкать,
 Так рассказать мне о реке, о поле,
 Что проходила смертная тоска,
 И забывал я о несносной боли.
Ты, думаю, не будешь ревновать,
 Что я ей часто говорил: «Войдите!»
 Она придет и сядет на кровать,
 Сердечный мой руководитель.
И, вероятно, вовсе не любя,
 Ни губ моих, ни взоров, ни улыбок,
 Она меня спасала для тебя,
 Скажи же ей душевное спасибо.

1945

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

БЕРШАДСКАЯ ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

профессор кафедры теории музыки

Началу войны посвящено несчетное количество книг, фильмов, спектаклей. Но в жизнь каждого, ее пережившего, война вошла по-своему, оставив неизгладимым воспоминание слома, раскола жизни надвое – «до и после». Никогда не забуду, как это случилось со мной.

22 июня 1941 года. Воскресенье. Дивная погода, тепло, солнечно. Только бы гулять! Но мне и моим самым близким друзьям, студентам 1 курса Консерватории Любочке Рябковой, Надюше Горюхиной, Шеле Вургафт, Нине Павловой – не до прогулок. Послезавтра, 24 июня – последний экзамен, самый «страшный» – история зарубежной музыки у профессора Романа Ильича Грубера. Мы сидим в классе №3 и на двух роялях в 4, 6, 8 рук упоенно играем оперы Монтеверди, концерты Баха, симфонии Гайдна и т.д. – весь курс, называемый нами когда-то «от Грубера до наших дней». В разгар наших занятий в классе появляется моя двоюродная сестра, Верочка Северьянова, в то время студентка училища и никак в Консерватории не ожидаемая. Не забуду ее лицо <...> Теперь мне кажется, что она предчувствовала, что ей войну не пережить! Станным, каким-то «не своим» голосом она говорит: «Вы ничего не знаете? Война!» <...> Все оборвалось <...>

Экзамен мы сдали, но с этого момента началась другая жизнь. Другое измерение. Мы немедленно были мобилизованы Консерваторией в команды местной протовоздушной обороны, переведены на казарменное положение (домой отпускали раз в неделю на несколько часов). Жили в классах, главным образом 4-го этажа.

По тревоге бежали на свои посты. Я, будучи «бойцом

команды управления и связи» при пожарной команде – главным образом, на чердаки (до сих пор знаю их по номерам) и крыши. По приказам штаба МПВО города в разных составах ездили строить оборонительные сооружения, сначала у больницы Фореля, потом в сторону Ораниенбаума, где одну из наших групп настигли наступающие немецкие части и заставили ее буквально спасаться бегством.

Наступил август. Консерватория стала готовиться к эвакуации. Я не могла уехать, так как не хотела расставаться с семьей, а родители уехать наотрез отказались. И, полная горьких сожалений, я пошла провожать отъезжающих друзей – соучеников и учителей. Помню Ольгу Евгеньевну Вольф, которая, подойдя ко мне, попросила: «Таня, Николай Георгиевич (Привано) мобилизован и до отправки на фронт находится на Подъездном переулке; пожалуйста, навещайте его и будьте нашим «почтовым ящиком» – ведь с эвакуированными связь очень сложная. Мы будем переписываться через Вас». Конечно, я ей обещала, и всю войну письма Ольги Евгеньевны к Николаю Георгиевичу и обратно шли через меня. Помню и Аду Григорьевну Шнитке, стоявшую растерянно с 3-х недельной Адочкой на руках, которую она держала так неумело, что я немедленно взялась ее учить (у меня уже был опыт няньки).

И вот Консерватория уехала. Но жизнь, хотя и переломанная, искореженная, продолжалась.

Во-первых, мы оставались в командах МПВО при Оперной студии Консерватории, продолжали жить на казарменном положении и дежурить в Консерватории, продолжали ездить на строительство оборонительных сооружений. Помню, как 6 ноября, вернувшись с оборонных работ (строили баррикады у Нарвских ворот), я осталась на круглосуточное дежурство в кабинете П.А. Серебрякова. По радио передавали трансляцию торжественного заседания, посвященного 21-й годовщине Великой Октябрьской Революции. И вдруг диктор, прервав

трансляцию, сообщает о первом успехе – остановке фашистских войск на подступах к Москве. Это был подарок к празднику.

Во-вторых, мы не хотели сдаваться! Мы хотели учиться, а наши учителя, оставшиеся в Ленинграде, хотели нас учить. И, сбившись в группы, мы продолжали заниматься, несмотря на холод, на отсутствие света, на мучительное, непроходящее чувство голода. Лев Абрамович Аб вел у нас чтение партитур; Рудольф Иванович Мервольф – инструментоведение (никогда не забуду, как, входя в класс, он начинал урок неизменным: «Ну, забудем теперь о чечевице! Назовите 124 обертон от <...>»); Вальтер Николаевич Верв – анализ форм; Михаил Семенович Друскин – историю музыки; Михаил Осипович Юдин – полифонию; Екатерина Францевна Дауговет – фортепиано. Никто из них, кроме М.С. Друскина, не пережил блокаду! Светлая им память!

Занятия прерывались воздушными тревогами, и мы, побросав тетради и схватив противогазы, бежали на свои посты. Мы продолжали жить в классах Консерватории, теперь уже в нижних этажах. Мы с моей подругой Шелей Вургафт размещались в классе № 18. Рядом с нами в классе №19 жил Александр Вячеславович Оссовский с женой; его переселили вниз из квартиры на 5-м этаже. В промежутках между тревогами и дежурством мы... играли в 4 руки. Библиотека действовала! Там работали энтузиасты – старенькая Наталья Петровна Колесникова, знавшая наизусть весь фонд библиотеки, и, тогда совсем девочка, Валя Спицина, проработавшая потом еще много лет и после войны в качестве заведующей библиотекой.

Так дни текли примерно до декабря. К этому времени занятия сами собой прекратились. Учителя умирали, ученики теряли силы. В декабре

41-го – январе, феврале 42-го в Консерватории все замерло и даже наши дежурства как-то прекратились, потому что

сюда пришли местные военизированные команды, которые работали по всему городу. До марта месяца мы приходили сюда, только чтобы получить обед. Здесь работала столовая. Обед состоял из дрожжевого супа – без карточек. И иногда что-нибудь давали и по карточкам – кашу, например. Я получала тарелку дрожжевого супа «на пропуск» и несла ее домой, где меня ждали 6 человек. Мы разбавляли его водой и ели все шестеро <...> Столовая Консерватории была той точкой, где собирались оставшиеся в Ленинграде. Помню Елену Осиповну Брик, Михаила Михайловича Белякова и других.

Все это время я продолжала исправно служить почтальоном между Николаем Георгиевичем Привано и Ольгой Евгеньевной Вольф, сама переписывалась с ними. И вдруг в последних числах декабря получаю письмо от Николая Георгиевича, написанное чужой рукой, о том, что он ранен, лежит в госпитале, на 22-й линии Васильевского острова и будет рад, если я смогу его навестить. Легко сказать! На дворе около 40 градусов мороза. Транспорта нет, трамваи замерли в сугробах. От голода еле стоишь на ногах. Родные кричат: «Не смей ходить, свалишься по дороге!». Но я, конечно, пошла к своему любимейшему учителю. Пошла пешком через весь город с кусочком сухой корки в кармане, останавливаясь через каждые полчаса. Но пошла и дошла! Радости свидания не было границ. Омрачалась она только раной Николая Георгиевича, лишившей его возможности действовать правой рукой. Он сказал, что его отправляют в тыл.

К весне занятия в Консерватории, правда, весьма нерегулярные, стали возобновляться. Огромную радость принесла нам, оставшимся в Ленинграде, посылка от наших ташкентских коллег – рис и сухофрукты. Дело, конечно, не только в горсточке риса, но в «чувстве плеча» – нас не забыли – мы в коллективе. Это само по себе было счастьем.

Связь с Консерваторией в самом Ленинграде у меня на

некоторое время несколько ослабла. Надо было подумать о хлебе насущном, а именно, хотя бы о рабочей карточке – студенты получали только служащую, а это – большая разница. Я устроилась ученицей в Военно-ремонтные мастерские и работала там полгода, заслужив звание сборщика-оптика 4-го разряда – с записи об этой должности начинается моя трудовая книжка, чем я очень горжусь. Но через полгода, с 1 января 1943 года, наступает новая веха в моей профессиональной жизни – я стала работать по специальности – музыкальным воспитателем детских садов. Я работала в нескольких садиках сразу, придумывала всякие постановки – оперы, балеты и вообще все, что в голову придет. Мой основной садик, как весной уехал на дачу в Удельную, так там и остался, и я почти все время проводила в Удельной. Родных к тому времени, кроме тети, не осталось в живых. В Удельной не было бомбежек и обстрелов, обстрелы кончались на 1-м Мурынском, дальше снаряды не летели. До сих пор с теплой радостью вспоминаю этот период своей жизни, эту свою работу, своих ребятишек.

Следующая незабываемая дата – 27 января 1944 года – снятие блокады. В этот день мы собрались у приятельницы, у которой недавно родился сын, и она праздновала появление на свет нового гражданина <...> Вдруг – голос Левитана. Незабываемо. Это был день, когда я единственный раз в своей жизни оказалась пьяной, выпив рюмку спирта. Водку мы, бывало, во время войны пили, потому что ее давали по карточкам (хотя, в основном, конечно, меняли на дрова, на хлеб), а спирт – нет. И когда мне налили рюмку, не предупредив, что это спирт, я спокойно выпила <...> а очнулась, по-моему, только на следующий день. Но я не жалею об этом! Снятие блокады этого стоило!

Ну а осенью 1944 года вернулась из эвакуации Консерватория и жизнь понемногу стала входить в свою колею.

РУЧЬЕВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

профессор кафедры теории музыки

Из воспоминаний о блокаде

Что я думаю о блокаде вообще? Блокада была очень большим испытанием людей, очень резко обозначила их нравственность и разделила их жизни. В блокаду выяснилось, кто есть кто. Подавляющее большинство блокадников свое имущество меняли на продукты. За какой-нибудь маленький мешочек крупы, какие-нибудь 200 граммов – отдавали все. И мы тоже очень многое поменяли, как и все. Но были люди, которые это имущество брали, и которые, очевидно, имели продукты, добытые какими-то путями, у кого-то эта крупа была в изобилии. Откуда они это взяли? А с другой стороны, если бы таких людей не было бы – может, было бы еще хуже. Были также люди, которые даже занимались всяким промыслом за счет трупов – готовили котлеты, которые продавали на рынке. Но таких людей было мало, и не они составляли главную часть блокадников.

Главная роль, которая принадлежала блокадникам, заключалась в том, что само их присутствие не давало городу возможность разрушиться, сгореть, быть разграбленным... Если бы не было населения, то город не мог быть сохранен вообще. Так что здесь одинаковую роль играли те, которые вели себя благородно и честно, гибли, и те, которые пользовались какими-то благами. Они все одинаково способствовали тому, что не было пожаров, которые бы не тушились, не было бомбежек, после которых не производились бы раскопки, не было грабежей и не было эпидемий. Грабежей не было в каком смысле: могли ограбить лежащего на улице, иногда бывало, что отнимали карточки, но это очень редкий случай. Однако таких повальных грабежей, какие сейчас происходят в Ираке и в других местах – этого в Ленинграде не было. Не

было повальных эпидемий, не было грабежей, не было массовых пожаров, не было зданий, которые так и оставались бы разрушенными, с людьми, погребенными под ними. Были специальные МПВО – бригады девчонок, которые разгребали завалы и вытаскивали оттуда всех, кто остался жив, и ходили по квартирам, искали живых людей, детей, которых сейчас же отправляли в детские дома. Так что вот это общее присутствие людей, из которых подавляющая часть была людей нравственных, спасло наш город. Людей, которые верили в победу, – я никаких разговоров никогда не слышала о том, что вот, мол, пришли бы немцы и т.д. – никогда. Благодаря всему этому – не только военной защите, но и вот такой духовной защите, поддержке жизнедеятельности самого города, – Ленинград уцелел.

Война началась совершенно неожиданно. Помню бомбежки: был такой звук, как будто отрывают доски с гвоздями, а это были зенитки, они стояли на набережной в районе 17-й линии Васильевского острова. Первое время бомбежки были довольно часто, почти каждый день. Сначала мы уходили в подвал, потом оставались дома, потом даже с кровати не вставали. Мы с Ириной, моей племянницей, дежурили на крыше, и оттуда видели пожар. Я думала, что горит фабрика Урицкого, потому что пожар был такой сильный – казалось, он очень близко. Оказалось, что это «Американские горы» горели – очень большое, высокое сооружение-аттракцион около Зоологического сада (их впоследствии не восстанавливали).

Постепенно положение в городе ухудшалось. Самые трагические дни были в конце января 42-го года. Потому что в эти последние три-четыре дня января не было электричества и не выпекался хлеб вообще, – а всего остального и до этих дней уже не давали. В это время погибло наибольшее количество людей. Мы стояли трое суток в очереди за хлебом, сменяя друг друга. Был очень сильный мороз, и мимо нас прово-

зили 30 трупов в час. Трупы складывали и в подвал нашего дома, а потом, уже в марте, все сложили на 11-й линии, как бы штабелем – как дрова, в сколоченный из досок сарай, и все было видно, что там внутри делается. Потом на машинах везли, иногда рука торчит, иногда нога.

Был один такой случай. Повезли на лошади тележку с хлебом, и кто-то из очереди бросился, чтобы украсть, оторвать кусок или буханку хлеба. Очередь бросилась за ним, ему этого не дали сделать и побили, но не очень. Один мужчина отнял у мальчика карточки, а очередь за мальчика заступилась, его связали и без всякого суда и следствия расстреляли в тот же день. Так что с этим было очень строго.

Были огороды. В первое же лето дали всем семена, шкурки посадочные для картошки, при каждом дворе распределили между всеми оставшимися жильцами огорода. Это – детские площадки, газоны, дворы: все было распаханно. Почти все деревянные дома разобрали, но растущих в городе деревьев не трогали.

С декабря 41-го года сначала мама, потом я стали донорами: я до осени 43-го, а потом попала в больницу, а мама еще долгое время, и после войны, продолжала быть донором (в послевоенное время – уже почетным донором). В самую блокаду мы вдвоем с мамой вязали маскировочные сетки (мне пришлось выточить по маминому образцу челнок); на них потом нашивалась материя, которой и маскировали Исаакиевский собор, и другие – все золотые купола. Я прошла медицинские курсы и дежурила в госпиталях. Когда был прорыв блокады, то привезли очень много раненых, и я тогда попала в госпиталь помогать, ухаживать за ними. Было очень сложно с ними, потому что под гипсом – а у некоторых гипс от колена и до груди – были вши, с этим было не справиться. Не могли остановить анаэробную инфекцию, когда постепенно отнимают одну за другой части тела, и многие погибали, конечно.

В городе развелось невероятное количество крыс – ведь везде валялись трупы. Крысы были огромные, они нападали на людей. Мама поступила в архив Академии наук, где в подвале была столовая. Мы как-то раз пришли туда «отовариться» по карточкам, пришли позже других и, когда там сидели, то видели, как крысы огромной массой забирались на столы и лизали еще не вымытые тарелки. Как-то одна крыса пролезла с улицы через форточку в комнату, где спали мы с мамой и стала подбираться к мешочку с сухарями, нашему НЗ – и мне пришлось подушкой и руками от нее отбиваться. В 1943 году в город привезли полный эшелон кошек и распределили их по магазинам – для спасения от крыс. Одну дали в наш Молокосоюз, а она сбежала, и все ринулись за ней, чтобы поймать и вернуть в магазин.

В марте 42-го я видела Татьяну Сергеевну Бершадскую: она тогда потеряла маму и сестру Веру. Она очень изменилась: обычно круглое ее лицо стало неузнаваемым.

Тогда же я начала искать своих учителей и соучеников, и некоторых нашла в больницах: Сергея Яковлевича Вольфензона – в больнице Софьи Перовской. В медицинских стационарах для долечивания были собраны музыканты-педагоги, все в разных местах: в Большом Драматическом театре – Гиппиус, которого потом перевели в подвал Мариинской больницы, где была и я. В БДТ он и Вольфензон попали, уже будучи дистрофиками, весной. В Пушкинском театре – Асафьев, в «Астории» был Софроницкий.

Летом 42-го возобновились занятия в училище. Союз композиторов организовал тогда конкурс на лучшую обработку русской народной песни, а Гиппиус был в жюри. Но так как он лежал в стационаре, то меня командировали к нему узнать его отношение к этому конкурсу. И он, будучи фольклористом, сказал: «Передайте им, чтобы они обращались с народной песней как можно свободней!» А сам он в то время в

больнице рецензировал учебник Грубера, I том Всеобщей истории музыки – это я очень отчетливо помню.

Во время блокады мы с Ирой Ельчевой написали песню. Это было летом 42-го года. Приехал в наше училище лейтенант из танковой бригады – со стихами. Сергей Яковлевич Вольфензон поручил нам написать музыку, потом он как-то скомпоновал, приписал много сам, и так появилась эта песня. Она стала собственностью танковой бригады, ее гимном, с ней они воевали. В стихах были имена людей, воевавших в бригаде, было описано, что они сделали. После войны мы долгое время встречались с политруком этой бригады, полковником Алексеем Александровичем Шатохиным (сейчас он уже умер).

Летом 42-го стали функционировать не только училище и Союз Композиторов, но и Институт театра и музыки. И в Институте устраивались научные доклады: Кремлев делал доклад «Чехов и музыка», читали вслух «Евгений Онегин» Асафьева. А на следующий год приехала Мария Вениаминовна Юдина. Она вела здесь семинар, выступала в Филармонии. По ее инициативе в Союзе композиторов всех, кто хоть сколько-нибудь сочинял, прикрепили к кому-либо из композиторов, которые оставались в городе. А оставались Богданов-Березовский, Кремлев, Кочуров, Евлахов. Я попала к Юрию Владимировичу Кочурову.

Кочуров тогда же писал песни, довольно много романсов, «Суворовскую увертюру», «Героическую арию», которую исполнила Софья Петровна Преображенская с оркестром (Софья Петровна – лучшая Марфа, какую я когда-либо слышала). Евлахов написал «Ленинградский блокнот» для фортепиано. 9-го и 13-го августа исполнялась VII симфония Шостаковича. На том и другом исполнении я присутствовала. Был полный зал – это всеми давно описано. Очень неожиданно прозвучал финал: думали, что будет такой победный финал, а он оказал-

ся совсем иным, очень сложным.

Трудно сказать, что на нас оказало более сильное воздействие: прорыв блокады или снятие блокады, потому что прорыв блокады – это было потрясающее событие. Снятие блокады, конечно, тоже, но прорыв был первым событием, после которого жизнь пошла по-другому. На карточки стали давать побольше всего, но главное – что была победа. Запомнилось: в день снятия блокады, но еще до салюта, большая толпа бежала в темноте к набережной, и все как-то так тяжело дышали... А вообще о том, что будут блокаду снимать, мы знали уже числа 12-го, потому что слышали выстрелы: стреляли из города – не только там, на фронте, стреляли. Собственно фронт был рядом, поэтому все те точки, которые находились внутри города, и крейсер «Киров», который здесь стоял, принимали участие в военных действиях.

В квартире остались мы с мамой, к нам поселяли людей из разбомбленных домов, но потом им дали площадь. На втором этаже нашего дома никого не осталось, на первом жили два или три человека.

...Консерватория вернулась в октябре 44-го года. Конечно, очень радостное это было событие. Уже знали, что эшелон двое суток стоит где-то там, на путях, и мы все ходили встречать... А когда мы провожали консерваторию 20-го августа 41-го года, они уезжали в теплушках, и тоже еще двое суток стояли; в этих теплушках помещались с младенцами Ада Григорьевна Шнитке, с дочкой Адочкой, и Галина Тихоновна Филенко с сыном Олегом. А потом, когда все приехали, то их квартиры, конечно, были заняты, и многие поселились в концертном зале 10-летки. У Эмилии Лазаревны Фрид были на ногах калоши, завязанные веревочками. Помню Сергея Николаевича Богоявленского в военно-морской форме (тогда существовал военно-морской факультет, и он этим факультетом заведовал). У Николая Георгиевича Привано правая рука была

парализована (нерв перебит), в первое же лето после войны – лето 45-го года, мы с Татьяной Сергеевной играли для него в 4 руки все симфонии Шумана, симфонии Брамса, а он нас на футбол водил. Но это уже было после войны.

ФРЕЙНДЛИНГ ГАЛИНА РОБЕРТОВНА

старший преподаватель кафедры теории музыки
преподавала в Консерватории с 1951 по 1973

22 июня – наверное, один из самых трагических дней в нашей жизни, хотя мы это тогда еще не понимали. Студенты второго курса теоретического факультета, мы готовились к экзамену по истории зарубежной музыки, который на следующий день успешно сдали Сергею Николаевичу Богоявленскому.

А 3 июля началась запись в Народное Ополчение, и первыми, как всегда, были самые лучшие, самые яркие студенты, педагоги, работники Консерватории. Ребятам отправили обучаться военному делу в Юсуповский сад на Садовой; женщин, в том числе Людмилу Лукашенок, Сусанну Хромую и меня – на курсы медсестер в Педиатрический институт. Там нас учили всем премудростям медицины, а уже 13 сентября мобилизовали: мы стали военными медсестрами.

Несколько раз мы ездили с Люсей Лукашенок к нашим консерваторским ребятам в Русско-Высоцкое (за Красным Селом). Помню, что 20 августа, в день эвакуации Ленинградской консерватории в Ташкент, мы поехали их навестить в последний раз, добирались на попутных машинах, над нами все время летали фашистские самолеты, а навстречу шли беженцы.

Позже ребята, оставшиеся в живых, говорили, что в начале сентября в Русско-Высоцком их окружили вражеские танки и многие погибли <...> Это были студенты-пианисты

Изя Каплан, Рудик Друбецкой, Яша Бабель, Семен Кузнец; композиторы Александр Катакин, Вениамин Флейшман; оперный режиссер Дима Фенстер и другие. Хочется вспомнить Михаила Георгиевича Гергилевича, погибшего там же. Он читал нам в Консерватории анализ музыкальных произведений. Удивительно талантливый человек, он любил беседовать со студентами на самые разнообразные темы, выходящие за рамки программы курса.

Были ранены, но чудом остались живы Флавий Соколов, Василий Кухарский (он потерял ногу), Андрей Шнитников. С Андреем меня связывала большая дружба.

Судьба Андрея была непростой. Он очень рано потерял отца, его отчима арестовали и расстреляли, а семью выслали из Ленинграда в Сибирь. Поступив в музыкальное училище при Консерватории, он жил в общежитии в поселке Тярлево. Очень много читал, учился игре на скрипке, занимался композицией у Штейнберга, изучал немецкий язык. Мы часто с ним играли в четыре руки. Не пропускали концертов в Филармонии, можно сказать «дневали и ночевали» там. После поступления в 1937 году на первый курс училища, Андрея и меня сразу перевели на второй, а через год – на пятый курс, таким образом, уже через два года, в 1939 году, мы поступили в Консерваторию (в числе поступивших был Б.А. Незванов). Помимо учебы, Андрей вынужден был работать (давал частные уроки). Он был в числе тех, кто по призыву одним из первых подал заявление в Народное Ополчение. После трагедии в Русско-Высоцком я узнала, что он находится в госпитале. Зимой 1941-42 года Андрей провел в разных госпиталях, а весной 1942 года его перевели в батальон для выздоравливающих на набережной Фонтанки, где раненых долечивали и распределяли по армейским частям. Его послали в артиллерийскую часть в Невской Дубровке. Оттуда он писал мне, а я посылала ему книги, там они были для Андрея единственной

отдушиной. Последние письма Андрея датированы августом 1942 года, а 11 сентября мне сообщили, что он погиб и похоронен в Невской Дубровке. Андрей Шнитников очень любил жизнь, был веселым человеком, замечательным рассказчиком, музыкантом – он прекрасно знал как западную, так и русскую музыку, интересовался живописью (до войны у нас был абонемент в Русский музей и в Эрмитаж). Очень яркий, значительный Человек!

Я начала военную службу в госпитале, который располагался в Мариинском дворце, потом, из-за сильных бомбежек и обстрелов (поскольку во дворце находился штаб Народного Ополчения), его перевели в Политехнический институт. Именно в этом госпитале мы провели самое тяжелое время ленинградской блокады – зиму 1941-42 года. Наш госпиталь граничил с Академией связи, и когда накануне 7 ноября 1941 года была бомбежка, фашисты, видимо, метили в Академию, и 14 бомб разорвалось совсем рядом. В результате в госпитале все «рухнуло»: вода, свет, канализация. И всю зиму госпиталь находился в таком бедственном положении, потому что возможность что-либо исправить отсутствовала. Основным освещением стали коптилки. Мы не раздевались, не мылись. Туалет был один, в конце широченного коридора, окна закрашены синей краской, ходили туда с лучиной. Холод-голод темнота. Многим ленинградцам выдавали светящийся жетон, чтобы не наткнуться друг на друга в темноте.

Я работала на хирургическом отделении. Раненых покрывали матрасами, чтобы не замерзли. Здесь же рядом с палатой, где лежали раненые, находилось помещение, куда приносили умерших. Больше всего людей умирало на терапевтическом отделении. Наши хирургические раненые, как только начинали двигаться, помогали нам: мыли полы, убирали, ухаживали за более тяжелыми ранеными. Они пролежали в госпитале до апреля 1942 года, потом их эвакуировали из Ленин-

града. А мы, совершенно истощенные за зиму, занялись косметическим ремонтом помещения. Но самое страшное – это был голод! Хотя паек в госпитале немного превышал 125 граммов. Давали кусочек хлеба, сухарь, обед – щи из черных листьев капусты, туда добавляли солидол. У меня началась цинга, нас пытались лечить хвойной настойкой, но это мало помогало. И летом 1942 года два с половиной месяца я пролежала в госпитале на Боткинской улице.

Несмотря на все тяготы нашей жизни, весной 1942 года в нашем госпитале организовали самодеятельный хор. Люся Лукашенко стала его дирижером. Мы часто устраивали концерты для раненых, ездили на смотры самодеятельности.

В июне 1942 года наш госпиталь выселили в помещение Академии связи, затем расформировали, и я попала в другой госпиталь, который располагался в гостинице у Московского вокзала. Конечно, условия здесь были намного лучше: свет, вода <...>, но и обстрелы, бомбежки были чаще.

Осенью 1942 года из госпиталя нас послали на лесозаготовки в поселок Пери. У меня не было сил таскать бревна, поэтому меня поставили колоть чурки, которые потом служили топливом для грузовых автомашин. Жили мы в огромном шалаше, посередине которого горел костер и висел фонарь «летучая мышь». Спали мы на носилках, не раздеваясь. Там я стала поправляться: нам давали хлеб, сахар и кашу, кроме того, мы собирали в лесу клюкву, что нас очень поддержало.

С начала 1943 года я стала вольнонаемной. Вспоминаю 18 января 1943 года – день прорыва блокады. Наш госпиталь был переполнен ранеными. Поэтому последствия бомбежки, которая началась через несколько дней после прорыва, в 8 часов вечера, были страшными. Бомба попала во двор гостиницы. Мороз был минус 20 градусов; в огромном зале ресторана гостиницы, где ужинали в это время раненые, обвалился потолок; разбились покрытые инеем зеркала; во флигеле (во

дворе гостиницы), где мы жили, от взрывной волны вылетели оконные рамы, которые оказались на наших кроватях. Всего за полтора часа всех раненых эвакуировали, а сам госпиталь перевели на набережную Жданова в здание летной Академии. В этом госпитале на Петроградской стороне на нашем отделении лежало много тяжелораненых, особенно в бедро. Спасая их от крыс, мы оставляли на ночь в палатах свет.

Иногда зимой 1941-1942 года мне удавалось из госпиталя выбраться домой. Приходилось пешком преодолевать огромное расстояние – от Политехнического института (расположенного на Выборгской стороне) до площади Льва Толстого, где жили тогда мой папа и его сестры. Все они ютились на кухне, которую удавалось немного натопить углем, раздобытым где-то моими тетями. Папа погиб, одна из его сестер умерла уже в эвакуации.

Одно из светлых блокадных воспоминаний – это воспоминание о том историческом концерте в Филармонии, где исполнялась VII симфония Д.Д. Шостаковича. Мне удалось попасть на этот концерт. После снятия блокады в 1944 году я закончила свою медицинскую службу и восстановилась на 3 курс возвратившейся из эвакуации Консерватории.

Война <...> блокада – это было очень тяжелое испытание, но они научили нас терпению, ответственности за чужую жизнь. Бывали минуты сомнения – что же будет? Но спасала работа и надежда на победу, которая крепла с каждым днем.

ЛУКАШЕНОК ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА

Старший преподаватель кафедры камерного ансамбля

МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ

Все это было очень давно... Но для каждого, кто жил тогда на свете, Великая Отечественная война стала главным, великим событием в его жизни.

Это известие ворвалось трагедией в нашу веселую, безоблачную студенческую жизнь и принесло много горя почти в каждую семью. Но мы были молоды, бесстрашны и полны желания отдать Родине свои силы и свою судьбу.

В тот солнечный летний день Консерватория была полна студентами, все классы были заняты – мы готовились к сдаче экзаменов... И вдруг это ошеломляющее, страшное известие о начале войны! Не может быть! Через несколько минут после сообщения по радио мы все в битком набитом Комитете комсомола: что делать? Куда идти? Где записаться в действующую армию? Есть ли связь с райвоенкоматом? Вот здесь-то, в комитете комсомола, я познакомилась со студенткой – будущим музыковедом Галиной Фрейндлинг, ставшей моим верным спутником и товарищем в непростой и памятной на всю жизнь военной службе.

Военкомат Октябрьского района направляет нас на двухмесячные курсы Красного Креста для получения необходимых знаний и навыков по медицине и военному делу. Сначала добровольцев было очень много, но в последствии стало ясно, что дело это ответственное, непростое. Нам приходилось осваивать большой объем медицинских знаний, учиться ползать по-пластунски, и знакомиться с работой «анатомички», – этого физически многие не смогли вынести. Мы с Галей, а также с еще несколькими малознакомыми мне девушками все это преодолели и вместе с педагогами Консерватории Сусанной Владимировной Хромой и Сарой Яковлевной Требелевой сдали экзамены и ждали мобилизации.

Местом службы, о котором мы только и могли мечтать, было село Русско-Высоцкое, где наспех, кое-как обученные в институте физкультуры имени Лесгафта, наши мальчишки готовились к боям за Ленинград в составе 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Но наши документы еще не были готовы.

Пока одно лишь, но срочное задание получила я от военкомата – вместе с группой молодых людей поздним вечером разнести повестки о мобилизации по квартирам нескольких близлежащих домов. Теплая белая ночь! Как удивительно, неповторимо красив наш город ночью! Мягкий волшебный свет, темные сказочные силуэты далеких домов и светлое, лишенное красок небо над головой.

Вот блестит золотом купол Никольского собора, а над ним плывут два огромных аэростата. Везде темные, наглухо закрытые ставнями или заклеенные бумагой окна и полная тишина, ничего, кроме звука наших шагов. Ищем дома, ищем номера квартир в темных подъездах с фонариком; свечкой и спичками – в запасе. Стучим, звоним. Открывают испуганные, заспанные люди. «Из военкомата! Предъявите паспорт! Распишитесь в получении повестки. Явка утром в 9.00». Люди взволнованы, дети, разбуженные шумом, плачут, что-то лепечут. Следующий дом, двор, поиск квартиры. Хорошо, что у меня это была только одна такая ночь.

На улице тепло, тихо, но город не спит, не спят его дома, его величественные дворцы, прекрасные соборы. Город готовится достойно встретить свою судьбу!

Когда же, наконец, мы получим документы, подтверждающие нашу военную квалификацию, и сможем добраться до Русско-Высоцкого? Что там сейчас? Где немцы?

Сели в поезд. Проехали две остановки. Поезд дальше не идет. Нас высадили. Выбрались на шоссейную дорогу. Навстречу двигается толпа людей, на телегах дети, чемоданы, вещи: «Девушки! – окликают нас, – Куда вы идете? Там скоро будет немец». Но мы шли, зная, куда идем: «Туда, куда надо!»

На краю села, в пустом заброшенном домике с настежь открытыми дверями, собрались наши консерваторские ребята. Вот Вася Кухарский, вот Галкин жених, Андрей Шнитников, мои закадычные друзья-пианисты Рудик Друбецкой и Изя Ка-

план. Когда-то шумливые, остроумные, сейчас разговаривают с нами сдержанно, просят передать приветы родным и друзьям. Да, здесь тревожно, оружия мало. Осталась со мной навсегда одна фраза Изи Каплана: «Лучше бы было уйти в партизаны!».

Обратный путь запомнился плохо. Помню только длинную дорогу с пустыми, брошенными домами, с палисадниками, усеянными кроваво-красными ягодами смородины, никому теперь не нужными. Мы еще вернемся, ребята!

Мы аттестованы! Мы, медицинские работники в чине сержантов медицинской службы, направлены на Исаакиевскую площадь, где в помещении Мариинского дворца срочно разворачивается большой военный госпиталь. Необходимо было предварительно подготовить его к приему раненых. Попасть в Русско-Высоцкое не было никакой надежды. И вдруг наш сослуживец – старый санитар Сергей Павлович Марков, знающий о нашей мечте, сообщает нам, что у Балтийского вокзала стоит медицинский батальон, который ночью отправляется в сторону Красного Села и Русско-Высоцкого. Ни одной минуты мы не медлили. Забрали документы и, как только стемнело, побежали на Балтийский вокзал.

Там мы нашли дежурного по части, который обрадовался нашему появлению, так как в части не хватало сандружинниц. Он сразу же позвал офицера, просиявшего при виде нас, но, по мере изучения наших документов, лицо его становилось все мрачнее и мрачнее. И вдруг он зло закричал: «Вы что, ничего не понимаете? Мне нужны сандружинницы, а не госпитальные сестрички. Я не могу вас взять! Под суд из-за вас не пойду!».

 Я расплакалась.

10 сентября 1941 года, преодолев все защитные сооружения, танковый ров, защитную электросеть высокого напряжения и яростное сопротивление батальона, немцы заняли Русско-Высоцкое и устремились к Красному Селу, где отдельные

группы наших бесстрашных бойцов еще как-то пытались сдержать немцев. Все было кончено. Батальон погиб! Погибли многие наши ребята, наши любимые товарищи, юные романтики, погибли за Жизнь, еще не зная, какой прекрасной и радостной она могла бы быть для них!

10 сентября 1941 кончилась наша юность, время, когда ты счастлив уже тем, что живешь на свете, что есть молодость, друзья, музыка и синее небо над головой... Мы взрослые. Мы встали в строй защитников Ленинграда и готовы были отдать все свои силы Победе. Мы с Галей и Сусанной Владимировной явились на свое место службы в Мариинский дворец и стали готовиться к приему раненых.

РЕКВИЕМ ПО ПОГИБШИМ КОНСЕРВАТОРЦАМ

Это земля Русско-Высоцкого –
Святая для нас Земля
Маленькая, совсем маленькая ее горсточка
Лежит у меня на ладони,
Но, кажется безмерно тяжелой,
Тяжелой, как взорванные громады
Камней с торчащими из них железными, ржавыми нервами,
Тяжелой, как страшная весть о гибели сына, брата, друга.
Земля кажется сырой и горькой от слез...
Печальное, ранящее душу место!
Разжалась ладонь, земля осыпается сквозь пальцы...
И вдруг начинает казаться, что была эта земля
И легкой и светлой, почти невесомой, когда ее пылинки слегка взлетали от последнего слабого дыхания и нежно садились на омертвелые юные лица, на запекшиеся кровью губы...
Земля прощалась и благодарила.
Да будет земля им легка!
Да будет вечной светлая память о них!

На Исаакиевской площади

Мы привели в порядок помещение для больных, уютно расставили мягкие койки, застелили белоснежным бельем и уже заканчивали свою работу, как вдруг прогремел оглушающий взрыв. Бомба взорвалась у нас под окном, потом еще одна где-то дальше. В комнате нас было четверо. Я до сих пор не понимаю, как мы могли в одну секунду выскочить в коридор через узкую дверь, не задев друг друга! Вернулись. Стекла выбиты, наши руки в кровавых порезах, койки смяты, покрыты обломками стекла и грязью... Что же теперь делать?

Переезд

Таким местом оказалось огромное каменное здание, удаленное от центра города, – Политехнический институт. Могучие стены, аудитории, преобразованные в просторные палаты, большие окна, удобные коридоры. За окном – широкая аллея, кусты и деревья, домики институтского персонала. Приехали поздно ночью. Улеглись спать прямо на грязном полу в коридоре.

Утром – за дело! Все убрано, чисто вымыто. Новый госпиталь оказался хорошо укомплектованным опытными, даже известными в городе врачами, а также молодыми девушками, полными энтузиазма и желанием начать самостоятельную работу. Вначале у нас были даже вольнонаемные – санитарки. Ждем раненых. Всех, кому нужно как можно быстрее помочь вернуть здоровье.

Люди

Они поступили в госпиталь и заполнили все палаты. Это были разные люди: и кадровые военные, и воины запаса, и совсем молодые мальчишки-добровольцы. Наши раненые – это хорошие, достойные люди. Превозмогая боль, они держались стойко. Особенно пожилые всегда старались поддержать мо-

лодежь, рассказывали о себе, даже пытались шутить. Бывалый солдат Громов, который испытывал постоянную острую боль в раненой ноге, вел с ней очень смешные разговоры, уговаривая ее иметь совесть и не болеть. Парикмахер Угорец уверял, что видел, как остриженные волосы сами ползают «от вошей». Никто ему не верил. Все раненые очень болели душой за самого молодого, добровольца, – студента Колю Югова, которому оторвало правую руку. Я его перевязывала и часто писала за него письма матери и отцу.

На душе у каждого раненого уже было горе – потеря родителей-стариков, не выдержавших тяжести эвакуации, близких, друзей, погибших в бою. Такая судьба никого не миновала, даже нас. Галя Фрейндлинг потеряла жениха, отца и двух его сестер, мой дядя скончался от полученных ран, племянницы – от голода. Это была общая судьба ленинградцев!

Дети

За окнами нашего госпиталя еще шелестели листочки на деревьях, до земли пригнулась вянущая трава. Становилось холоднее. Скоро зима! На душе тревожно – какая она будет? И вдруг, глядя в окно, я увидела то, что и сейчас не забылось, осталось во мне навсегда, как цветная фотография памяти, как символ Ленинградской блокады: по тропинке парами шли дети из детского садика. Они гуляли, не смотря по сторонам, зная, что надо идти тихонько, только по дорожке, крепко держась за ручку товарища. Грустные, рано повзрослевшие, бледные личики, с крошечными морщинками под глазами – они казались маленькими старичками. Дул холодный, злой ветер. Почему дети еще здесь? Наверное, эвакуация скоро начнется. Надо скорее, скорее увезти их отсюда.

Старики

Однажды я видела и старичков, которые тоже медленно брели под нашими окнами. Видимо, это были преподаватели Политехнического института. В некогда дорогих пальто или шубах, меховых шапках, повязанных сверху шарфом или платком, чтобы не сдул ветер. На боку неизменный противогаз-сумка. Это спутник каждого блокадного ленинградца. Она у всех и для всего! Там документы, деньги, драгоценный кусок хлеба. Эти люди тоже все еще здесь. Что их держит? Может быть, нет ни решимости, ни сил покинуть свой город? А может быть, их держат недописанные страницы важной научной работы? Кто знает? Но пора, пора покинуть город! Надвигается суровая, беспощадная зима.

Сусанна и Галя

Галочка и Сусанна, к сожалению, работали в других, далеких от меня частях здания. Работы у них было не меньше, чем у меня, особенно у Сусанны Владимировны, которая работала в хирургическом отделении, занимаясь обработкой ран и перевязками. Иногда я видела ее за работой и всегда удивлялась ее выдержке, аккуратности и терпению даже с самыми тяжелыми, привередливыми, измученными болью ранеными.

С Галей мы виделись часто, почти каждый день, кроме периода ее болезни каким-то особенно тяжелым гриппом, когда она лежала в больнице.

Обычно, накормив своих больных, я бежала к ней, чтобы вместе идти обедать. Столовая наша находилась в небольшом здании неподалеку.

Но разве дождешься эту Галочку? Просто умираешь от нетерпения и голода, а она еще будет полчаса заниматься своими больными! Она будет кого-то еще докармливать, поправлять одеяло, капать какое-то лекарство замерзшими руками, глядя через запотелые очки, потом, поправив их, снова

капать, считая капли, и проливая все на пол... А потом еще окажется, что больной не желает открывать рот, чтобы эти капли проглотить.

Что подавали на обед? Сначала супчик из темно-серой капусты, потом была «лужица» каши из чего-то серого, в центре которой блестела капелька какого-то жира, а потом компот, так мы и не узнали никогда, из чего он был. Иногда еще давали неизвестную белую массу, похожую на творог, шрота называется. Вкуса у нее не было, но когда поешь – живот болел! Но главное и самое дорогое – это хлеб. Он постепенно менял свою окраску с хлебного цвета на серый и зеленый, но самое неприятное было то, что он неумолимо менял и свой вкус. Но о хлебе потом.

А сегодня у нас был великий день. Был государственный праздник 7 ноября. Мы его отпраздновали вдвоем с Галей в затемненной палате, стоя у репродуктора. На каждую по 100 граммов положенной солдатской водки в жестяных кружках! На закуску – по куску хлеба (весь дневной рацион). По радио говорил Сталин. Зенитки освещали небо, вдали грохотали приглушенные взрывы. На груди у нас – гвоздики, сделанные из кусочков красной бумаги – обрезка старой институтской стенгазеты, найденной где-то в углу. Мы чокнулись и поздравили друг друга. У нас еще есть Жизнь, есть Родина!

О хлебе

О хлебе много написано и сказано, но только человек, переживший войну, блокаду и голод, по-настоящему знает, что такое хлеб. Это – святая святых, это жизнь или смерть. Каждая его крошка – золото! Как его есть? Как съесть свой блокадный кусочек хлеба или позеленевший сухарик, чтобы есть его подольше, чтобы было сытнее, чтобы наесться? Резать? Крошить? Мочить в воде? Долго держать за щекой, а потом проглотить? Каждая семья, каждый человек, пережив-

ший кошмар Ленинградской блокады, решал это по-своему. Сейчас, наверное, странно читать об этом. Но это было.

Скоро зима!

Немецкая петля неумолимо затягивалась. Приближалась зима, обещавшая быть холодной и голодной. Участились воздушные тревоги, приближались раскаты взрывов. Вот они уже совсем близко, – немецкие самолеты упорно расстреливают расположенную рядом с нами Военную Академию связи. У нас выбиты все стекла, повреждено отопление, под угрозой система водоснабжения. Вольнонаемные санитарки покинули нас. Уже существуют строгие нормы на продовольствие и хлеб, которые, вероятнее всего, будут еще уменьшаться. Воздушные тревоги объявляются почти каждую ночь, больных уводим в бомбоубежище. Мы как-то даже привыкли к этому. Но хранила нас судьба лишь до поры до времени. Трагедия все-таки произошла! Прямым попаданием бомбы в грузовую машину среди бела дня был убит начальник вещевого снабжения Штейнбок, только что подъехавший к главному подъезду с грузом солдатского обмундирования. На голых сучьях деревьев повисли остатки машины и цветные лохмотья белья, как страшные, погребальные флаги.

В моей палате тоже беда – у Коли Югова начался воспалительный процесс на здоровой руке. Процесс очень серьезный, тяжелый, плохо поддающийся лечению при ослабленном организме. Просто невозможно было думать, что он лишится и левой руки. Но его спасли профессионализм и постоянное внимание Фарфоровской, известного в городе хирурга, и наше искреннее, горячее участие в его судьбе. Конечно, и Коля проявил себя как человек стойкий и даже уверял нас, что все будет хорошо, и он станет после войны финансистом. Да, Ко-

ля Югов поправился, научился писать левой рукой, окончил финансовый институт. Долгие годы работал одним из руководителей банка в городе Ставрополе. Мы с Колей долго вели переписку, из которой я много знала о его большой, дружной семье.

Тяжелая пора

Наступила самая холодная, самая тяжелая пора. Мы очень устали, были истощены, ноги распухли. Не знаю, что труднее было вынести – голод или холод, или ранение, но мы были вместе с ранеными, все терпели на равных. Раненые все понимали и жалели девчонок, таких же голодных и посиневших от холода, которые уже ничем не могли помочь ни им, ни себе!

Больные стали умирать чаще. Умерших надо было выносить в специальную комнату, класть на пол, прикрыв простыней, а на бедре, посплюнявив чернильный карандаш, разборчиво написать фамилию, имя и дату смерти.

Ваня Китаев

На всю жизнь запомнилось одно из моих дежурств в палате. Я немного задремала у давно остывшей «буржуйки». Меня разбудило осторожное прикосновение чьей-то руки. Это был больной Иван Китаев, лежавший на ближайшей от меня койке. «Сестрица! – сказал он, – Ты уже совсем посинела от холода, не стесняйся, положи ножки ко мне в постель под одеяло... Теплее будет!» И столько в глазах жалости, желания помочь девчонке, согреть. «Что Вы? Что Вы, Ванечка! Уже скоро будет утро. Потеплеет».

У Ивана Китаева дома остались жена и трое детей. Он показывал мне фотографию: милая молодая женщина и трое детишек на берегу озера или речки, улыбаются.

Скоро выписали Ивана Китаева из госпиталя. Куда? Обратно на фронт! Уже после войны я спохватилась. Нашла его

адрес, попросила семью написать мне, жив ли Иван Тимофеевич? Мне ответили, что его убили на фронте вскоре после выписки из госпиталя.

Привет с Большой земли

Долго-долго тянулись наши голодные и холодные дни, как вдруг неожиданно мы получили привет с Большой земли. Это были маленькие, скромные посылки от незнакомых людей. В них были кусочки домашнего пирога или пряники, иногда завернутые в салфетку или красивую тряпочку. За дорогу пироги зачерствели и рассыпались. Но разве в этом дело? К ним были приложены записочки с пожеланиями верить, держаться и не сдаваться, что они всей душой с нами. Есть там, конечно, было нечего, но от посылочек шел запах домашнего уюта, теплота человеческих рук и доброты. Как-то легче становилось на душе, и даже весна казалась ближе!

Фонарь

Наконец, что-то изменилось в порядке эвакуации. Почему-то нам прислали большое количество легко раненых солдат. Среди них были и штрафники, которые шумели, играли в карты и мешали другим заснуть. И вот однажды, в мое дежурство, они украли единственный в коридоре фонарь. Надо сказать, что койки с ранеными стояли и в коридорах госпиталя. Явился начальник, дежурный по госпиталю, долго на меня кричал и обещал, что если я не найду фонарь, то завтра же буду отправлена в штрафную роту. Среди легкораненых больных нашлись добрые люди, которые немедленно отправились на поиски фонаря. «Злодеев» нашли! В далеком темном углу лестницы, замаскировавшиеся кучей одеял, они играли в карты. Фонарь нашелся, меня простили!

Корчагины

Вид этих людей, состояние здоровья еле живых, истощенных ленинградцев-блокадников, положение наших, оставшихся дома невоенных родственников и друзей, к концу зимы были куда плачевнее нашего состояния. В опустевших, промерзлых квартирах лежали едва живые люди, тщетно взывающие о помощи. Это самые трагические страницы в истории блокадного Ленинграда!

Однажды ко мне подошел больной Корчагин из соседней палаты. Он был очень взволнован и попросил помочь ему. Чем? В центре города, где-то на набережной реки Карповки, в пустой квартире лежала его жена, совсем ослабевшая от голода. Корчагин каким-то образом раздобыл или украл носилки и упросил одну из сестер по имени Анна пойти к нему на квартиру и просто вынести ее из квартиры, чтобы кто-нибудь оказал ей помощь. Он умолял меня пойти вместе с Аней. Я согласилась. На другой день, рано утром пришла Аня с носилками и куском хлеба. Корчагин сберег его для нас и потребовал, чтобы мы его обязательно съели сейчас же, а то не дойдем, не донесем носилки. Выпили теплой воды, проглотили хлеб, схватили носилки и пошли в город. Трудный и далекий путь! Вот, наконец, Карповка... вот и большой дом, лестница... Многие двери открыты, кто-то кого-то зовет, стонет. Нашли жену Корчагина, лежавшую на кровати с закрытыми глазами. Растолкали, разбудили... «Девочки, – сказала она, – откройте шкаф, там есть хорошие платья, новые капроновые рубашечки. Возьмите, что хотите себе». Как странно и грустно было все это слышать. Укутали ее в одеяло, закрыли двери, понесли. Куда? У редких прохожих спрашивали, где больница или поликлиника, или аптека? Никто ничего не знает, не ведает. Все было наглухо закрыто, заколочено. Силы у нас на исходе,

руки отказывают. Что делать? Вдруг – непонятная вывеска, за оконным стеклом женщина в белом халате. Мы рванули ручку двери, – она выскочила на улицу: «Куда вы, зачем? – Не дает нам внести носилки, – Это не больница, сейчас же убирайтесь!»! Мы втолкнули ее обратно в дверь и занесли носилки внутрь. Она истошно закричала. Я только успела крикнуть Корчагиной: «Ничего не бойтесь! Они Вас на улицу не выбросят!»! Мы кинулись бежать, за нами погоня: разъяренная женщина и подоспевший ей на помощь мужчина. Убежали, ушли, в госпиталь вернулись еле живые. Вот и все. Больше, по сложившимся обстоятельствам, я никогда не видела ни Корчагина, ни Ани. Ни тогда, ни после войны. Но и сейчас, когда вспоминаю все это, душа неспокойна: что было дальше? Что?

Потеплело

Вдруг показалось, что на улице как-то посветлело и потеплело. Значит, скоро зазеленеют кусты и деревья, пригреет солнышко и оживут уставшие, истощенные, полуживые люди. Сегодня в столовой не было серого супчика! Вместо него по тарелке весело раскатывались горошины. Сырые горошины с нежными светло-зелеными ростками, с листиками. А вместо каши можно было пить настой из хвойных иголок – сколько хочешь! Увы, без сахара.

На другой день, рано утром произошло нечто совсем неожиданное и удивительное. Чтобы это понять, необходимо вернуться немного назад и рассказать о людях, о которых я еще не упоминала.

Конечно, в госпитале работали не только мы, молодые люди без медицинского опыта. Были не только врачи, но и пожилые сестры, специалисты в своем деле. Правда, немного... Две солидные женщины с редкими и красивыми именами Олимпиада и Агриппина ведали аптекой, запасом лекарств и перевязочных материалов, а также их сохранностью. Они ред-

ко показывались на люди, сидели в своем помещении и блюли свое добро от холода, спасали от усушки и утруски. К нам относились снисходительно, за серьезных людей не считали...

Так вот, что произошло на другой день. Придя как обычно утром на работу, мы с другой дежурной сестрой нашли двери своих палат запертыми... Оттуда доносились какие-то странные звуки: стук железа, шум воды, веселые голоса и довольное кряканье мужчин и <...> женские голоса! Мы закричали и стали отчаянно дергать ручки дверей, рискуя их оторвать. Дверь приоткрылась, показалась разгневанная Олимпиада. Ну и зрелище! Оказывается, из кранов пошла вода, весь пол был уставлен тазами, тазиками, кружками. Раненые, радостно урча, «расползлись» по всей палате и как-то себя мыли – кто лицо, кто уши и шею, кто ноги. Довольные собой и происходящим, Олимпиада и Агриппина всем этим руководили и командовали. Мы вытаращили глаза. Дверь моментально захлопнулась, едва не прищемив нам носы. Девчонкам нельзя.

Вот это настоящая весна! Мы все уже почти год не мылись.

Зина Остенок

И еще одну женщину, немолодую, ничем вроде бы непримечательную, нельзя не вспомнить добрым, благодарным словом. Это – Зиночка Остенок, раздатчица обедов по палатам нашего отделения. Она относилась к нам, молодым, голодным сестричкам, с пониманием, с материнским теплом и сочувствием. Старалась утешить, подбодрить, но подкормить нас было нечем. И все же иногда она подзывала нас вечером и угощала теплым супчиком на доньшке миски. Где Зина его брала? Потом я увидела, как она его добывала: с обеда не мыла баки, а переворачивала их вверх дном над какой-нибудь кастрюлькой, и к вечеру накапывало немного супа... а баки мыла потом.

Мы запели!

В моих палатах еще оставались больные, которых надо было подлечить, прежде чем выписать из госпиталя, и здесь я еще была нужна. Но большинство палат и других помещений госпиталя уже были освобождены и нуждались в чистке, уборке, ремонте. Нужно было привести все и вся в полный порядок. Весь персонал принялся за дело – белили, красили, мыли полы и окна, заменяли поврежденные стекла...

Сусанна и Галя были заняты на этих работах, но мы виделись часто. Однажды как-то всем сразу пришла прекрасная мысль – вспомнить о музыке, о песнях, замечательных и всеми любимых, которые давным-давно у нас не звучали.

Прежде всего, нашли маленький, но очень хороший зал с роялем. Мы даже не представляли, что нас это так обрадует! Очень быстро организовали небольшой хор – человек 15. Мы стали петь. Потом оказалось, что кто-то может танцевать, кто-то читать стихи. И дело пошло! Присоединился к нам и санитар Андрей Сергеев, который раньше интересовался только тем, чтобы где-то что-то пожевать. Он оказался творческим человеком и талантливым чтецом рассказов Чехова и Гаршина. Я, конечно, – за роялем, а Галя – вдохновитель и «администратор». Репертуар разнообразный: кто во что горазд! Очень любили петь Дунаевского, особенно «Песню о дружбе»: «Друзья, давайте руки, веселой песни звуки зовут нас вперед. Нас жизнь зовет!». Несколько раз мы выступали в соседних госпиталях, и даже один раз участвовали в городском конкурсе. «Если на сердце тоска, если ноша нелегка, вот, товарищ, моя рука!».

Радость

Ясный теплый день еще совсем молодой робкой весны. Хочется хоть немножечко погулять по аллеям Политехнического института. Пойду поброжу совсем недолго ... Бегу че-

рез дорогу и... вот уже Сосновка. Ярко зеленые елочки тянутся к солнцу. Снег под ними блестит, как бусинки бисера. И вдруг от дуновения ветра на снегу что-то шевельнулось, что-то нежно-розовое, совсем крошечное. Я подошла и, наклонясь, увидела тоненькое колечко розовой бумаги с какими-то надписями. Слезы радости набежали на глаза, когда я разглядела это «розовое чудо». Это был «свежий» билетик первого ленинградского блокадного трамвая! И тогда, впервые в жизни, меня охватила настоящая Радость, которую только может испытать человек! Радость, исцеляющая сердце! «Радость, дивной искрой света ты в сердца слетаешь к нам!» – это «Ода к радости» Шиллера. Это Бетховен!

Мы, маленькими учениками Хорового училища при Капелле, учили эти слова и пели под руководством, тогда еще совсем молоденькой, Лизочки Кудрявцевой. Но что тогда мы знали об этой светлой великой радости со слезами на глазах? О радости возвращения жизни! Именно в тот весенний день я по-настоящему поняла, что же такое Радость!

Описанием этого сказочно прекрасного утра я хочу закончить свой рассказ о тяжелом, трагическом времени блокады Ленинграда, когда мы, три молодые женщины, стали в строй защитников родного города. Мы пережили страшный голод, мертвящий холод, но выполняли тяжелую, изнуряющую работу. Жестокие испытания очищали и закаляли нас. Мы выбрали этот путь не для того, чтобы ныть и думать о своих бедах. Мы должны были помогать раненым вернуться в строй, поэтому и старались как можно лучше выполнять свою работу. Вокруг нас было много прекрасных людей и среди раненых, и среди персонала госпиталя. Они были для нас, моло-

дых, образцом выдержки, терпения и мужества. Мы с ними расстались, но всегда вспоминали о них с благодарностью.

Пришло время расставаться и нашей «троице». Мы были откомандированы в разные госпитали, продолжали работать медсестрами в разных частях города, но больше до конца войны не встречались. Галя была настолько истощена, что ей самой пришлось какое-то время лечиться. А потом она и Сусанна готовили больных к эвакуации, а я получила квалификацию операционной сестры и работала в специальном госпитале для больных с проникающими ранениями живота.

В конце 1943 года нас демобилизовали. Встретились мы снова в стенах нашей Консерватории. Сусанна Владимировна вновь стала педагогом, а мы – студентами третьего курса, немного, правда, уже «староватыми».

У нас есть награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Ленинграда», памятные медали в честь наших великих Побед. Но для нас с Галей особенно дороги, редкие уже теперь, маленькие значки «Ленинградский доброволец», врученные нам политруком 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, в котором служили наши погибшие друзья-ополченцы, Сергеем Матвеевичем Городецким в селе Русско-Высоцкое!

БЕЛОВ ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

профессор кафедры теории музыки

Я – коренной питерец, родился в 1939 году, жил на улице Союза Печатников, дом 15. В этом доме нашу семью и застала война. Своего отца я помню смутно; он ушел добровольцем на фронт в конце 1941 года, и вскоре мать получила известие, что он пропал без вести. В памяти запечатлелся «кадр»: сидит мужчина спиной ко мне, лицом к печке; так мне представлялся мой отец. Мне было 2-3 года, я не помню его смеха, голоса

– но живого – представлял именно так.

У мамы было начальное образование. Она рассказывала, что вместе с нами в начале войны жила ее сестра, которая не хотела идти устраиваться на работу. Мама же решила пойти на работу, как посоветовал ей отец – электросварщицей на завод имени Марти (ныне Адмиралтейский). Этим спасла жизнь мне и себе, а ее сестра очень скоро умерла от голода у нее на глазах. Поскольку мама работала с 8 часов утра и до 8 вечера, меня устроили в детский сад при заводе, он находился на углу улицы Мастерской и проспекта Римского-Корсакова. По утрам мама меня туда отводила, а вечером забирала домой.

«Деревенское» здоровье, видимо, позволяло маме справляться с самой тяжелой работой. Ей приходилось забираться в узкие замкнутые помещения, там, сваривая металл, она дышала электродными газами. Однажды она упала с высокой лестницы на металлический пол, но встала и пошла работать дальше. Как-то раз она опоздала на работу, что грозило расстрелом, но за нее вступился мастер цеха Гуревич, и все обошлось. Несколько раз мама брала меня с собой на завод. Рабочие, видя одиноко слоняющегося мальчика, подкармливали меня.

Весной детский садик отправили в Удельную. Однажды, приехав навестить меня и увидев, что на мне чужое пальто, значительно хуже того, в котором она меня отправляла, мама расплакалась. Помню, как из Удельной возвращались в Ленинград на открытой платформе товарного поезда. Потом нас пересадили в трамвай, и я очень радовался ярко-красному цвету этого трамвая. Запомнились аэростаты в небе Ленинграда, грузовики, которые двигались с помощью газогенераторного двигателя: к ним приставлялись большие круглые металлические топки, куда кидали чурки, когда они горели, видимо, образовывался газ, который служил топливом для двигателя внутреннего сгорания.

Несмотря на блокадное время, наш детский сад был очень хороший. У нас были уроки музыки, и именно там я впервые прикоснулся к клавишам пианино. Мы пели, рисовали, даже занимались вышивкой, и вышитая мною кошка была представлена на выставке. Мама этим очень гордилась. Мое детство скорее было связано с детским садом, а не с домом. Там закладывалась основа моего детского «багажа». Дома, как такового, практически не было: мама приводила меня вечером в темную, холодную квартиру, укладывала рядом с собой, чтобы согреть, так и проходило время до нового утра.

У мамы был дивный голос, чистый, высокий, она часто мне пела, искусно подражая Любви Орловой. Быть может, это тоже определило мою склонность к музыке.

Из блокадных лет помню окрики матери, которая заставляла меня съедать дурандовые лепешки. Конечно, я не помнил счастливого довоенного времени, и то, как мы жили в блокаду, я воспринимал как должное. Только сейчас я понимаю, что это не было нормально, военное время обделило многих и многих детей. Счастье же было в том, что мы выжили, несмотря ни на что!

9 мая 1945 года все ликовали, а мама шла по улице со мной за руку и плакала.

ИЗОТОВА КИРА ВЛАДИМИРОВНА

профессор, заведующая кафедрой камерного пения

Мой папа был комиссаром военно-морского порта города Выборга. Поэтому мы с братом и бабушкой жили летом у него. Когда началась война, родители срочно отправили нас в Ленинград, а сами, как военнообязанные – мама была медсестрой, остались в Выборге. Но вскоре папа с последним катером уехал на остров Биорк, а мама вывезла последних раненых в Ленинград из оккупированного Выборга. Мама стала

работать в госпитале. Мы с братом в сентябре пошли в школу, но в здание школы попал снаряд, и наши занятия прекратились. Мы с братом сидели дома.

Когда начался голод, брата взяли в госпиталь донором желудочного сока, бабушка с истощением лежала в больнице. Мама дежурила в госпитале через сутки, на улицу я выходила только с ней. К зиме на нашей лестнице в живых никого, кроме меня, не осталось <...> Я была в квартире одна, вернее не одна, а с большой рыжей крысой. Напротив кровати стоял сервант, она садилась на него и пристально на меня смотрела. Я боялась двух вещей: во-первых, что меня эта крыса съест, во-вторых, что часы, висевшие над кроватью, во время бомбежки упадут и убьют меня. Снаряд действительно попал в наш дом, но часы выдержали, не упали. Потом мама стала брать меня с собой в госпиталь. Именно там и началась моя певческая карьера! Я пела все песни, услышанные по радио. Особенной популярностью пользовалась одна песня (автора не помню):

Трубка, трубочка ленинградская,
Вьется голубой дымок.

В те дни, когда мне надо было оставаться одной дома, по договоренности я ходила помогать в детский сад: одевала и раздевала детей, помогала их кормить. За это кормили меня. Однажды, когда началась воздушная тревога, я стала помогать собирать детей в бомбоубежище, но что-то нас задержало, а в это время в бомбоубежище попала бомба. После этого мы перестали выводить детей из детского сада во время тревоги. Так продолжалось до июля 1942 года, когда за нами приехал папа и увез нас в город Галич, к месту своей службы, вместе со своей войсковой частью.

Конечно, многое забывается, но ощущение безысходности блокадного времени осталось во мне навсегда.

КАЗАРИНА АНТОНИНА МАКСИМОВНА

профессор кафедры скрипки и альты

Ежегодно, в январе месяце, наша страна отмечает день снятия блокады Ленинграда. Моя судьба сложилась так, что всю войну я прожила в этом городе, в том числе и 900 страшных блокадных дней. Отец воевал. Вначале нас, школьников, отправили на рытье окопов Лужского оборонительного рубежа, а в сентябре, когда фашисты подошли к городу, наступил настоящий кошмар блокады.

Моя творческая жизнь музыканта, как ни странно, началась именно в это время.

Вначале мы – дети – пошли работать в госпитали: мыли полы, убирали палаты, выносили нечистоты, за что нам «перепадала» кое-какая еда, вроде тарелки супа из так называемой дуранды. Кроме того, в госпитале топили, и мы согревались после ночи, проведенной в квартире без отопления, света, воды, при непрерывной бомбежке.

Как-то раз меня вызвал к себе комиссар госпиталя и сказал, что до него дошли слухи о том, что я до войны училась игре на скрипке в музыкальной школе. Он спросил, сохранилась ли у меня скрипка, и предложил ходить по палатам, где лежали раненые, и играть для них, он был уверен, что этим я принесу значительно больше пользы.

Так юная скрипачка начала свою долгую творческую жизнь. В награду раненые угощали меня кусочком хлеба или сахара. Это «богатство» я приносила домой и делилась с мамой и сестрами.

Даже в те суровые блокадные дни в Ленинграде продолжало жить искусство. Перебирая свой домашний архив, я нашла вырезку из газеты с фотографией, по-видимому, относящуюся к 1943 году. В том году во Дворце пионеров проходила первая городская Олимпиада детского творчества. На за-

ключительном концерте я, в числе других участников, исполнила на скрипке свое сочинение под названием «Мелодия». Председателем жюри на этой Олимпиаде был профессор Ленинградской консерватории, известный пианист А.Д. Каменский. После моего выступления он подошел ко мне и предложил заниматься у него композицией.

Отчет об этой Олимпиаде с моей фотографией был помещен в газете «Ленинградская правда». Так началась моя публичная концертная деятельность в блокадном Ленинграде.

КЛИМОВИЦКИЙ АРКАДИЙ ИОСИФОВИЧ профессор кафедры теории музыки

Моя война — моя ленинградская блокада

Помню ли я войну, блокаду – такой вопрос нередко задают мне друзья, ученики, а теперь и мои внуки. Да. Помню. Помню с невероятной, пугающей отчетливостью, свидетельствующей, что память эта выходит за рамки естественного, дарованного и допустимого природой. Но ведь и то, что помнится с такой мучительной остротой, в эти границы тоже никак не вмещается.

...Это уже потом тот день стал *началом*, стал тем самым 22-м июня 1941 года, что навсегда, намертво впечаталось в душу и в сознание. Это уже потом 22-е июня утратило свой числительный смысл и стало днем вне- календарным, расколовшим жизнь на все, что было *до*, и что стало и будет *после* него. А тогда – тогда было просто лето. Мы живем в поселке Вырица, что по витебской железной дороге под Ленинградом. Мне – около 4-х лет. Мама надела на меня светлый в полоску костюмчик-матроску (он мне очень нравился; довоенные дети поголовно ходили в таких костюмчиках, зимних, плотных и однотонных, и летних, легких и разной расцветки). Прекрас-

ный день, среди игрушек – детский велосипед, я езжу на нем впервые, и палка с колесом (движение колеса следовало поддерживать мягкими ударами по нему палки) – сооружение странное, но удовольствие почему-то оно доставляло огромное. То, что в тот день было воскресенье, запомнилось только потому, что мы ждем папу (как обычно, на выходной), а он почему-то задерживается. Уже вечер... Задерживается и отец из семьи близких родителям друзей, живущих тут же в доме рядом. Взрослые заметно беспокоятся. Позвонить неоткуда.

...Оба приезжают вместе и произносят это пока еще мало что говорящее нашему детскому опыту, однако полное недобрых предчувствий, короткое как выстрел слово: «Война...». Истинное значение его я еще не понимал (в войну мы тогда ведь все *играли*), сегодня совершенно не сомневаюсь, что не понимали его и взрослые, во всяком случае те из них, кто меня окружал, всерьез решавшие самую серьезную в тот момент проблему: переезжать в город, или оставаться здесь. Почему-то в детской памяти сохранились, быть может, в силу убийственной их бессмысленности, слова с претензией на геополитические прогнозы: «Неужели немцы пойдут в Вырицу? Сначала они придут в Ленинград», а рядом – вполне житейские рассуждения вроде: «Зачем срываться с места и уезжать? Ведь лето, здесь свежий воздух, а в городе зной, страшная пыль», по бессмысленности не уступавшие первым.

Но уже через несколько дней мы с трудом выбирались – более уместное и точное *бежали* из Вырицы (оно и стало для всех совершенно естественным и даже будничным), бросив все вещи (на лето тогда выезжали основательно экипировавшись: с собой везли даже что-то из домашней мебели – у нас это был кухонный стол и стулья, кровати, матрасы, подушки, одеяла, даже этажерка...). Это уже через несколько дней стало ясно, что оказаться *дома*, быть *всем вместе* – самая большая радость, даже несмотря на еще так недавно пугавший взрос-

лых зной, который действительно был ужасным, и злую пыль. Так состоялось первое уже не по-детски пережитое, но осознанное и осмысленное мной самим открытие нового, военного, времени. Стремительно и необратимо перестраивалась и менялась психика: через короткое время (счет шел на дни) каждый ленинградец уже жил с ощущением внезапно открывшейся страшной правды: враг рвется к городу. И враг этот с каждым днем, с каждым часом обретал все большую реальность и конкретность. Было жутко.

Война, ленинградская блокада – их мы переживали и пережили *все вместе*, сказать здесь *всем миром* – совершенно уместно. Но была *моя* война и *моя* блокада – то, что и как переживал *я* и только *я*. Это – то, что на всю жизнь вошло в *меня* и уже никогда не отпускает. Таким стало первое в жизни мое расставание с родителями.

Был приказ эвакуировать детей, и моя тетушка, Эсфирь Григорьевна Волынская, мамина сестра, работавшая воспитателем детского сада при Ленинградском военном округе, предложила родителям увезти меня с собой. Им не достало сил отказаться от шанса спасти ребенка, тем более отдаваемого в такие родные руки (тетушку я очень любил, мы были с ней большими друзьями). Тот кошмарный день всегда со мной: и сегодня, впервые облекая свою боль в написанные слова, я заново прохожу все круги ада.

...Мне не говорят, что нам с родителями предстоит расстаться – я знаю, что мы едем все вместе. Но что-то недоброе подсознательно чувствую... Тревогу ощущаю уже в том, что в доме собралось много народу: бабушка, папины братья, друзья родителей, все это происходит почему-то утром (хотя в гости ведь обычно приходят к вечеру или днем), и никакого застолья или приготовления к нему, и привычного для таких всегда радостных часов праздничного настроения нет, напротив, все всхлипывают, а то и откровенно плачут. Когда в поез-

де я понял, что произошло, что где-то *там*, на вокзальном перроне Ленинграда остались родители и старшая сестра, я, как потом рассказывали впоследствии очевидцы, сопровождавшие нас, потерял сознание. Уже давно нет моих родителей, но и по сей день всегда с содроганием и мукой вспоминаю *то* свое горе, *тот* ужас. И еще мне всегда хочется просить прощения у тетушки, принявшей на себя этот удар, которую я не пощадил в своем отчаянии, с детской жестокостью беспощадно обвиняя в обмане, во всех мыслимых и немыслимых преступлениях и смертных грехах. А она ведь увозила меня из города, стоявшего на пороге катастрофы, спасала меня...

Нас везли в Старую Руссу. Как такое происходило на каждом шагу, лишь в дороге выяснилось, что в нескольких километрах от нее уже были немцы, и тетя еще сумела телеграммой вызвать маму, чтобы та забрала меня. Мама ринулась вдогонку. Дважды бомбили поезд, в котором она ехала за мной, поезд, в который мы не сумели сесть уже вместе, направляясь в Ленинград, разбомбили. И все же невероятное случилось: я вернулся домой и счастливый шел по городу за руку с мамой.

Погода была прекрасная. Ночи в начале августа еще достаточно светлые. Странная тишина. Слово, забытое в уже пережитом, но неожиданно воскресшее и легко вдруг слетевшее с губ: «Хорошо...». Мне давно очевидно, что именно тогда, в те вечерние часы уже окончательно военного Ленинграда, я впервые в жизни *узнавал как свои, родные, дорогие* улицы *моего* города, сад *Олимпию* (возле дома), где прошло предвоенное детство, как *мой* сад, и пережил неведомую прежде радость встречи с ними. Наверное тогда я впервые узнал, почувствовал, что это *мой* город, что я люблю его. Тогда, впервые за все это время, я был счастлив. Я шел с мамой домой, к папе и к сестре. Дом оказался пуст: папа ушел на фронт, сестра переехала к бабушке... На следующий день мы слушали рассказ

сестры, провожавшей папу. Мне кажется, тогда я почувствовал и осознал, что стал взрослым – без рисовки, без игры: в сердце навечно поселились горечь, боль и неизбывная тревога за близких. Не раз слышал, что у блокадных детей – какое-то особое выражение лица. Это так: по возрасту дети, они с противоестественной стремительностью стали взрослыми, не успев вырасти.

Кончалось лето, но мы, уже, казалось, готовые ко всему страшному, как это очень скоро стало ясно, даже и отдаленно не представляли себе, до какой степени жизнь летом совершенно иная, чем та, что ждала нас осенью и зимой.

Итак, началась ленинградская осень. Аэростаты – неотъемлемая деталь уличного пейзажа города. Помню разговоры о горящих Бадаевских складах – и перед глазами клубы дыма, на несколько дней затянувшего небо. Помню всеобщее ликование: на наших глазах падал сбитый немецкий самолет. Помню путешествие с сестрой в Музыкальное училище, куда она поступила еще перед войной: класс с двумя роялями произвел огромное впечатление. Помню мучительно изнуряющее ожидание писем от папы – они очень скоро перестали приходить: открытка от 16 декабря была последней.

Потом наступил голод. Об этом рассказано много. Горькая и страшная правда – увы, не единственное, что дошло до нас, ничуть не меньше подлой и страшной неправды. Сегодня, наконец, нам дано знать: блокадный голод и гибель сотен тысяч ленинградцев – не только трагедия войны, он на черной совести советских и партийных бонз-нелюдей, в то самое время обжиравшихся деликатесами в Смольном и запрещающих сообщать истинные данные о блокадном голоде и катастрофическом масштабе его жертв и даже говорить об этом...

Мой голод. Он не поддается описанию, и тот, кто сам не пережил его, никогда не поймет (и слава Богу, просто не сможет понять!) ребенка, уже в мирное время прячущего в мешок

огрызки хлеба, того, кто не в состоянии оставить недоеденную пищу... Есть хотелось постоянно. Как-то мама случайно наткнулась в кухонном столе соседки (из квартиры все разъехались, и мы остались в ней одни) на два драгоценных флакона: рыбьего жира и гематогена. Меня поили и тем и другим. Не знаю, в какой мере это поддержало меня, наверное, это было так. Но главное: в то, что сохранившиеся снадобья обладают чудодейственной силой, очень хотелось верить маме и сестре... Так им было легче. Самое мучительное время – зима конца 41-начала 42 гг. Лютый холод, на растопку печки (вспомнил: буржуйка!) уже ничего не было, все, что можно было сжечь, сожгли (вот когда мы горько жалели о брошенных в Вырице вещах, столько раз можно было бы протопить печку и согреться). Темно: на блюдечке с какой-то жидкостью (техническое масло?) тлеющий фитиль, скрученный мамой (не помню из чего), из знаменитой радио-тарелки (она никогда не выключалась) доносится голос диктора Левитана или стук метронома... Мама с сестрой шили маскировочные халаты, когда же наступала их очередь дежурить на чердаке дома (сбрасывать падавшие на крышу зажигательные бомбы), мы, словно по молчаливой договоренности, всегда шли втроем: ни я никогда не просил их об этом, ни они не обсуждали со мной этой темы. Но были мы всегда вместе.

Мы очень ослабели. Заболела мама – это были отчаянно страшные дни. О врачах, о лекарствах и речи не могло идти... Помню ужас, который я испытал, услышав мамин бред, сопровождавший ее высоченную температуру. В глубине души я убежден: мама выжила тогда только потому, что отчаянно боролась за жизнь, потому что знала: выживет она, уцелеют ее дети.

Подозреваю, что и мама, и сестра отдавали мне часть своего микроскопического пайка хлеба (хотя никогда в этом не признавались даже много лет спустя). Запомнились на всю

жизнь червивые сухарные крошки, найденные мамой среди домашней утвари: мама тщательно разбирала их, подносила к горящему фитилю (наверное, для дезинфекции), после чего отдавала драгоценные сокровища мне. Иногда что-то нам приносила бабушка (все ее сыновья были на фронте). Однажды она пришла с плиткой шоколада, которую мама распределила на продолжительный срок, другой раз с маленькой бутылочкой масла (наверное, подсолнечного). Но и у меня отекали от недоедания ноги, и ходить мне становилось трудно. Как-то выйдя с мамой и сестрой из квартиры и спустившись на один лестничный пролет, я уже не смог дальше идти, предложив им, что подожду их здесь, на окне. Они уговорили меня идти вместе с ними, и помогли, а фактически заставили двигаться. На санках мы добрались до бабушки, где я уснул на кровати, и чтобы не будить ребенка, меня решили оставить там. Какой-то внутренний голос заставил сестру унести меня оттуда: через мгновение в этот угол дома попала бомба, и потолок рухнул на кровать, где за минуту до того находился я.

Моя сестра – трудно даже сказать, чем я обязан ей. Поведанный здесь эпизод о ее интуиции, спасшей меня, – не единственный и даже не главный. Будучи старше меня на 13 лет, она растила меня наравне с мамой, и для меня они обе были *взрослыми*. Одновременно, она была для меня сестрой, с которой мы оба были *мамиными детьми*. Это придавало неповторимый характер нашим отношениям и создавало драгоценную, психологически особо комфортную, атмосферу нашего общения. Но главное, что сделала она для меня – с первых мгновений моей жизни окружила меня музыкой. Сестра заканчивала музыкальную школу и поступила в Музыкальное училище при консерватории. Естественно, музыка в доме звучала постоянно, и я просто привык к ней, как привыкают к книге, к ежедневным прогулкам. Я с удовольствием слушал, как занималась сестра на рояле: к началу войны знал весь ее

репертуар, у меня были любимые произведения. Поэтому умолкший рояль – один из символов *моей* блокады: в доме были выбиты стекла, окна заколочены фанерой, рояль закрыт – в надежде сохранить его, инструмент укутали всем, что еще нашлось в доме. Забегая вперед, скажу: *моя* война кончилась тогда, когда я открыл наш рояль и подобрал начало любимой пьесы, которую до войны играла сестра (Экспромт с вариациями Шуберта). И вновь, забегая вперед: Вера Леонтьевна Михелис, педагог по фортепиано моей сестры, стала и моим учителем, встречу с которой почитаю как великое жизненное везение.

Как-то к нам пришел сосед (сейчас он жил у дочери). Он отдал маме книги из своей библиотеки и произнес жуткие слова: «Читайте, если выживете с ребятами, тогда и меня вспомните. А нужно, бросьте в печку. Все мои вещи пустите в печку. Спалите все. Не думайте ни о чем. Спасайтесь. Уезжайте. Немец уничтожит всех, евреев в первую очередь». В Абраме Осиповиче Закгейме (так звали нашего соседа) было что-то необычное – я это чувствовал, но понять и объяснить это себе сумел лишь много лет спустя. Инженер, получивший образование еще за границей, он был влюблен в музыку. Когда моя сестра занималась на рояле, он всегда садился у двери – в комнату не входил, потому как постоянно курил трубку (почему-то волнующий аромат его табака – одна из примет *моего* довоенного детства), и слушая ее, непременно с увлечением дирижировал. Он был мудрым, добрым (сегодня я бы непременно сказал глубоко интеллигентным, тогда же я это слово если и слышал, то вряд ли понимал) и светлым человеком, умел весело шутить с детьми, не делая различия между своими внуками и нами, детьми соседей. И мы любили его. Он выпил у нас кружку кипятку с дурандой, поцеловал нашей маме руку и ушел навсегда. Что-то подсказывало (наверное, тот самый, уже не детский опыт), что вижу я его в последний

раз. Так оно и оказалось. И сейчас перед моими глазами знаменитый «Крокодил» Чуковского с иллюстрациями Ю. Анненкова, который я листал в те страшные дни. А мама взяла из той стопки маленькое издание пушкинского «Онегина», и когда ей, да и всем нам было очень худо, читала вслух. *Мой* «Онегин» начался в страшную блокадную зиму. Обе книги – из стопки, оставленной нам А.О. Закгеймом.

Одна из врезавшихся в память страшных блокадных сцен – смерть моего двоюродного братика, родившегося в эти дни. Меня приставили держать ему бутылочку с соской (там была какая-то жидкость, наверное, наша же дуранда, только разбавленная и через соску). Но не смерть его потрясла меня – к смерти мы, даже дети, привыкли. Отец ребенка деловито сколачивал ему гробик: стучал молоток, и от этого было жутко...

А бомбоубежище, куда приходилось порой несколько раз за ночь бежать под пронзительный вой сирены! Такие убежища часто оказывались переполненными сверх меры, люди оставались на улице, и тогда надо было искать другое. Однажды в поисках спасительного укрытия мы так долго колесили по району, что налет успел прекратиться. Возвращаясь к себе, мы в ужасе увидели разрушенный и горящий дом, в убежище которого нас не пустили. А обстрелы! А рушащееся на глазах от прямого попадания бомбы здание дома напротив! А люди, на глазах падавшие в обморок от голода, и замерзавшие на улицах! Умиравшие в одиночку и семьями... А знаменитые санки с едва прикрытыми телами умерших и окоченевших, которые, еле переставляя ноги, везет кто-то, сам почти покойник! А очереди с ведрами и бидонами за водой к проруби! А продовольственные карточки, за которыми охотились выродки-мародеры! А воры и налетчики, вырывавшие у детей и стариков последние крохи хлеба...

Мне кажется, у всех, переживших ленинградскую блокаду, возник и навсегда остался блокадный синдром – подобно,

скажем, афганскому, чеченскому или любым другим. Это было страшное время. И победить его смогли люди, всегда остававшиеся людьми, потому и непобедимые. Наша соседка по лестничной клетке Ольга Александровна Баскува – хочу полностью назвать ее – в голод и в холод дала мне два кусочка сахара. Что это значит, может понять только тот, кто сам пережил это время: отдала – значит, оторвала от себя, поделилась своим с посторонним, но для человека такой нравственной высоты и душевной чистоты голодный ребенок не мог быть посторонним...

И такие люди были. Тех, кого *мне* посчастливилось знать, встретить, не могу не вспомнить и не назвать – Самуил Михайлович Рогацкий, приславший нам с фронта свой паек (он погиб в 1944 г.), поддерживавшая мою сестру – свою ученицу, Вера Леонтьевна Михелис и ее муж Моисей Ефимович Мовшович, Анна Борисовна Шапиро, жена папиного младшего брата, которая, с маленьким сыном на руках, при малейшей возможности старалась нам помочь...

Человек должен быть достоин сам себя – и для того, чтобы познать свои на самом деле безграничные возможности, вовсе не нужны такие экстремальные ситуации, как ленинградская блокада.

К лету 1942 г. в жизни блокадного города произошли некоторые сдвиги. Лето, горожане осваивали огороды, чуть-чуть вырос хлебный паек. И в этот момент, когда самое страшное уже было позади, мама не выдержала. Она отчаянно боялась новой зимы и была уверена, что мне ее не перенести. Я действительно стал болеть, и хотя решительно все уговаривали маму остаться (это после прошлой зимы, это сегодня, когда есть подвоз продуктов – обычные и абсолютно справедливые вознаграждения), вопрос решился в пользу нашего отъезда.

Как будто, кончилась *моя* блокада. Но было ясно, что не кончилась, а продолжается *моя* война. Оказавшись вдали от

своего города, я следил за газетами, читал их, когда представлялась возможность – мы находились в глубокой глуши: сюда был эвакуирован тот самый детский сад, где работала воспитателем моя тетя, пытавшаяся вывезти меня из Ленинграда в начале войны.

Здесь я узнал, что мой папа, к счастью, оказался жив, и с тем большей остротой испытывал боль за своих товарищей, чьим родителям не суждено было вернуться. Здесь мы могли помочь своим родным и друзьям, оставшимся в Ленинграде. Эти люди, в блокаду пришедшие нам на помощь, пробудили во мне способность испытывать и переживать чувство благодарности. Мама внушала мне, что благодарность деятельна и созидательна, что умению творить добро нужно учиться, нужно желать и непременно уметь это делать. Она выделила грядку, где я сам выращивал овощи для наших ленинградцев (разумеется, моим «урожаем» дело не ограничивалось, но сознание собственного участия в добром деянии было, а оно дорого стоило). Здесь мы узнали об окончании войны, и счастливый великой Победой и одновременно совершенно потерянный, я вдруг почувствовал, что плачу, как плакали все вокруг – взрослые и старики, мужчины (их, правда, было всего несколько – всех поглотила война) и женщины. Но среди детей я был единственным. Я был единственным, как тогда говорили, *ребенком из блокады*, единственным *блокадным ребенком*. Как я понимаю это уже сегодня, мои слезы в день великой Победы были слезами *моей* блокады. *Моя* ленинградская блокада – навсегда со мной.

ЛУКЪЯНИН ГЕРМАН СТАНИСЛАВОВИЧ

профессор кафедры виолончели, контрабаса и арфы

Мне было всего шесть лет, когда началась война, но некоторые события, происшедшие с нашей семьей, я хорошо

помню. Мы жили в Ленинграде, но летом меня вывезли на дачу в Вырицу. В начале сентября 1941 года мы были свидетелями того, как ополченцы, практически безоружные, бежали по огородам в сторону Ленинграда. Семья срочно стала собираться в город, чтобы успеть уехать до прихода фашистов в Вырицу. Уже по дороге, в районе города Пушкина, началась бомбардировка.

Когда мы вернулись в Ленинград, встал вопрос об эвакуации, но отец входил в Высший командный состав на железной дороге, и его, конечно, не отпускали. Восьмого сентября 1941 года началась блокада <...> Мама не захотела оставлять отца одного в такое тяжелое время, и мы все остались. Никаких запасов продовольствия у нас не было. У отца была язва желудка, ему советовали об этом не говорить и не показывать справки о болезни, чтобы получать рабочую карточку. Но вышло иначе: у всех нас было только по 125 граммов блокадного хлеба. Жили мы на углу проспекта Огородников и проспекта Газа. В этом районе было много заводов и разных предприятий, поэтому очень часто их бомбили и обстреливали. В наш дом несколько раз попадали снаряды со стороны улицы, а наша квартира, к счастью, выходила во двор и осталась целой.

Сначала во время бомбежек мы прятались в бомбоубежище, но со временем так ослабели, что не хватало сил туда спускаться.

Чтобы как-то согреться, обогреть друг друга, мы все спали в одной кровати. С каждым днем отцу становилось все хуже. Он так и умер, лежа рядом со мной на кровати, дожив до 14 марта 1942 года. Я до сих пор не знаю, где похоронен мой отец.

Мама не сдала продовольственную карточку отца, и это спасло нас. Вскоре начали прибавлять норму хлеба, да и сам хлеб стал больше похож на хлеб.

Четвертого апреля 1942 года мама посадила меня на саночки и повезла на Финляндский вокзал. Надо было переехать Литейный мост: но у нее уже не было на это сил. Подошел какой-то мужчина и предложил маме помочь добраться до вокзала за хлеб, сказав, что на эвакуационном пункте нам дадут хлеб и еду. Отдав свой хлеб, мы добрались до вокзала. Там нам действительно дали две буханки хлеба, это казалось невиданным счастьем. Ночью нас привезли в Осиновец, там поместили в закрытый автобус и повезли через Ладожское озеро. Колеса машин почти полностью были в воде, некоторые полыньи были окружены неяркими огоньками, чтобы они не очень привлекали внимание врага. На протяжении всего пути нас обстреливали. На наших глазах грузовик с людьми, попав в полынью, ушел под воду. Нам просто повезло <...>

Железнодорожные пути находились прямо в поле, думаю, где-то около Волхова. Нас посадили в товарный вагон, мест уже не было, мы еле-еле втиснулись. По дороге люди меняли какие-то вещи на еду, не могли наесться, удержаться, а последствия были ужасны <...> В конце пути в вагоне осталось всего четыре семьи.

Мы собирались ехать в Вятку к брату отца, но, к сожалению, нас «завернули» на Северный Кавказ, в Буденновск. Уже стояло лето. Поначалу все было неплохо: тепло, еда. Но <...> снова началось наступление фашистов на Кавказ, и снова начались наши беды.

НИКИФОРОВА ЛИДИЯ БОРИСОВНА

концертмейстер

Уроки истории

К 60-летию Победы предполагается поставить памятник ленинградским детям, погибшим летом 1941 года под бомбежками на Новгородской земле. Это были эвакуированные из

Ленинграда дети. Мы (я и моя мама) тоже были эвакуированы в июле 1941 года из Ленинграда в деревню Папоротное Мало-вишерского района Новгородской области.

Группа дошкольников и младших школьников – детей сотрудников Арктического института (где работал мой отец), располагавшегося в Шереметевском дворце на набережной Фонтанки, собралась в его дворе за старинной оградой дивной красоты и под присмотром воспитательниц и некоторого числа мам (моей в том числе) отправилась на вокзал. Мы сели в поезд и благополучно прибыли по назначению (по Государственному плану эвакуации). Приняли нас хорошо, но уже через две-три недели мы поехали обратно на железнодорожную станцию. Как выяснилось, приближались войска противника с той стороны, откуда его не ждали: с юга, юго-запада. Помню, мчались мимо нас поезда, на платформах которых, укрытые брезентом, стояли огромные, странных очертаний предметы. Может быть, это были танки и пушки? Целый день мы не могли сесть на поезд. Над головой пролетали самолеты. Видимо, нам здорово повезло – в конце концов мы уехали обратно в Ленинград. А сколько таких эшелонов попали в оккупацию, другие были разбиты авиабомбами...

Мы успели вернуться в Ленинград в августе, а 8 сентября замкнулось кольцо блокады. Пока мы отсутствовали, моя тетушка, которой были оставлены ключи от нашей комнаты в коммунальной квартире на Разъезжей улице у Пяти углов (до революции полностью принадлежавшей моему деду), навела порядок – все прибрала, а крупу и муку кому-то отдала, чтобы не завелись мыши. Конечно, это не были «стратегические» запасы, только то, что обычно лежит в буфете или на кухне. Почему-то никто не ожидал блокады. Все продукты стали выдавать по карточкам, а норма выдачи становилась все меньше и меньше. Наступили холода, система центрального отопления не работала, поэтому другая мамина сестра вместе со своим

пожилым мужем переехала к нам в комнату: у нас была старинная печка и, главное, запас дров, сделанный весной 1941 года. Вскоре, однако, большую часть дров, лежавших в сарае на втором дворе, растащили, но нам хватило и того, что мы успели принести на третий этаж и сложить в соседней комнатке.

В сентябре и октябре моя мама ходила на дежурства в домоуправление и брала меня с собой. На чердаках «гасили» зажигательные бомбы. Я слышала залпы зенитных орудий, но мне представлялось, что кто-то бьет кувалдой по большим железным листам. Не стало электричества, все пользовались коптилками – бутылочками с керосином (или другой горючей смесью?) и маленьким фитильком – как в хлебных магазинах, так и в жилых домах. Однажды мы почему-то пошли в «Елисеевский» магазин (тогда Гастроном №1) на Невском проспекте (тогда проспекте 25-го Октября). На меня произвело странное впечатление огромное, «черное» помещение со зловещим малюсеньким огоньком коптилки. В ноябре мы получали 125 грамм хлеба на день. На работу, чтобы получить рабочую карточку, было очень трудно поступить, почти невозможно. Счастьем было устроиться на работу в госпиталь, чтобы получать в столовой пусть небольшое, но все же дополнительное к карточке питание.

Однажды в ящике за окном нашей кухни (были такие деревянные с круглыми отверстиями ящики для хранения продуктов на воздухе) мама нашла большую голую кость, видимо, оставшейся от студня говяжьей ноги. Ее пытались разрубить, долго варили. Помню малюсенькие точки жира на поверхности горячей воды – мне разъяснили, что это бульон. Перед новым 1942 годом мама вынула ящик с елочными игрушками и дала мне. Я перебирала их, сидя за столом. Бумажная коробочка, на которой были нарисованы часы, открылась, а там – горсточка мелких горошин – конфеток, оставшихся от

довоенного времени. Это был настоящий новогодний подарок. Зима была удивительно холодной, морозы доходили до минус 45 градусов. Лишь изредка мама брала меня с собой, когда ходила получать хлеб. В один из таких дней в булочной ко мне обратилась незнакомая женщина со словами: «Какие полные щечки!», что меня почему-то очень обидело. После этого меня держали дома и не пускали на улицу. Я много читала, хотя еще не ходила в школу.

Наши силы иссякали. Изредка маме удавалось обменивать вещи на продукты, так у нас появился кулек овса и небольшой кусок конины в обмен на папин бостоновый (была такая дорогая ткань) костюм, патефон и ящик пластинок к нему. Овес (для лошадей) не был обработан и колючую чешую вручную и с помощью процеживания через марлю удаляли, предварительно пропарив. Все было очень вкусно.

Мой папа был на фронте. Но ему удалось добиться нашей эвакуации, что, к сожалению, не было доступно всем желающим. Вызов пришел в марте 1942 года. 21 марта нас и еще нескольких человек с вещами посадили в грузовую машину, выдав маленький кусочек хлеба и еще меньший – масла. Было очень ветрено и холодно, минус девятнадцать градусов. Мы долго ехали по городу, а затем – по Ладожскому озеру. Кузов машины был обтянут брезентом, а сзади находилась дверца, которая все время, пока мы ехали по льду озера, хлопала, то открываясь, то закрываясь: ее не стали затворять. Только спустя десятилетия я догадалась, что дверь держали открытой на случай бомбежки, чтобы кто-то мог спастись, выбравшись из кузова машины. На другой берег Ладоги по Дороге Жизни мы добрались без происшествий. Здесь нас покормили горячей душистой пшенной кашей, и, погрузившись в товарные вагоны, мы поехали в Горьковскую (ныне Нижегородскую) область. На одной из станций стояли эшелоны с красноармейцами; один из них вынул из кармана шинели кусок сахара,

сдул с него крошки и угостил меня.

Я пошла в школу города Малмыжа прямо во второй класс, чтобы компенсировать пропущенный из-за блокады первый год учебы. Однако музыкой я занималась уже с пяти лет в Детской Музыкальной Школе Фрунзенского района (на Садовой улице) в классе скрипки замечательного педагога Б.Э. Крюгера, который воспитал много прекрасных скрипачей. У него начинали свою учебу известные впоследствии музыканты Антонина Казарина, Анатолий Резниковский – ныне профессора Петербургской Консерватории. У него же начинал заниматься всемирно известный в наше время скрипач, дирижер и общественный деятель Владимир Спиваков (мама Владимира Спивакова, окончившая Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано, была жителем блокадного Ленинграда).

Потомственный музыкант – скрипач и педагог, окончивший Ленинградскую консерваторию, Борис Эммануилович Крюгер (сто лет со дня рождения которого исполнилось в 2002 году) был сыном выдающегося русского скрипача Эммануила Эдуардовича Крюгера–Тургенева (1865-1938), ученика Гржимали и Ауэра, вся творческая жизнь которого была связана с Петербургом – Петроградом – Ленинградом. Окончив Санкт-Петербургскую консерваторию, он стал солистом–концертмейстером оркестра балета Мариинского театра (затем ГАТОБ им. С.М. Кирова), 30 лет вел класс скрипки в Петербургской – Ленинградской консерватории, став одним из знаменитых ее профессоров. Много занимался с маленькими скрипачами, работая в детских музыкальных школах и основав музыкальную школу на Охте. Выступал с сольными концертами, в том числе в Павловском Курзале, играл в квартете с Леопольдом Ауэром. «Это скрипач с превосходным большим тоном, лучшим в России, с выдающейся техникой», - писал о нем скрипичный мастер А.И. Леман в начале XX века.

После революции 1917 года во времена гражданской войны, голода и разрухи профессор Крюгер-Тургенев продолжал самоотверженно трудиться, полуголодным занимался со студентами в неотопливаемых классах любимой им консерватории. Одним из первых, в 1921 году он получил звание Заслуженного артиста, а позже – Героя Социалистического Труда. Его сын, Борис Крюгер, мужественно перенес все 900 дней блокады. Вернувшись в 1944 году в Ленинград, я снова с радостью стала у него заниматься. Позже я поступила в Музыкальную школу-десятилетку при Ленинградской консерватории, а затем и в консерваторию. Моими учителями по классу скрипки стали выдающиеся музыканты Владимир Николаевич Парашин и Борис Александрович Сергеев, профессора консерватории. Б.А. Сергеев неоднократно вспоминал о серьезной и трудной концертной деятельности бригад выпускников Консерватории на Ленинградском фронте в годы блокады.

НОВИЧЕНКО ТАМАРА ДМИТРИЕВНА

профессор кафедры сольного пения

Я была маленькой девочкой, когда пришлось столкнуться со всеми ужасами войны. Мама ждала третьего ребенка, поэтому в июне 1941 года родители, испугавшись за нас с сестрой, посадили нас в поезд с какой-то малознакомой женщиной и отправили к дедушке с бабушкой в деревню под Псковом. Фашисты очень быстро наступали. Придя в нашу деревню, они начали искать партизан. Если у детей не было родителей, это значило, что они либо воюют против немцев, либо находятся в партизанских отрядах. Таких детей просто убивали. Я помню, как нас вывели из дома и подожгли его. Нас с сестрой начали спрашивать, где наши родители, мы плакали и ничего не могли сказать. Тогда немцы стали кричать, что бросят нас в огонь полыхающего дома. Было очень страшно! Никогда не

забуду женщину, которая выскочила из толпы и, обхватив нас руками, сказала, что мы ее дети. Она потащила нас в толпу сельчан и вместе с нами растворилась в ней. Помню, как на мне загорелось платье, обожгло ногу, я до сих пор время от времени ощущаю этот жар на ноге.

Бабушка с дедушкой умерли, и нас с сестрой, несмотря на все трудности, партизаны на грузовике под брезентом, переправили в блокадный Ленинград к родителям. Здесь было намного страшнее: голод, все время мучительно хотелось есть. В Ленинграде у нас появилась еще и младшая сестра, однажды ее так покусали крысы, что следы от укусов на руках остались до сих пор.

Из-за этого мама уже не рисковала оставлять девочку на кровати и, уходя, подвешивала ее, завернутую в простыню, к люстре. Когда меня оставляли дома одну, я пряталась за печку: казалось, что там не так страшно.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ГЕРМАН НИКОЛАЕВИЧ

профессор кафедры баяна и аккордеона

До войны я учился в музыкальной школе на улице Комсомола, д.17, окончил 4 класса фортепианного отделения. В 1942 году всех, кто до войны учился в музыкальных школах и не успел выехать, собрали вместе в здании на углу ул. Короленко и Некрасова. Отсюда мы отправлялись на заготовки дров в Озерки, для чего нам были отведены брошенные, частично разрушенные деревянные дома. Мы их разбирали и затем привозили отапливать ими это помещение.

В 1943 году нас всех перевели в Консерваторию. Несколько лет мы там обитали, поэтому все происходящее было у нас на глазах. Как у всех ленинградцев, у нас были книжечки, где фиксировалось, сколько часов отработал каждый. Мы дежурили на крышах, выезжали на сельхозработы. Главное

же, за что и дана медаль – это участие в шефских концертах в госпиталях: заходили в палаты, выступали перед ранеными. Все, увиденное там, оставляло тяжелое впечатление. Также мы принимали участие в работе по восстановлению здания Консерватории после обстрелов. Помню, снаряд попал в вестибюль Оперной студии – туда, где сейчас располагается буфет.

В Консерватории было нетоплено, не было света. Но педагоги, которые не уехали в эвакуацию, занимались с нами. Позже часть из нас, в том числе и я, перешли в филиал училища при Консерватории. Я занимался на рояле и одновременно стал интересоваться ударными инструментами. Со мной занимался педагог Василий Евсеевич Осадчук – ударник из оркестра Мравинского. В Музее консерватории есть фотография: В.Е. Осадчук, я и мой товарищ Паша Никольский. Однажды, в 1943, году нас снимали для кинохроники – с Хуго Лепнурмом, органистом; мы тогда выступали в Малом зале Консерватории, поврежденном в результате обстрелов.

Директором школы в 1943 году был Григорий Федорович Фесечко, активный, энергичный человек. Благодаря ему, мы смогли продержаться. Из числа друзей той поры назову музыковеда Андрея Николаевича Крюкова, он выпустил несколько книг о музыке блокадного Ленинграда.

СОКОЛОВ ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ

доцент кафедры теории музыки

Воспоминания о минувшем

Война, блокада <...> Время нечеловеческих испытаний, горя и страданий. Ни слова, ни кадры кинохроники не могут в полной мере передать весь трагизм того времени – и его героизм. По прошествии многих лет в моей памяти сохранились

лишь отдельные фрагменты тех лет. И уж такова человеческая психика, что вспоминается преимущественно связанное с добрым и светлым.

Война для нашей семьи, как и для большинства соотечественников, началась неожиданно. Вечером 21 июня 1941 года мы выехали на дачу в Прибыtkово. Вечер и ночь выдались поиюньски теплыми и душными, гремели одна за другой грозы. То ли гроза, то ли незнание шофером маршрута – но мы заблудились и прибыли на место далеко за полночь.

Утро 22 июня мне запомнилось ярким, солнечным, добрым. Отец налаживал радиоприемник, натягивал антенну, подключал аккумуляторы. Еще мгновение, щелчок выключателя – и эфир «взорвался» тревожной многоязыкой речью. В интонациях радиодикторов таилась какая-то тревога и угроза. И только в полдень из динамика прозвучало: «Война!»

Отец вмиг умчался на станцию. Мама собрала легкие вещи, документы и потащила меня за руку на вокзал. Я ничего толком понять не мог: ведь еще несколько недель назад, да и вчера из громкоговорителей, из раструбов патефонов оптимистично и пафосно звучало: «Широка страна моя родная», «Пусть он землю бережет родную», «Если завтра война, если завтра в поход». И почему такое смятение и растерянность на лицах встречающих?

В вагон мы сели довольно спокойно. Среди пассажиров в большинстве были мужчины, следующие в военкоматы. Время от времени слышалось надрывное гудение самолетов. Многие волновались, паниковали, но мужчины успокаивали: «Это наши. Немцев и финнов в воздухе нет». Спустя много лет я точно узнал, что Ленинград в те недели не был в зоне досягаемости немецкой авиации, а у финнов самолеты можно было по пальцам пересчитать, да и в бой они не особенно рвались (рефлекс финской кампании 1939-40 годов еще не выветрился). До города мы добрались без приключений. Первые

дни войны в Ленинграде проходили буднично, единственно что беспокоило – это постоянные учебные тревоги: завывали сирены, сустились пожарные и т.п.

Как в довоенное время, мы непременно каждый день выходили на прогулки. Самыми любимыми местами были Исаакиевская площадь и Адмиралтейская набережная. Прекрасно помню довоенную Исаакиевскую площадь: деревянная торцовая мостовая, трамвайные пути параллельно гостинице «Астория» и бывшему Германскому посольству. По всему периметру Исаакиевского сквера стояли автомобили заграничных марок и наши – «ЗИС 101».

Но постепенно война накладывала свой мрачный отпечаток на облик города. В те предблокадные дни я наблюдал как город утрачивал свою неповторимую прелесть: дома на Адмиралтейской набережной были закамуфлированы до неузнаваемости, памятники Петру I и Николаю I заложены мешками с песком и укрыты дощатыми ящиками, в Исаакиевском сквере на центральной клумбе и в Александровском саду за памятником Петру I оборудованы гнезда для зенитных орудий, золотые купола и шпили Исаакия, Адмиралтейства, Петропавловки были покрашены серой шаровой краской. Внешний облик города с каждым днем тускнел.

До сентября немцы населению города особенно не досаждали. Редкие налеты отдельных самолетов воспринимались как неизбежные военные издержки. Однако развитие военных событий июля-августа с каждым днем усугубляло трудности жизни.

В один из августовских дней я гулял с мамой на Исаакиевской площади. Объявили тревогу. Поблизости никаких убежищ не было. Стрельбы и взрывов тоже не было слышно. Мы хотели добежать до нашего дома, но бойцы МПВО заставили нас зайти в вестибюль гостиницы «Астория». Все мои страхи и волнения вмиг исчезли: мягкие ковры, хрустальные люстры,

мебель красного дерева, скульптуры из белого мрамора, тишина и прохлада после уличной жары – все это поразило мое воображение; такой красоты я еще никогда не видел (и до сих пор в моей памяти время от времени возникает картинка интерьера вестибюля «Астории»). Прозвучал отбой тревоги, и мы двинулись домой.

Немцы все ближе подходили к городу. Участились налеты самолетов, все чаще объявляли тревоги. С объявлением тревоги мама брала сумочку с документами, хватала меня за руку и тащила в подвал дома. Я же прижимал к себе свою любимую игрушку – плюшевого мишку. И во всех наших походах в убежище он нас сопровождал как талисман. Совсем недавно, разбирая платяной шкаф, я его обнаружил – вытершегося и облезшего от времени, а в памяти вновь ожили события минувшей войны.

В первые недели войны отец приходил домой довольно часто, но с приближением немецких войск к Ленинграду мы видели его все реже. Он служил наблюдателем в ПВО города. Его пост находился на ротонде Исаакиевского собора, откуда он по телефону сообщал в штаб о городских разрушениях. Появление отца в доме всегда вносило бодрость, заряд уверенности. Его улыбка, шутки, веселость мигом смягчали гнет военных тягот и неуверенности. В городе, в магазинах, на останковках транспорта, в убежищах, да и в квартирах все чаще распространялись самые невероятные слухи, один ужаснее другого. Отец же всегда ободрял, говорил, что вражеское наступление – это временное явление, наша армия сгруппируется и даст мощный отпор.

В конце августа началась массовая эвакуация ленинградцев. Отец, всегда яростный противник нашего отъезда из Ленинграда, вдруг стал уговаривать маму выехать из города. Уговоры в конце концов возымели действие и мама начала собирать вещи в дорогу. Все было готово к отъезду, назначено

число, собраны документы и пожитки, но мама неожиданно заболела. Отъезд не состоялся и, как мы узнали от отца несколько позже, эшелон, в котором мы должны были ехать, был разбомблен и расстрелян фашистской авиацией... Судьба ли, Бог ли, но мы не погибли, хотя и остались в Ленинграде. Отчетливо помню вечер 8 сентября 1941 года. Я с мамой возвращался от бабушки. Она жила на ул. Декабристов, 17. Вечер был по-летнему теплый и ласковый. Все было почти как в мирное время, если бы не пузатые аэростаты заграждения, безобразно пятнавшие небо, да синие лампы светомаскировки, освещающие мертвенным светом арки подворотен и парадные лестницы. Неожиданно надрывно завывли сирены воздушной тревоги. Этот мерзкий, утробный звук не забуду до конца своей жизни! Бойцы МПВО загнали нас в подворотню, где мы пережидали авиационный налет, который продолжался не более получаса. Домой мы добирались с многочисленными остановками; за первой волной налета последовали другие, повторявшиеся с равными интервалами до середины ночи. Небо над городом было окрашено багровым заревом от многочисленных пожаров. Особенно ярко бушевали всполохи пожаров на востоке. Как потом мы узнали, там горели Бадаевские склады.

Этот вечер открыл новую, мрачную страницу в жизни города – началась блокада. Все 900 дней блокады мы оставались в городе. Отца перевели в воинскую часть, которую готовили на передовую. Много позже я узнал, что в последний момент, когда люди уже были построены в походную колонну, появился офицер и выкрикнул несколько фамилий, в том числе и фамилию отца, приказав бойцам выйти из строя. Воинская часть двинулась на фронт, а отец, как высококлассный специалист по точным приборам, был откомандирован в специальное подразделение, обеспечивающее ленинградский фронт хронометрами, прицелами к орудиям, фототехникой

для самолетов. Всю войну отец оставался при этой части, которая располагалась в деревне Лаврики.

Все тяготы блокадной жизни легли на плечи мамы. Сколько ей пришлось пережить! Она страдала болезнью сердца, и на тяжелые работы по строительству оборонных сооружений ее не отправляли. Устраиваться на какую-нибудь другую работу она не хотела, боясь оставить меня одного. Поскольку мама не работала, мы получали скудный паек. Надо было искать возможность каким-то образом доставать дополнительные продукты питания. Мама меняла вещи – запонки отца, свое кольцо, серьги и прочее – чтобы получить взамен стопочку крахмала, горсть очисток картофеля или плитку столярного клея. Помню, какое это было «лакомство»: студень из столярного клея с уксусом.

Иногда появлялся довоенный приятель отца – Юлий Францевич Кузмицкий. Это была колоритная личность, в прошлом – водитель С.М. Кирова, известный мотогонщик и боксер, человек очень строгий и пунктуальный. Он приходил, казалось, в самые трудные моменты блокадной жизни, и в запасе у него всегда было что-нибудь съестное: кубик глюкозы или сахарина, кулек сушеного картофеля или моркови. Однажды, летом 1942, года он приехал за нами на мотоцикле с коляской и отвез в столовую, которая находилась на углу Садовой и Вознесенского (бывшая булочная Филиппова). У него оказались два талона на обед так называемого усиленного питания.

В другой раз, летом 43 года, он приехал за нами на автомобиле. Приказал быстро собираться. В это время у нас в гостях был протоиерей Никольского собора о. Семен. Он тоже поехал с нами. О цели поездки Юлий Францевич ни словом не обмолвился. Моим восторгам не было предела: мы поедем на «Виллисе»! Но восторг быстро улетучился. Меня посадили на заднее сиденье. Это была металлическая скамья. Руками дер-

жаться было не за что, а до спасительной перекладины – опоры на полу – я мог дотянуться ногами только, если спиной ложился на скамью. Одной рукой приходилось цепляться за гладкий борт машины, другой – придерживать мою любимую красную бескозырку с надписью «Моряк». Ко всему прочему, невероятно трясло. Несмотря на то, что главной моей задачей было не вывалиться из кузова автомобиля, я успевал еще глазеть по сторонам. Как изменился город! Повсюду развалины разрушенных домов, в воздухе висит смрад от пожарищ. На булыжных мостовых всеми цветами радуги переливаются осколки стекол. Улицы безлюдны, автомобилей вообще не видно. Наконец мы приехали. Юлий Францевич оставил нас в машине и исчез за высоким глухим забором. Спустя некоторое время он вышел, сопровождая моего отца. Милое родное похudevшее лицо, которое мы так долго не видели, усталые глаза... Мы плакали, обнимались, задавали вопросы, на которые не ожидали ответов. Но все быстро кончается, надо было возвращаться в город.

Зимой 1941-42 года наша жизнь стала еще труднее. Топить печку было нельзя, при бомбежке завалило дымоход. На улице стояли лютые морозы. В комнате было настолько холодно, что суставы на руках опухали и не гнулись. Ко всему прочему, в декабре я заболел корью и наши походы в убежище прекратились. Выжил я, благодаря заботам мамы, которая, недоедая сама, отдавала мне свою долю пайка. Она ухитрялась каким-то образом доставать молоко и яичный порошок. Ее усилиями в комнате появилась буржуйка. Холод отступил. Несмотря на блокаду, раз в два-три дня меня навещал милый старичок доктор Клечатов (имени и отчества его я не помню). К Новому году я поправился, хотя был крайне слаб. Пришла и весточка от отца. Из воинской части, где он служил, пришел боец. Он принес какую-то крупу, сушеные овощи, елку мне и игрушку на елку, сделанную из перегоревшей электролампоч-

ки. Эта игрушка до сих пор цела.

В январе-феврале умерли от голода мой дед и муж тети Аси (маминой сестры) Петр Иванович Рахманинов, известный инженер-путеец, племянник композитора С.В. Рахманинова.

Много говорят и пишут о том, что жители блокадного города проявляли чудеса героизма. Как свидетель тех дней, могу сказать, что никто не помышлял ни о каком героизме. Главная задача была – выжить, а это означало работать, обогреваться, что-то съесть, двигаться и – что очень важно – заботиться о близких. Пример такой заботы – моя мама. Только ее преданность, самоотверженность и любовь позволили мне дожить до Победы.

СМИРНОВ ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

профессор кафедры истории зарубежной музыки

Вспышки памяти

Как ни рассматривать блокаду немецкими войсками Ленинграда в Великой Отечественной войне – то ли как величайшую трагедию ленинградцев, то ли как их героический подвиг – блокада оставила в сердце каждого, пережившего ее, глубокий и незаживающий рубец. И даже я – дитя блокады – лишний раз убедился в этом, когда после многих колебаний взялся за перо для этой небольшой заметки: стоило только дать волю блокадным воспоминаниям, разрешить выйти им из тайников сознания, как они ожили, обступили, превратились в нечто неотступное, навязчивое... Память разматывает нити этих воспоминаний, причиняя, если не острую боль, то вызывая душевную горечь, вместе с вечной благодарностью тем, благодаря кому я остался в живых.

Память человеческая несовершенна. А память ребенка (к началу блокады мне шел пятый год) тем более. И все же моя

детская память удержала некоторые события блокады, причем я берусь утверждать, что я запомнил их именно сам. Почему я так думаю? Потому что это именно вспышки моей памяти, а не логически выстроенная цепь событий по рассказам близких. Эти вспышки высвечивают: начало блокады, попадание бомбы в наш дом в канун Нового 1942 года, блокадные ночи и дни 1941-42 годов, которые почти слились, потому что свет не мог проникать сквозь «слепые», без стекол окна, забитые фанерой.

Не знаю почему, но моя память воскрешает эпизоды осени 1941-зимы 1942 годов – 200 из 900 дней блокады – может быть, потому, что это было самое тяжелое время. Конечно, наряду с блокадными, «военными» воспоминаниями, в памяти отложились и другие, из них упомяну о тех, которые оказались связаны с музыкой, наметивших уже с конца войны мою жизненную линию.

Война началась для меня не ранним утром 22 июня 1941г., а в начале сентября того же года, когда сестра отца (любимая тетя Катя) привезла меня в Ленинград из глухой, «забытой богом» деревеньки близ станции Пестово, где мы проводили летние месяцы (с тех пор у меня сохранилось незабываемое чувство покоя, сердечного тепла, которые дарили окрестности этой деревеньки). Пестово лежало в стороне от стратегических дорог войны, и там о войне знали понаслышке. Меня доставил в Ленинград один из последних поездов, прорвавшийся сквозь уже смыкавшееся кольцо блокады; оно все сужалось и сужалось, и ленинградцы чувствовали это по разным признакам – меньше становился паек, усиливались артобстрелы и бомбежки, вышло из строя водоснабжение, перестали ходить трамваи... К голоду прибавился лютый холод, наступивший в 1941 году с ноября... Обо всем этом много писали, я не стану повторять. Мои заметки о другом...

Что значит недоедание, я почувствовал только с начала

ноября. В детском саду, куда водила меня мама, нас детей не только кормили – давали каши, вермишель, сладкий чай, но и баловали – угощали квадратиком шоколада, который я иногда нес домой и предлагал папе с мамой, разумеется, мой благородный порыв имел те последствия, что сосал этот квадратик я.

Что говорить о тяжести испытаний, выпавших на долю взрослых. Никакая «блокадная книга» не передаст их. В условиях жуткого голода и холода они не переставали трудиться, только их рабочий день растягивался все больше и больше...

Но вернусь к своим личным воспоминаниям. В канун нового 1942 года (часов около 10 вечера) наша семья собралась за столом, накрытым празднично, но с чисто символической едой. «Тарелка» – репродуктор, который не выключали, оповестил о воздушной тревоге. В иной момент мы бы спустились в бомбоубежище, находившееся в соседнем доме. А тогда решили пренебречь предупреждением об опасности... И вот... В наш дом попала бомба, расколовшая его пополам так, что половина его по одну сторону лестницы превратилась в месиво разрушенных стен, перекрытий, остатков мебели, а другая половина чудом уцелела. На уцелевшей половине находилась квартира, в которой мы тогда жили – №13 (после войны мы переехали на этаж ниже – в квартиру №11). Приехавшие саперы сказали, что наше счастье, бомба – «500-килограммовка» – разорвалась, войдя в землю, и мы должны благодарить судьбу и ... каменщиков, возводивших этот дом в конце XVIII века. Кладка дома отличалась особой прочностью. У нас при попадании бомбы «только» сдвинулись шкаф, буфет и полетела со стола посуда.

Дом этот, расположенный по Моховой 30 – исторический. На третьем этаже жила Н.Н. Пургольд (будущая жена Н.А. Римского-Корсакова), а на втором этаже жил А.С. Даргомыжский. Естественно, и там, и там бывали компо-

зиторы, входившие в «Могучую кучку». Неподалеку, в доме №24, жил глашатай «Могучей кучки» В.В. Стасов. А на Пантелеймоновской улице снимали комнаты Римский-Корсаков и Мусоргский. Наш дом был восстановлен после войны. Но долгое время, при заходе солнца штукатурка не могла скрыть следов снятого при восстановлении балкона, на котором Н.Н. Пургольд слушала в свою честь «Серенаду четырех кавалеров одной даме» Бородина, нижний голос которой басил Римский-Корсаков.

Но разговор о доме увел меня в сторону. При бомбежке его скорее всего были жертвы среди наших соседей, не спустившихся в бомбоубежище. Не знаю официальной статистики, но каждая семья в блокаду понесла утраты. Не были исключением и мы, потерявшие бабушку (мать отца), брата отца, а также мужа моей тети... Вечная им память...

Расскажу о том, как в список «в живых не значится» попал мой отец и я, и как с помощью мамы мы обманули смерть. В конце января 1941г. мы оба тяжело болели. Что это было – не знаю. Врач ставила диагноз – грипп. Простуда, наверное, наложила на общее ослабление всего организма. Мама держалась, выхаживая нас. Говорят, женщины выносливее, они имеют большие ресурсы выживания, но я убежден, что это ресурсы прежде всего не физические, а воли, духа, психики. И вот врач однажды сказала: «Они оба не жильцы, им осталось час-два. Я выпишу сейчас справку о смерти обоих, чтобы Вам не регистрировать их у управдома, а мне не подниматься на третий этаж». Таков был медицинский приговор.

Только мама не смирилась с ним. И как она рассказывала потом, она принялась по-деревенски голосить. И так маме удалось отогнать «духов смерти». После суточного беспамятства жизнь постепенно вернулась к нам. Мой отец – Смирнов Василий Иванович – потом воевал и после войны прожил до 1968 года. О факте мнимой смерти в блокаду в нашей семье

не принято было говорить, и я думал, что справки затерялись при переездах с одной квартиры на другую. Но это блокадное свидетельство той страшной поры я нашел в коробочке с наградными документами после смерти отца (*см. иллюстрации*). А мою справку хранила мама, и после ее смерти в 1992 году, я ее не нашел. Представляю себе, какие воспоминания она у нее вызывала...

Блокадные дни и ночи зимы 1941-42 гг. у меня навсегда ассоциируются с темнотой. После закрытия детского сада, с декабря 1941, мне приходилось сутками оставаться одному, даже без мерцающего огонька коптилки... Может быть, поэтому до сих пор я не закрываю на ночь портьеры на окнах, и мне не мешает ночью проникающий сквозь стекла свет. Но не все в блокаде было так мрачно и печально.

В редкие вечера, по большим праздникам у нас собирались родные и друзья дома. Прежде всего, вспоминаю маминых сестер. Их было шесть. Но в Ленинграде, кроме мамы, жили три из них: Надя, Настя и Аня.

Моя мама – Шорина Мария Ивановна, окончившая в 30-х годах в Ленинграде Политехнический институт, происходила из крестьянской семьи, по обыкновению тех лет, многодетной. Семья жила под Конаково (Тверской области). Мама в детстве пела (как и ее младшие сестры) в церковном хоре, кроме того, знала много народных песен, которые «заводила» с сестрами, которые тоже любили и умели петь. Этот обычай – совместного пения – сестры донесли до 80-х гг., он носил характер некоего обряда, угасавшего лишь по мере ухода из жизни его участниц. И я уже только потом мог получить представление о том, *что* они пели и *как* пели. Их репертуар составляли такие песни, как «Под вечер, осенью ненастной», «Вспомни, вспомни, мой любезный», «Лучина», «На море утушка купалась», «Вечерний звон» и т.п. Строгий фольклорист счел бы этот репертуар пестрым, отметил бы налет «фаб-

ричности». Но пели сестры не в городской, романсовой манере, а по-крестьянски: с обилием подголосков, с переходами от унисонов к сложной гетерофонии, с подхватами дыхания... словом, очень истоиво и с природной музыкальностью. В блокаду их пение скрашивало тогдашний быт и позволяло надеяться на что-то лучшее. Песни выполняли свою роль, отмеченную собирателями фольклора, литераторами. У мамы было (как я бы сейчас определил) легкое меццо-сопрано. Она очень любила петь и лет 25 была участником хора «Старых большевиков», которым руководили видные хормейстеры; среди них такие, как А.В. Никлусов.

Помимо пения сестер мамы, я вспоминаю в блокадную пору голос Шаляпина, бывшего кумиром моего отца, инженера по образованию, но увлекавшегося театром, пением... Шаляпинский бас – бархатный, певучий, бесконечно выразительный, наполнял комнату даже с несовершенного «безрупорного граммофона». «Сомнение» М.И. Глинки и «Клубится волною» А.Г. Рубинштейна были моими колыбельными.

И еще один яркий источник музыкальных впечатлений помню хорошо. Отец дружил с музыкантом-любителем Сашей (к сожалению, не могу восстановить в памяти его отчества и фамилии). Сказать о Саше, что он был музыкален, значит, почти ничего не сказать! Он был поразительно одарен. Он играл на любом инструменте, бывшем под рукой: рояле, гитаре, скрипке, балалайке, аккордеоне и воспроизводил все мыслимые и немыслимые мотивы с поразительной легкостью и шиком: опера, оперетта, бытовые романсы, Утесов, ранний джаз – все было подвластно его дарованию. Он творил чудеса на пианино... И когда он уходил, я одним пальцем пытался повторить только что прозвучавшие мотивы.

В этой заметке я коснулся воспоминаний о блокадной поре 1941-42 гг. И мне кажется, что уже тогда для меня не стоял вопрос выбора «кем быть?». 1944 году я пошел учиться

в школу № 181 и, одновременно, в музыкальную школу, а в 1945 году, в январе, я был отобран в Хоровое училище при Ленинградской Государственной Академической Капелле.

ТАЙМАНОВА ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

профессор кафедры режиссуры
музыкального театра

Я не могу помнить войну <...> Но есть та генетическая память поколений, которая сохраняется навсегда. Пять поколений моей семьи связаны с Петербургской-Ленинградской консерваторией.

Мой отец – талантливый инженер, архитектор, работавший в разных областях и много сделавший для театрального строительства нашего города (будучи главным инженером БДТ, театра Комедии и Ленсовета), перед началом войны работал в нашей Alma Mater. Его любили, о нем помнят и сегодня, и так сложилось, что именно он возглавил эвакуацию преподавателей и студентов Консерватории в Ташкент.

Мой брат Марк Тайманов – ныне знаменитый шахматист, неоднократный чемпион СССР и чемпион мира в разных номинациях, к тому же талантливый пианист, создавший фортепианный дуэт с прекрасным музыкантом – Любовью Брук (ныне этот ансамбль назван фирмой «Филипс» лучшим дуэтом XX века, в связи с чем был выпущен Золотой диск в 2001 году, подтверждающий значимость этого дуэта). Перед войной Марку было 15 лет и его, наряду с другими, наиболее одаренными детьми также отправили в эвакуацию в Ташкент. Позже и я пошла по стопам брата, став вначале пианисткой, потом оперным и телевизионным режиссером, а теперь сын Марка – Игорь и его дочь Кира продолжают в нашей Консерватории династию Таймановых.

Пять поколений – это многолетняя связь и родство с

Консерваторией, что стала всем нам родным домом. Но тогда, в 1941 году, за месяц до начала войны, я только родилась, и моя красавица мама подошла с малюткой на вокзале к вагону, где теснились люди, и твердо сказала: «Моя малышка не выдержит этой дороги, я останусь в Ленинграде!» Так семья разделилась: папа и Марк в Ташкенте, где тепло, солнечно, а мама со мной, восьмилетним братом Аликом (ныне известным инженером и ученым), сестрой и моей бабушкой остались в городе, где им пришлось пережить тяжелые дни блокады. Здесь, в блокадном Ленинграде, моя мама, удивительная, я повторяю, удивительная красавица и умница, способная певица и пианистка, каждое утро носила на себе ведра с водой из Невы, возила тележки с окоченевшими людьми и стремилась приносить пользу всем, кто был рядом. Случайно мама обнаружила мешочек с грецкими орехами, и я была вскормлена отваром из ореховых ядрышек и супом из кожаных ремней. Мама рассказывала мне потом, как четко делились люди в этом городе на тех, кто стремился выжить, помогая другим, и на тех, кто скапливал богатство на голоде блокадников. Не надо забывать, что помимо стойких, сильных и благородных ленинградцев, были и мародеры, и людоеды. Однажды мамина сестра, рыжеволосая Лида, пошла обменять хлеб на маленький кусочек мяса, и продавцы ей сказали: «У нас на улице Софьи Перовской более свежее мясо, пойдете с нами». Больше никто Лиду не видел, а соседская девочка показала маминому брату – полковнику, приехавшему с фронта, дом, куда в последний раз вошла его сестра. Он взял ордер на обыск и обнаружил зарубленные тела и шубку своей сестренки. Это было в нашей семье. Бабушка тихо сходила с ума от горя, а мама продолжала выполнять свой материнский и гражданский долг.

Спустя 20 лет, на коммунальной кухне зеленогорской дачи, седовласый человек спросил мою маму: «Вы были в

блокадном Ленинграде?» Мама повернулась и кивнула. «А был ли эпизод, когда на Фонтанке вам крикнули – бомба! Скорее падай!» Мама изумленно подтвердила это, и тогда Д.С. Лихачев (а это был он) сказал: «Это я вам крикнул и двадцать лет помнил ваше прекрасное лицо». Сегодня я понимаю, что этот удивительный человек невольно спас и мою жизнь. На протяжении многих лет я не раз обращалась к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву с просьбой принять участие в телевизионных программах, и мы сделали с ним множество серьезных передач о культуре России, о музыкальности стиха А.С. Пушкина, о политике и нравственности. Так протянулся долгий путь от блокадного эпизода до последних дней нашего общения. В конце блокады мама сумела по Дороге Жизни уехать с детьми в эвакуацию, а в это время профессор Университета занял нашу квартиру. Вернувшись в Ленинград, наша семья оказалась обездоленной, обобранной, так как мародеры были и среди обеспеченных людей. Семье не возвратили ни мебели, ни посуды, война отняла все. Но все-таки моя семья всегда вспоминала тех, кто был гордостью Ленинграда, кто сумел защитить и восстановить город моей жизни.

Война, быть может, закалила стойкость характера, силу духа и умение противостоять невзгодам и, возможно, эти блокадные гены повлияли на мой характер. Я горжусь тем, что я – блокадный ребенок и стремлюсь соответствовать духовным постулатам своих родителей. У отца был замечательный афоризм: «Только невозможное трудно, а трудное – это легко!».

А у мамы, отдавшей свою талантливую жизнь детям – троим родным и одному усыновленному – сыну маминой сестры, взятому из концлагеря, куда он попал в 7 лет с родителями в 1937 году, была убежденность: детей надо иметь и отдать им жизнь или не иметь их вовсе.

Наши родители были постоянно причастны к консерваторской жизни, так как папа продолжал строительство кон-

серватории и школы-десятилетки, а старший брат стал гордостью нашего вуза. Поскольку мы жили рядом с интернатом десятилетки (в переулке Матвеева), мама помогала не только своим, но и чужим – интернатским – детям, ощутить радость детства: устраивала для них праздники, приглашала посмотреть телепередачи (тогда телевизор был редкостью), наряжала моих подружек и старалась их повкуснее угостить. Мне кажется, что именно жизнь в блокадном Ленинграде научила маму максимально заботиться о других. Марк Тайманов впервые испытал свой характер «на крепость», отправившись на перекладных, в теплушках, на далекую станцию Шуя, встретить свою блокадную семью. Этим он доказал, что и в эвакуации может сложиться стойкий характер.

Мои родители часто рассказывали мне о том, как по-разному они провели годы войны, и мама удивлялась тому, что в Ташкенте люди не понимали сложностей и невзгод блокадной жизни. Даже папа казался ей чужим от того, что не познал этой вселенской беды, не пережил того, что испытала она и ее дети. Итак, я – блокадный ребенок – вспомнила те мгновения, память о которых бережно, как эстафету, передала мне мама – воспоминания о той поре, что была испытанием для каждого, пережившего эти трагические дни. Моя жизнь сложилась счастливо, и низкий поклон всем, кто помог мне выжить и состояться.

СПИСОК ПОГИБШИХ ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

*(печатается на основании дела № 234, лл.
1-3 архива Ленинградской консерватории)*

1. **АБ Л.Е. – профессор**
2. **АЛЕКСАНДРОВ Л.Н. – учебная канцелярия**
3. **АМОСОВ Н.И. – профессор**
4. **АНДРЕЕВ П.И. – пожарная охрана**
5. **АНТОНОВ Я.З. – дворник**
6. **АСТРОВ – дирижер**
7. **БАЛАГУРОВА А.Г. – прачка**
8. **БЛИНОВА Н.А. – библиотекарь**
9. **БРУНИ Г.Ф. – преподаватель**
10. **БРЯНЦЕВА Л.В. – концертмейстер**
11. **БЫКОВА М.Ф. – пожарная охрана**
12. **ВАРОВ В.Н. – преподаватель**
13. **ВИЖУТКИН И.С. – кочегар**
14. **ВЛАСОВ В.И. – пожарная охрана**
15. **ВОЛОДИНА П.И. – пожарная охрана**
16. **ВОРОБЬЕВ М.А. – рабочий снабжения**
17. **ГОЛЬЦ Б.Г. – студент**
18. **ГОРДОН А.В. – профессор**
19. **ГРИГОРЬЕВ В.С. – доцент**
20. **ГРИШЕНКОВ П.В. – концертмейстер**
21. **ДАУГОВЕТ Е.Ф. – профессор**
22. **ЕРШОВ И.В. – профессор**
23. **ЕРШОВ – дирижер**
24. **ЗОСИН В.К. – преподаватель**
25. **ИВАНОВ А.И. – полотер**
26. **ИВАНОВ П.П. – доцент**
27. **ИЗВЕКОВ Н.П. – зав. лабораторией**

28. **КАБЫЛЯНСКИЙ А.Н.** – профессор
29. **КАРАБАНОВА М.Г.** – рабочая
30. **КАУФМАН О.А.** – аспирант
31. **КАЦАН С.М.** – библиотекарь
32. **КИСЕЛЕВ К.А.** – пожарная охрана
33. **КОЖЕВНИКОВ П.А.** – пожарная охрана
34. **КОРЕНЕВ И.И.** – солист
35. **КОРЗУН Е.К.** – настройщик
36. **КОРБЕЙНИКОВА М.Ф.** – пожарная охрана
37. **КРУГЛОВ Ф.С.** – служащий
38. **КУЛИКОВ И.А.** – пожарная охрана
39. **ЛАБУТИНА А.П.** – концертмейстер
40. **ЛЕБЕДЕВ И.Г.** – машинист сцены
41. **ЛЕБЕДЕВ П.И.** – комендант
42. **ЛЕБЕДЕВА А.Ф.** – и.о. директора
43. **ЛЕВАНДОВСКАЯ Е.И.** – уборщица
44. **ЛЕВАНДОВСКИЙ И.М.** – грузчик
45. **ЛЕОНТЬЕВ И.Ю.** – пожарная охрана
46. **ЛИХАЧЕВ Р.** – студент
47. **ЛИЦДЭ Л. Ф.** – доцент
48. **МАЙОРОВ Е.И.** – библиотекарь
49. **МАНУИЛОВ П.Л.** – доцент, врач
50. **МАРШАЛОВА М.Н.** – концертмейстер
51. **МАТВЕЕВ В.М.** – пожарная охрана
52. **МЕРВОЛЬФ Р.И.** – профессор
53. **МИЛЛЕР А.И.** – кочегар
54. **МИХАЙЛОВ А.А.** – доцент
55. **МУРАШЕВ И.М.** – дворник
56. **НАЛБАНДИАН И.Р.** – профессор
57. **НЕМЦЕВА В.А.** – уборщица
58. **НИКИФОРОВ С.Н.** – пожарная охрана
59. **НИКОЛАЕВ Л.В.** – профессор
60. **НОВИЧКОВА Е.С.** – уборщица

61. **ОБРАЗОВ Л.М.** – профессор
62. **ОРЛОВСКИЙ И.К.** – пожарная охрана
63. **ОССОВСКАЯ (КАЧИНСКАЯ) В.А.** – профессор
64. **ПАВЛОВСКИЙ А.В.** – пожарная охрана
65. **ПАТЧЕНКОВА М.А.** – уборщица
66. **ПЕРФИЛЬЕВ В.А.** – бутафор
67. **ПИТАНОВА Е.В.** – преподаватель
68. **ПРЕТЕЧЕНСКИЙ К.П.** – концертмейстер
69. **ПРОТОПОПОВ В.Ю.** – инженер
70. **РЕЗАНОВ** – профессор
71. **РЕЙХЕ Р.И.** – пожарная охрана
72. **РЕЙХТМАН М. М.** – пожарная охрана
73. **РОМАНОВ В.И.** – пожарная охрана
74. **РУДИН Н.И.** – доцент
75. **СЕЛЛИЦ Э.Г.** – концертмейстер
76. **СЕМЕНОВА Т.А.** – артистка хора
77. **СИЗОВА М.Т.** – уборщица
78. **СМИРНОВ А.А.** – пожарная охрана
79. **СМИРНОВ А.С.** – пожарная охрана
80. **СОЛОВЬЕВ С.Н.** – доцент
81. **СОРОКИН М.В.** – пожарная охрана
82. **СПИВАК Е.Л.** – профессор
83. **СТРЕЛКОВ И.Н.** – пожарная охрана
84. **СТРЕЛЯЕВ П.И.** – солист
85. **СУЛЕМЕНСКИЙ А.А.** – монтер
86. **СУМКИНА А.И.** – уборщица
87. **СЫРОМЯТНИКОВ Д.И.** – пожарная охрана
88. **ТОЛКОНЦЕВ А.А.** – зав. монтировочной частью
89. **ТРОФИМОВ Н.Т.** – швейцар
90. **ФЕДОРОВ Г.Г.** – машинист котельной станции
91. **ФЕХНЕР В.Э.** – преподаватель
92. **ФИНКЕЛЬМАН Б.С.** – кровельщик
93. **ФОМИН Н.П.** – профессор

94. **ФУФАЕВА А.Н. – уборщица**
95. **ХАРМАШОВ Ю.Н. – преподаватель**
96. **ХАРЬКОВ М.Ф. – кладовщик**
97. **ХЕЙФЕЦ Н.З. – профессор**
98. **ХОХЛОВ Н. – оркестрант**
99. **ЧУГУНОВ Н.И. – кассир**
100. **ШАРОНОВА А.Х. – уборщица**
101. **ШАРОНОВА Х.Х. – уборщица**
102. **ШЕВЕЛЕВА М.М. – уборщица**
103. **ЯДКОВ П. – оркестрант**
104. **ЯШИН И.Я. – пожарная охрана**

ЭВАКУАЦИЯ В ТАШКЕНТ

ВАРОСЯН АСЯ АГАСЬЕВНА

профессор кафедры виолончели, контрабаса и арфы

Когда началась война, я перешла в 9-й класс музыкальной школы при Консерватории. Мы с сестрой Розой родились в Ленинкане, в Армении. Я окончила музыкальную школу-семилетку как пианистка. В Ленинграде на фортепианное отделение меня не приняли, и директор школы Григорий Михайлович Бузе предложил на выбор другие инструменты: контрабас или арфу. Я, конечно, выбрала арфу. Моим Учителем стал Николай Иванович Амосов, добрейший человек, прекрасный арфист и замечательный педагог. В самом начале войны, еще до отъезда в Ташкент, он со своей арфой ездил в госпитали, выступал перед ранеными, в эвакуации играл в оркестре Ташкентского оперного театра.

Моя сестра Роза в 1941 году поступила на 1-й курс фортепианного факультета Консерватории в класс профессора Г.М. Бузе. Когда стало известно, что Консерватория эвакуируется в Узбекистан, жена профессора, Елена Карловна Амосова, просила нашу маму, обязательно отправить нас с Консерваторией, чтобы не прерывать занятий и, чтобы все ученики Николая Ивановича были вместе. Мама поехала с нами. В осажденном Ленинграде остался наш дядя.

Ехали мы в Ташкент в товарных вагонах, в теплушках. Хорошо помню Нину Сорокину, Ирину Шипулину (Оленеву), Н.Н. Толстую (Пилипас). Был конец августа, стояла жара.

В Ташкенте студентов и школьников разместили в Доме ученых, там организовали интернат. Я жила в интернате, а мама с сестрой снимали комнату. В 1942 году у Н.И. Амосова случился инсульт, потом второй и <...> в 1943 году он умер. Николаю Ивановичу было 62 года. Когда это случилось, Еле-

на Карловна отдала мне арфу профессора – инструмент американской фирмы «Lyon and Healy». В это время я уже жила с мамой и сестрой, Мы жили между Домом Ученых и Клубом швейников, который отдали Консерватории и школе для занятий. Рядом с нами пустовала комната, и мы туда поставили арфу. Квартира располагалась на уровне тротуара, и поэтому, когда пошел сильный ливень, ее залило водой. Больше всего я переживала за арфу. Я лежала с сильнейшим приступом малярии, температура 40 градусов, а я начала спасать инструмент. Вскоре после того, как мы вытащили арфу из комнаты, потолок в квартире рухнул, и нам пришлось переехать в другое место.

Я много занималась самостоятельно. В конце 1942 года со мной занимался Г.М. Бузе, готовил меня к выпускным экзаменам и, одновременно, к поступлению в Консерваторию. Он приходил к нам домой, так как другого инструмента не было, не было и струн, мы использовали кетгут и хирургический шелк. Так я окончила школу и стала студенткой Консерватории.

В Клубе швейников классов не хватало. Поэтому занятия проходили даже ночью. У Розы занятия начинались в 12 ночи, а заканчивались в 6 утра. Рядом с Клубом был хлебозавод, ходить ночью было опасно, поэтому я провожала сестру на занятия.

В летние каникулы мы работали в подсобном хозяйстве, где выращивались овощи для профессоров Консерватории, в колхозе, который выращивал хлопок. Нормы по сбору хлопка для нас были очень большие. Если мы не выполняли дневную норму по сбору хлопка – а это было практически невозможно – нас не кормили, мы пили болотную воду. Однажды я вернулась домой босиком, обувь окончательно развалилась. От брюшного и сыпного тифа умирало очень много народа среди преподавателей и среди студентов. Видимо, там я и «подце-

пила» малярию. Болела очень тяжело: у меня один день температура 40 градусов, другой день – 35, врачи сказали, что если я не уеду из Ташкента, то умру. Поэтому, когда стали организовывать бригаду маляров, я пошла туда учиться. В Ленинград я приехала с этой бригадой раньше всей Консерватории, весной 1944 года. Я была бригадиром. Весь второй этаж Консерватории был восстановлен руками моей бригады. Мне дали рабочую карточку, и я прикрепила ее к Кировскому театру; паек был хороший, я быстро поправлялась. Родные, когда вернулись через несколько месяцев, меня не узнали. Вся бригада была представлена к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», но <...> меня в списке не оказалось. Эта награда нашла меня только через 40 лет!

ОКСЕНТЯН НИНА ИВАНОВНА
профессор кафедры органа и клавесина

В эвакуации было трудно, как и всем. В Ташкенте я работала сначала копировщицей – можете себе представить! – потом «доросла» до плановика. В 1944 году записалась в бригаду по восстановлению консерватории; нас было 10 человек, кто согласился поехать, среди них – Аня Зеленкова, дирижер-хоровик. Добирались домой в ужасных условиях: нам дали один вагон, но для меня места в нем не нашлось, и 10 суток мы ехали в тамбуре вместе с одной вокалисткой. Мое белое платье сделалось черным; когда я увидела своего профессора, то спряталась – мне было неудобно подойти к нему в таком виде.

По приезде я встречала из эвакуации (из Перми) И.А. Браудо.

Наша бригада работала в учебном корпусе, мы убирали, мыли, оклеивали стены – восстанавливали Консерваторию. За

работу и в тылу, и в Ленинграде я была представлена к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Была я тогда студенткой 2 курса.

В 1947 г. закончила Консерваторию. Тогда же был конкурс на лучшее исполнение произведений советских композиторов, устроенный Союзом Композиторов, председателем конкурса был В.В. Щербачев. Неожиданно я получила I премию (исполняла Пассакалию и Фугу Х.С. Кушнарева). Меня сразу взяли в аспирантуру, ее окончила в 1950 году и с тех пор работаю в Консерватории.

ОВЧАРЕК ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ

профессор, заведующий кафедрой скрипки и альты,
преподавал в Консерватории с 1963 по 2007

Летом 1941 года я перешел в седьмой класс музыкальной школы при Консерватории. Началась Великая Отечественная война и нас, школу и Консерваторию, эвакуировали в Ташкент. Мой папа был мобилизован в армию и в 1942 году погиб под Ленинградом, похоронен на Пискаревском кладбище.

Многие старшеклассники, особенно десятиклассники, были мобилизованы и попали на фронт, под Сталинград. Почти все они погибли. Несколько человек попали на Военно-морской факультет, организованный в 1940 году.

В Ташкенте ленинградцам предоставили Клуб швейников – для учебных занятий и Дом Ученых – как интернат для студентов и учащихся школы. В Клуб швейников мы ходили заниматься специальностью к 5-6 часам утра, так как в 9 уже начинались уроки, вечером занимались во дворе Дома Ученых. В те годы в нашу школу попали замечательные, талантливые ребята из Одессы – скрипачи Михаил Вайман, Мирра Фурер, Анна Пелех, из Москвы – Иосиф Майстер (ученик А. Ямпольского). Очень многие ребята, эвакуированные из

других городов, вливались в нашу школу. Ее директором был Григорий Михайлович Бузе, замечательный человек и пианист, прекрасный организатор, правая рука директора консерватории П.А. Серебрякова.

В интернате все мальчишки жили в кинозале – 76 человек. Вспоминаю Зайцеву, заведующую интернатом, женщину сильную, решительную. Как она управлялась со всем огромным хозяйством! Моя мама работала там же кастеляншей. Зима в Ташкенте была ужасная – если снег, то страшная сырость. Обувь и одежда сразу становились мокрыми, а сушить негде. Пианист В. Маргулис пришел как-то в интернат с улицы и поставил ботинки в печку посушить, а они сгорели. По праздничным дням мы устраивали в интернате вечера с танцами.

В школе образовалась очень сильная группа скрипачей. Кроме тех, кого я уже упомянул, там были Виктор Либерман, Борис Гутников, Марк Комиссаров. Витя и Боря ходили за мной «хвостиком», так как я был немного старше и часто помогал им заниматься. Мы были очень дружны. Сейчас их уже нет в живых <...>

Люди не падали духом. Несмотря на то, что многие получали известия о гибели своих родных как в Ленинграде, так и на фронте, все верили в скорейшую победу.

В Консерватории был создан оркестр. Мы много выступали в госпиталях, на Салар ГЭС, давали открытые концерты в Ташкенте. Я сам много играл с различными оркестрами. В репертуаре были скрипичные концерты Мендельсона, Чайковского и других композиторов. Концертная жизнь была очень интересной и насыщенной, и то, что было много талантливых ребят, рождало дух соревнования. Каждый стремился как можно больше играть сольных концертов и в ансамблях.

Настоящим событием в Ташкенте стало исполнение Седьмой (Ленинградской) симфонии Д.Д. Шостаковича под

управлением Ильи Александровича Мусина. Было приглашено много высоких гостей. В основном, симфонию исполняли педагоги и студенты Консерватории, но пригласили и нас, школьников. Я сидел за последним пультом. Симфонию исполняли несколько раз.

Летом ездили в колхозы на сбор урожая, на хлопковые поля. Помню, что все время хотелось есть, главной пищей была затируха – мука, сваренная с водой. Очень мучила меня малярия, температура поднималась до 40 градусов.

Мы пробыли в Ташкенте 3 года. Перед отъездом в Ленинград была создана погрузочная бригада, в которой я работал. Мы грузили в вагоны консерваторские рояли, огромные, тяжелые ящики с вещами. Возвращались в Ленинград в теплушках, двигавшихся со скоростью «черепахи», я думаю, больше недели.

ПАВЛОВА НИНА ВИКТОРОВНА

старший преподаватель кафедры теории музыки,
преподавала в Консерватории с 1949 по 1979

Во время Великой Отечественной войны я, студентка 2 курса теоретического факультета, вместе с Консерваторией была в эвакуации в Ташкенте. Уже через неделю после приезда в Узбекистан нас послали на хлопковые поля собирать урожай. В день нужно было собрать 100 килограммов хлопка. Развернулось соревнование, кто больше и быстрее соберет норму. Работали без выходных дней.

Весь наш коллектив был разделен на две концертные бригады: комсомольско-молодежную и «Живгазета» (живая газета). Комсомольско-молодежная бригада обслуживала войсковые части, руководили ею Е. Флакс и А. Мерович.

Просветительскую работу среди местного населения поселков в Ташкентской области вела бригада «Живгазета». Я

была участницей этой бригады. Музыкальное руководство осуществлял Иван Яковлевич Полферов, режиссерами стали студенты отделения режиссуры Алексей Николаевич Киреев и Лиза Королева, в состав бригады входили студенты вокального факультета Оксана Дроздова, Виктор Морозов, студентка дирижерского факультета Елизавета Лазарева, композитор Николай Коган, из Оперной студии Консерватории Борис Федюкин, Евгений Быховский и др. Мы выступали перед местными жителями в перерывах между работой.

Программы наших концертов носили характер музыкально-политической сатиры: литературно-музыкальные и хореографические номера, скетчи, юмористические рассказы, частушки, танцы-хороводы, чечетка. Репертуар составлялся из миниатюр современных советских юмористов и поэтов, например, Иосифа Уткина, который тоже был эвакуирован в Ташкент. В выступлениях мы показывали, как бежал из России Наполеон в 1812 году, и проводили параллель с Гитлером. Музыкальный материал был основан на ярких образцах русской и зарубежной классики.

СОПИНА ВЕРА ГЕОРГИЕВНА

доцент кафедры сольного пения,
преподавала в Консерватории с 1960 по 1984

Я поступила в Ленинградскую консерваторию в 1941 году. Мой экзамен по специальности проходил 14 июня 1941 года в девятом классе. И поскольку я получила отличную оценку, то по правилам приема, как окончившая училище с отличием, сразу была принята в Консерваторию.

Приказ о зачислении вышел 19 июня, и я, радостная и счастливая, уехала в Сестрорецк. А в ночь на 22 июня началась война... Конечно, все вернулись в Ленинград.

Я поехала в училище на улице Некрасова. Там из учащихся уже формировались концертные бригады, в одну из которых я и была принята. Мы выступали на вокзалах, на призывных пунктах.

Облик города заметно менялся. Все перестраивали свою жизнь по законам военного времени. В Консерватории все еще сдавали экзамены абитуриенты, а фронт уже подступал к Ленинграду... Город готовился к отпору врагу, на ближних и дальних подступах рыли окопы – здесь работали и консерваторы.

В эти тяжелые дни нужно было думать о будущем. Руководство консерватории во главе с директором П.А. Серебряковым делало все, чтобы сохранить кадры для будущей мирной жизни. В ночь на 17 августа в 4 часа утра мне позвонили и сообщили, что Консерватория эвакуируется 22 августа. Сборы были недолгими.

По дороге перед нами встала вся реальность происходящего. Ночью во время стоянки у станции Мга мы по тревоге готовились покинуть вагоны, имея при себе только документы. Вскоре после того, как прошел наш эшелон, страшная бомбежка закрыла и этот путь связи с Ленинградом.

Мы, вновь принятые вокалисты, ехали в последнем, 42 вагоне эшелона. Это был товарный вагон с двухъярусными нарами. Мы разместились на верхних полках, внизу ехали родители студентов – по пять человек на каждой стороне вагона друг против друга. На непредвиденных остановках наш горнист – студент Анатолий Бадхен – оповещал нас сигналом, когда состав должен был тронуться.

Ташкент встретил нас в первых числах сентября. К нашему приезду был подготовлен Клуб швейников. Вокалисты в первые дни после приезда жили прямо на сцене, где был деревянный пол, и спали мы прямо на нем, чтобы не простудиться, так как в зале пол был каменный. Постепенно из Клу-

ба швейников все разъехались, кто в общежитие, организованное в Доме ученых, кто по квартирам. Семьи ташкентцев гостеприимно приняли эвакуированных.

Стараниями студентов Консерватории Клуб швейников начал превращаться в учебное заведение: мы сами делали перегородки, чтобы больше было классов для занятий, оборудовали учебные помещения.

П.А. Серебряков жил в Доме Ученых, там же, где и большинство студентов и учащихся школы. Это было очень важно! Многие вопросы решались с директором сразу же на месте. Эшелоны с эвакуированными прибывали из разных концов страны. Многие музыканты, приехавшие с ними, даже ночью стремились к Клубу швейников, где было организовано дежурство руководителей и студентов, чтобы прослушать и зачислить в Консерваторию вновь прибывших.

Первый год жизни в Ташкенте был очень суров. В сентябре мы уже выехали на сбор хлопка. Много работали в хозяйствах под Ташкентом, на Ферганском канале, кроме того, возделывали участок, отведенный Консерватории для подсобного хозяйства: рушили глиняные заборы (дуваны), возили тачки с глиной, носили деревянные ящики-носилки, спасались от скорпионов, которых было много в сухой глине. Вместе с нами всегда работал и П.А. Серебряков. Любое из этих дел не терпело промедления, и мы все делали сообща, чтобы скорее начать учебный год.

Учебный процесс был великолепно организован проректором по учебной работе Ароном Львовичем Островским.

Классы для самостоятельных занятий распределял студенческий актив. В зале и классах ночью занимались студенты фортепианного факультета и аспиранты, нам же для занятий по общему курсу фортепиано выдавался талон на один час в ночное время, иногда даже один раз в неделю, второй час мы уже занимались днем с педагогом по расписанию.

Вскоре после приезда я была вовлечена в шефскую работу Консерватории, которая развернулась в те годы. Были организованы «Комсомольская бригада», руководителем которой стал И.М. Теслер, и «Женская бригада», руководителями этой бригады были профессор С.Д. Масловская и студентка М.Д. Слуцкая. Я выступала в этой бригаде. С 1942 года начались наши постоянные выступления. Нам сшили одинаковые костюмы. Профессор С.Д. Масловская объединила отдельные номера «Женской бригады» в единую инсценировку. Мы много ездили, выступали в госпиталях, военных училищах, колхозах. Переезжали ночами, научились спать, стоя на перроне в ожидании поезда, встав в кружок и обхватив друг друга руками. Бытовые условия были тяжелыми. П.А. Серебряков, по возможности, старался поддержать студентов; вокалисты получали дополнительные суммы к стипендии из фонда И.В. Ершова, некоторым из нас были выделены именные стипендии.

В декабре 1943 года Консерватория отчитывалась в Москве о своей деятельности. К этому событию мы стали готовиться с начала учебного года. Отбор студентов для поездки был очень серьезный. Все студенты, в том числе и я, участвовали в концертах в зале Клуба швейников под названием «Смотр молодых исполнителей Ленинградской консерватории». Каждый играл или пел целое отделение концерта.

Смотр проходил в зале Московской консерватории. Нас слушали выдающиеся музыканты того времени А.В. Нежданова, Н.С. Голованов, А.Б. Гольденвейзер, П.Г. Лисициан и др. Со мной в Москве произошло непредвиденное: я не могла найти нужный трамвай, заблудилась и в результате чуть не опоздала на концерт. Когда я «влетела» в здание Консерватории, то услышала, что играет пианист, за которым шло мое выступление. Павел Алексеевич Серебряков был с нами за кулисами, напутствовал нас, оглядывал наши

нехитрые наряды. Увидев меня, он обрадовался, что я на месте, и тотчас, за кулисами, начал помогать мне переодеваться в концертное платье. Выступление прошло удачно. Счастливые, мы возвращались в Ташкент. В поезде мы справляли Новый 1944 год – год надежды на победу, год возвращения в Ленинград.

Наконец наступили долгожданные дни – мы начали готовиться к возвращению в Ленинград. 5 августа 1944 г. в Консерватории и 7 августа в Ташкентском театре Оперы и балета им. Я.М. Свердлова состоялись прощальные концерты. Программы концертов завершались «Маршем энтузиастов» И.О. Дунаевского, созвучным волнениям тех дней и ожиданию торжества полной Победы.

МУРИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

профессор, заведующая кафедрой специального фортепиано

В годы военного лихолетья, наша мама, Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина, дав с Ленинградской государственной Академической Капеллой, где она была художественным руководителем и единственным дирижером, около тысячи концертов перед воинами Красной Армии и тружениками тыла, фактически спасла старейший хор страны от гибели.

Мы с братом Сашей кочевали с артистами Капеллы. Жили в Кирове, Горьком, Москве. Видели руины Сталинграда, разрушенные храмы, города, голодных, но не сломленных русских людей. Певцы любили нас, а меня за пухлые, красные щеки звали, шутя – «Баба на чайнике».

Еще не умея читать и писать, мы бойко распевали сложные мелодии из кантат С.И. Танеева «Иду в неведомый мне путь» и С.С. Прокофьева «Вставайте, люди русские!..». Капеллане просили исполнить ту или иную хоровую партию, что

учила с ними мама. Наградой был сухарик, пряник, редко-редко конфета.

Именно тогда в нас была заложена генетическая любовь к музыке и стремление посвятить свою жизнь искусству.

В 1945 году друг семьи дирижер Е.А. Мравинский подарил нам книжку о животных с надписью «Маленьким музыкантам Саше и Катьке с пожеланием успехов в Музыкае». Его напутствие сбылось. Мы стали музыкантами.

Кудрявцева Елизавета Петровна (1914-2004) – первая в России женщина-дирижер профессионального хора, народная артистка России, профессор Петербургской консерватории, дирижер Ленинградской государственной Капеллы (1931-1961), Художественный руководитель Хора любителей пения Петербурга (1958-2004), Академик Петровской Академии науки и искусства, Почетный Академик Эстонской Академии музыки, Лауреат Премии мэра Петербурга.

До последнего часа своей жизни мама работала над книгой воспоминаний «Мой XX век». Хочу привести из ее книги несколько фрагментов о тех далеких, тревожных днях войны.

КУДРЯВЦЕВА-МУРИНА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА профессор кафедры хорового дирижирования

Получаю телеграмму из Москвы. В ней сказано, что в суматохе первого года войны Ленинградская Капелла вместо Новосибирска оказалась в Кирове и мне надлежит немедленно выехать к ней, так как другого дирижера у хора нет.

...Погрузила на попутную полуторку детей и нехитрый скарб. Ледяная Ладога встретила колючей поземкой...

Ехали ночью с потушенными фарами. Маленькая дочка заснула на руках, а сынишка сидел рядом, прижавшись к ка-

бине, чтобы не так дуло. Вдруг машина вылетела на полуразрушенный мост и рухнула вниз. Казалось, мы летим в бездну. Проснувшийся от резкого толчка сынишка дико закричал, а дочка, которую я крепко прижала к себе, продолжала, мирно посапывая, спать. Отделались ушибами и испугом. Водитель с трудом вырулил по льду машину на высокий берег...

Киров был переполнен эвакуированными. Помимо гражданского населения, многочисленные госпитали, больницы, лазареты, пункты переформирования воинских частей, эвакуированные заводы и фабрики.

Коллектив Капеллы разыскала в местном драматическом театре. В двух бывших курилках на кафельном полу, на чемоданах и узлах сидели артисты. Меня встретили градом слез мои дорогие друзья. Я телеграфировала о положении коллектива в Москву и, не дожидаясь ответа, начала репетиции. Занятия проводила в Доме Красной Армии, где нам отвели комнату, в которую в мирное время вмещалось 20-25 человек. Артисты жили в деревне в 15 километрах от Кирова, и на дорогу на каждую репетицию тратили много сил и времени.

Вскоре пришла телеграмма из Комитета по делам искусств из Москвы, в которой мне предлагалось по своему усмотрению отобрать 12 певцов без родственников и самой с семьей приехать во Фрунзе, где влиться в состав Государственного хора Союза ССР под управлением А.В. Свешникова.

Я этого сделать, естественно, не могла, оставить на голодную смерть товарищей, покинуть стариков-родителей, детей, – и ответила отказом. Еще через неделю получаю телеграмму из Комитета, где сообщалось, что, учитывая сложную военную обстановку, Капелла снимается с госдотации и переводится на хозрасчет.

Решаюсь пойти к первому секретарю Кировского Обкома ВКП (б) Федору Дмитриевичу Машкину. Бывший ленинградец внимательно выслушал нас, рассказал о тяжелом положе-

нии в районе, которым ему доверено руководить, и поставил вопрос, как говорится, ребром: хватит ли сил у Капеллы организовать работу так, чтобы песня подымала бойцов на бой, подымала раненых и полуживых?! Услышав положительный ответ, обещал помочь.

Вскоре артисты Капеллы и их семьи были прописаны в Кирове, размещены в квартирах, и без того переполненных эвакуированными. Для репетиции закрепили за нами комнату в Доме Офицеров и предоставили сцену для всего хора, который пополнил свои ряды за счет артистов, оказавшихся в Кирове, и насчитывал уже 67 певцов.

На первом концерте в Доме Красной армии, в двух отделениях, звучала русская, зарубежная классика, русские, украинские, белорусские, грузинские народные песни. Присутствовавшее на концерте городское, партийное и военное руководство тепло поблагодарило коллектив Капеллы и пожелало новых успехов.

В эти дни я разучила с хором патриотическую Кантату Степана Дегтярева, предшественника Михаила Глинки, «Минин и Пожарский». Музыка 150-летней давности звучала в суровые дни необычайно актуально.

Следующей работой Капеллы была музыкально-поэтическая композиция по кантате С.С. Прокофьева «Александр Невский» (чтец – Николай Кудрявцев, пианист – М. Брусиловский). Символично звучали в наших устах слова кантаты: «Вставайте, люди русские! За нашу Землю честную!».

Концерты проходили днем, поздно вечером и даже ночью. Лозунг – «Все для фронта, все для Победы!» – был и нашим лозунгом. Выступления проходили в госпиталях, лазаретах, воинских частях, на заводах, в клубах, красных уголках. Где не мог выступить весь коллектив, отправлялись бригады из нескольких артистов.

Часто мне самой доводилось выезжать в воинские части и разучивать с бойцами и командирами боевые и патриотические песни. Особенно запомнилась поездка под праздник в воинскую часть недалеко от Кирова. За несколько километров до части наша машина попала в кювет. Я, водитель и сопровождающий солдат оказались в ледяной воде. Выбрались на дорогу и пешком добирались до части. Видавшие виды командиры, увидев нас, обледенелых, замерзших, приказали выдать из медсанбата спирт и переодеть в теплое. Я растерла руки и ноги до боли спиртом, обмотала ноги теплыми солдатскими портянками, надела сухие, на несколько номеров больше, русские сапоги, и в таком необычном виде вышла к бойцам.

После спевки бойцы просили рассказать о Ленинграде. Я поведала им, что знала, а в ответ получила обещание-клятву освободить город от блокады.

Поздно ночью вернулась в Киров к своим ребятишкам, а на следующий день, как ни в чем не бывало, дирижировала Капеллой на концерте.

Или другой эпизод: начальник Ленинградской Военно-Морской медицинской Академии, перебазированной в Киров, А.И. Иванов просил лично разучить с курсантами-врачами патриотические песни. В помещении были построены слушатели Академии, и я с голоса (инструмента не было) разучила с ними песни.

Начальник Академии при всех поблагодарил меня и вручил две сладкие белые булочки для моих детей. В этом хлебе была искренняя благодарность. Позднее я узнала, что их выпекали специально для умирающих...

Помимо многочисленных концертов и выступлений в городе Кирове и области, Капелла выезжала в Слободское, Котлас и другие места.

В октябре 1942 года, оставив родных и малолетних детей в Кирове, Капелла выехала в многомесячную гастрольную поездку по городам республик Средней Азии: Ашхабад, Сталинабад, Ферганская долина, Ташкент, Фрунзе, Мары, Кушка, Чарджоу, Фергана, Самарканд, Кува-Сай и др. С оркестром Узбекской филармонии в Ташкенте Капелла исполнила 9-ю симфонию Бетховена и кантату «Александр Невский» Прокофьева. Дирижировал Илья Александрович Мусин.

Вот что писала после концерта газета «Туркменская искра»: «Капелла сохранила здоровое и ценное из старых традиций. Программа Капеллы художественно привлекательна и ценна. Капелла выступила не только как художественный организм, но и как пропагандист советской музыкальной культуры».

В Ташкенте состоялась теплая встреча с коллективом Ленинградской консерватории во главе с П.А. Серебряковым. Мы дали для консерваторцев концерт хоровой музыки. Мои друзья и товарищи – профессора И.В. Ершов, С.И. Савшинский, А.А. Егоров и другие – были растроганы нашим исполнением до слез.

После городов среднеазиатских республик мы проехали в Новосибирск и 25 марта 1943 г. с оркестром Ленинградской филармонии под управлением Евгения Александровича Мравинского с успехом исполнили для новосибирских слушателей 9-ю симфонию Бетховена и «Александра Невского» Прокофьева. Вступительное слово к концерту сказал Иван Иванович Соллертинский. Это было одно из последних его выступлений. Место этого проповедника и сегодня свободно и ждет своего преемника. Сольный концерт Капеллы состоялся в Оперном театре Новосибирска. Как сейчас помню огромную сцену. В середине стройными рядами стояла Капелла. В зале много слушателей. В нишах-ложах белели какие-то громоздкие скульптуры, как оказалось, это были эвакуированные из

Ленинграда и Москвы выдающиеся произведения искусства. Путь по сцене из-за кулис к хору мне казался необычайно долгим. Вышла, оглядела артистов, дала тон – и в зал полетели звуки «Восхода Солнца» Танеева, «Венецианской ночи» Глинки. Музыка заполнила огромный холодный зал теплом и особым торжеством.

По возвращении в Киров я получила из Комитета по делам искусств предложение приготовить для исполнения на концертах, посвященных 50-летию со дня смерти П.И. Чайковского, в Москве грандиозное произведение великого композитора – «Литургию» для хора без сопровождения. Перспектива попасть в Москву и улучшить положение коллектива, утвердить его значение в музыкальном мире сыграла свою роль и, несмотря на тяжелые условия, музыка Чайковского вскоре была выучена.

10 июля 1943 г. Капелла приехала из Кирова в Горький, где в это время был на гастролях Государственный хор Союза ССР. Я рискнула показать произведение Чайковского А.В. Свешникову и партийному руководству города. Работа была высоко оценена. Коллектив получил машину картошки и literные карточки.

Помимо Горького, Капелла выступала в Сормово, Городце, Арзамасе, Муроме, Богородске, Чебоксарах. Памятны ночные концерты на Горьковском автозаводе. Этот гигант был важной мишенью для фашистских воздушных стервятников. Несмотря на заградительный огонь, некоторые из них все же прорывались к заводу. Это создавало нервный настрой в цехах, работающих круглосуточно. Вот для поднятия духа рабочих руководство города и завода стало проводить ночные концерты Капеллы непосредственно в работающих цехах.

В первые дни нового 1944 года хор Капеллы с семьями приехал в Москву. Разместились в Марьиной Роще.

Из московских впечатлений особенно запомнились подготовка авторского концерта Сергея Сергеевича Прокофьева. Автор слышал от меня и от других музыкантов о той роли, которую играл его «Александр Невский» в наших концертах, об успешных исполнениях кантаты целиком в Ташкенте и Новосибирске, и попросил меня разучить к авторскому вечеру кантату «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» на стихи П. Антокольского. Для корректуры исполнительских премудростей кантат дважды приезжала к Прокофьеву домой. Помню угловатую фигуру Сергея Сергеевича и его супругу Миру Александровну. За чаем обсудили предстоящие репетиции.

На первой хоровой репетиции Прокофьев сел за рояль, и я продирижировала всю кантату «Александр Невский». Игра Сергея Сергеевича была необычайно цепкой, колкой, чувствовалась какая-то внутренняя человеческая боль, которая передавалась в музыке. Он высекал звуки из инструмента, как солдат из огнива огонь. Отзвучали последние такты. Большая пауза. Затем овации автору. Прокофьев вежливо предложил обменяться ролями. Встал за пульт, сделал хору ряд замечаний и своими неуклюжими, как казалось, движениями, повел в бой «музыкальные полки». Концерт под его управлением прошел с большим успехом.

Вспоминаю московские встречи с Юрием Александровичем Шапориным. Массивный, грамотнейший, культурнейший музыкант, он был очень медлительным, очень долго писал свои произведения, о чем ходило много забавных историй. Шапорин был объектом эпиграмм, дружеских шаржей. Но если быть точным, у него просто не хватало времени записать то, что у него гнездилось в голове.

Композитор преподавал в консерватории, председательствовал на многочисленных собраниях, семинарах, митингах, форумах, комиссиях – на творчество фактически не оставалось времени.

Зная это, Александр Васильевич Гаук усадил Шапорина в один из вечеров за рояль и заставил его сыграть всю ораторию «Сказание о битве за Русскую Землю». А там, где композитор не успел написать куски, рассказать замысел и даже показать на инструменте ненаписанные страницы, как импровизации. Две встречи с композитором дали полную картину грандиозного замысла. Получив готовые фрагменты, я разучивала их с Капеллой.

25 марта 1944 г. состоялась премьера оратории. Она звучала как музыкальная прелюдия к нашим победам в 1944 году, и вызвала значительный энтузиазм слушателей, среди которых было много военных. Мой дорогой старший друг и учитель А.В. Гаук провел ораторию с присущей ему академической стройностью и возвышенностью, как бы сразу поставив ее в ранг классических произведений советской музыки.

С начала лета 1944 года нашим «домом» стал красавец-теплоход «Михаил Калинин», на котором Капелла проехала от Химок до Астрахани. В этой поездке Капелла дала 85 концертов в городах Поволжья.

Символичным был концерт в Сталинграде на Центральной площади (ныне площадь Героев), на руинах Центрального универмага, где за год до этого был пленен фашистский фельдмаршал Паулюс со штабом. Площадь, полная народа, рукоплескала певцам ленинградской Капеллы. Сердце было полно радости.

24 октября 1944 г. артисты Капеллы вышли на перрон Московского вокзала в Ленинграде. Мы вернулись! Выжили! Выстояли! Позади разлука с любимым городом. До победного мая оставалось немногим более полугода.

И приходят снова и снова на память слова, сказанные о Капелле в «Кировской правде» среди тревожных сводок с фронтов: «Мастерство Капеллы восхищает. В нем слились и лучшие традиции русской хоровой культуры прошлого, и бо-

гатства народного песенного творчества, и достижения советской музыки. Разве можно ввергнуть в рабство народ, бережно хранящий лучшие завоевания своей и мировой культуры, творящий новую культуру? Не бывать тому!».

ЛЕВ ГУРЬЕВИЧ КОМИССАРОВ

Старым друзьям «подлесенцам» посвящается

«Тот, кто провел свое детство в деревне,
тот навсегда оградил свою душу от иссыхания»
Леонардо да Винчи

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Когда ностальгия мучительно манит –
Тогда из тисков городских этажей
Помчаться в дорогу неистово тянет
К бесценным источникам жизни своей.
Чтоб вспомнить друзей, босоное детство –
Раздольные годы в ребячьем раю
И с прожитым прошлым, данным
сердцу в наследство,
Опять пообщаться в родимом краю.

1. БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

Ах, запах родины в травах – целебный подарок
Всю душу мою он согрел и встряхнул:
Как-будто промчался я мимо мазарок¹
И воздух живительный снова вдохнул!
Я вспомнил свое босоное детство,
Довоенные годы – л благодать, как в «раю»!
И счастье тех дней, получивших в наследство
Волнения, радость и ... шалость мою!
Тогда пропадали из дома надолго:

¹ Мазарки – деревенское кладбище.

На речке, в полях и в лесу на горе.
Другого не ведали большего долга
Чем преданность дружбе в шабровом¹ дворе!
Беспечное время летело в забавах,
Придуманных нами..., в шутках незлых,
И в играх со змеем, в побегах-облавах,
В походах с лукошком в чащобах лесных –
Природа кормила нас щедро: «дикаркой»,
Кислянку в поле, кукушкой в лесу.
Медовую *шкердой* порою нежаркой,
«Утовкой», борщовкой, стряхнувших росу.
До пота гонялись с помятой фуражкой
За юркой кобылкой, за майским жуком...
Пьянели: душицей, от запаха каши
У ручья возле птах и стрекоз с мотыльком.
Затем подбегали в воде родниковой
И жажду свою не могли утолить
До боли в зубах, среди красы васильковой.
До дрожи..., стараясь ни капли пролить!
И снова бродили в лесу по провалам,
Где в скалах искали мы гнезда совы...
Все было: удалый набег по бахчам, по подвалам
И ягодный сбор среди сочной травы!
До голеней ноги изодраны (в цыпках):
О камни, *чилижник*, крапиву, кусты...
Мы жизнь свою познавали в ошибках –
И были смекалкой ума... не пусты!
Зимою – от леса с горы по большаку мы мчались:
В санях парни, в «ледушках» – гурьбой малыши...
По звонкому льду пробегали..., катались,
На брошенной старице жгли камыши.
Где плотина была у развалин завода,
Приютские дети резвились, дрались:

¹ Шабёр – сосед

Свист, гам и содом – снует уйма народа,
Взять снежную крепость ватаги сошлись.
В страду помогать нас колхозники звали
Скорее созревший убрать урожай...
Я помню: мы в детстве безделья не знали
И, как сладок был наш трудовой каравай!
Была та картина до чертиков мила –
Здесь наша земля, сама Родина-мать...
И жизнь в округе кипела, бурлила,
Казалось, нет силы ее поломать!
Но детство босое нежданно пропало –
Мы враз повзрослели: Костлюха-война
Суровой судьбиной для каждого стала,
Безжалостно нас разметала... она.

2. ВЕШНИЕ ВОДЫ.

Да, годы лихие: война и последствие бремя
Тяжелою глыбой легло на село...
Обескровив, все ж сдюжили мы..
Теперь смутное время
Разруху и хлябь в нашу быль привела.
Сегодня родное здесь вижу: мазарки,
Избушки вдоль речки, поля да леса...
Но нет уж знакомых, ни вётел... Спешу я в запарке
По уличной грязи – в слезах небеса...
И вот я с горы – моих дум космодрома –
Смотрю на село, на реку – к ней дорожку мою,
Где былое вокруг у пепелища дедова дома
Вроде вновь вижу – не все узнаю.
У лысой скалы крутолобой Детдома
Вижу все тот, с детства милый простор:
Вон наш косогор, та же тропка знакома –
И дух перехвачен и в спазмах затор!
Опустевший Детдом – барский дом прихотливый –

3. ОБЕЛИСК

Стою в тяжком раздумье... Туманом умытые

Вдруг выплывут все сто избенок, дворы...

И лица сельчан «уж давно позабытые»,

Две школы¹ начальных с толпой детворы.

Теперь вместо них лишь сады сиротеют...

В ограде под алой звездой стоит обелиск:

Кто в списке стальном – их ряды не редуют,

Шагнувших к бессмертью в боях, через риск!

Память сердца жива, пока живы мы, други,

И место в ней есть для ушедших, живых –

Тут братья, отцы, как на жертвенном круге

Событий минувших, бурных дней грозových.

Но знаю и верю, что к нам возвратится

Труд вдохновенный, как яркость Стожар,

А жуткое, горькое не повторится,

Не вспыхнет вселенского ада пожар!

В свой каждый приезд я иду к обелиску –

К подножью цветы преклонено «ложу»

На темные литеры скорбного списка

С сухою слезою, с волнением гляжу.

И хочу я сказать уцелевшим солдатам:

На время забыв про хворобу свою,

Нам надо друзья, не по памятным датам,

А чаще встречаться в любимом краю,

Чтоб низко священной земле поклониться

И тяжкое время нам вновь пережить,

Чтоб знобкой водой ключевой напиться

И верность к Отчизне на век наш испить...

¹ Две школы – дом кулака (1-2 классы) и старая школа (3-4 классы)

4. ЭПИЛОГ

Когда еще снова из детских «завалов»
Ты вспомнишь, увидишь..., окропишь красу?
Когда еще встретишь в заросших провалах
«Бобы» и опята..., бегущей лису?

Когда по траве здесь пройдешь босоного,
Нашу горку по тропам излазишь ты всю?!
На Страшное озеро взглянешь немного,
На Почтовый овраг, на болота..., Бальсю?

Когда ты вновь к реченьке милой вернешься,
Где скорбные ивы склонились к воде
И с сучьев нависших – бултых – окунешься
В омут голавлей..., как в жар при страде?

Но надо, друзья, нам к такому стремиться
(Где свидимся, может, последние дни...):
Забавами детства опять насладиться –
Ведь после войны... мы остались одни.

Затем разбредемся усталые «гости»
По хатам последним, по очагам...
Кто знает теперь, где наши погосты
Луна убаюкает... по вечерам?

Ноябрь 1967 г.

Ленинград.

ОБЕЛИСК ТРУЖЕНИКАМ ТЫЛА

Для Победы фашизма в суровые годы
В советском надежном тылу
Ковалось оружие в заводах,
Рожалось питание в колхозном току.

Мы воинам кровь отдавали,
Последнюю шерсть и зерно
И впроголодь жили, пахали
Солдаты резерва давно.

Наградой за подвиги тыла –

Медаль лишь «За доблестный труд»...
Да похвальная речь вождя Сталина была¹...
(Доверие к нам – вам почет воздадут!)
Мы стойко в войну потрудились:
На износ каждый делал, что мог –
В страданиях с болезнями бились,
А падали в гроб только с ног.
Теперь молча о том «забываем»
Где ж труженику тыла стоит «Обелиск»?
И в памяти школ умираем
Без права... на исторический иск.
О, как бы хотелось добраться
До места, где жили в войну,
Чтоб у могил запустелых собраться
На последнюю тризну свою.

ВОСПОМИНАНИЯ

О работе в колхозе «Активист» Стерлитамакского района
Башкирской АССР в 1943-1945 гг. Изданы в районной газете
«Сельская новь» № 2 от 06.01.1994 г.

ИЗБУШКА

Посвящено послевоенной деревне

Домик ты мой старый с крышей обветшалой
Замер у оврага со стеною впалой,
Только лишь ограда да высокий тополь
С выправкой бывалой смотрятся далеко.
И дымок, как прежде, из трубы знакомой
В горле защекочет, горечью влекомый.
Где клонятся ворота с дранкою внакидку,
Узнаю родную милую калитку.

¹ Послевоенная речь Сталина «За здоровье русского народа»

Вся ты раскачалась, изнасилась в петлях.
Скрипом изнашиваешь в заунывных песнях...
И со скорбью смотрит на тебя старуха,
Дожидаясь, нет ли весточки от внука.

Всё там прохудилось, всё пришло в упадок:
– «Что ж это случилось? Почему проруха?»
– «Мочи нет, мой сладок, от того разруха...

Приустали ноги, рученьки как плети,
Коровенки нету... Опустели клетки...

Я одна осталась под родною крышей...»

– «Где ж хозяин, дети?». – «На войне погибши...»

Дороги на век мой, дедов дом с калиткой,
Садик загустелый с черемшиной гибкой –
Здесь листались годы голубого детства,
Связанные с дружбой доброго соседства.

Здесь войну я встретил – с голодухой, с горем:
Видел и страданья и святых слёз море...

Лишь боли притуплялись в *будносах* «забвенья»:

В поле, дома, в школе – в волшебстве ученья.

Помнишь, как таскал ты, отрок, неокрепший,
Сено и валежник, на спине отекшей.

Скирдовал хлеба ты, жал на «лобогрейке»,¹

Мечтал, как о чуде: самоскидке-жнейке.

И пахать землю ты имел сноровье:

Семь по сорок соток на одной корове,

Но ее, жалея, в плуг впрягались... бабы...

Эх бы,

счастье вдове мне посеять как бы...!

Торопясь влюблялись... и в село большое,
Где учились в школе, мы под волчьим воем
Не гурьбой, вдвоем лишь с другом-заводилой
Через лес, овраги убегали... к милой.

Из объятий терпких – в поле с ранней зорькой

¹ Лобогрейка – жатка для ручного сбрасывания

ПИСЬМА ВОЕННЫХ ЛЕТ¹

ПИСЬМА

**Бориса Владимировича АСАФЬЕВА
Анатолию Никодимовичу ДМИТРИЕВУ
сентябрь 1941–июнь 1943**

*Действующая Кр.(асная) Армия
678 полевая почта 13/ ч 1066
Санитарная рота
Анатолию Никодимовичу Дмитриеву*

7. IX. 1941.

Дорогой Толя!

За письмо нежно благодарю. Спасибо, что вспомнил. Задержал ответ, думал, что мы узнаем что-либо о Тане². Звонили и на квартиру твою. Чей-то голос поведал, что вестей нет и не было. Мы даже не знали, как и когда и куда она уехала. Она нам не позвонила. Уехали они с Лидой Мамуна³, но и та перед отъездом не позвонила, и писем от нее нет ни нам, ни на их квартиру. Таким образом, мы с Ир.(иной) Ст.(епановной)⁴ порадовать тебя не можем, хотя и хотели бы. Письму твоему – замечательному – мы очень обрадовались. Сами мы все прихварываем весьма и весьма. Мой склероз очень усилился, а у Ир. Ст процесс одеревенения коленей становится все несноснее и несноснее. О Муз.(ыкальной) жизни писать нечего. Бывает у меня Шостакович, Каменский. Вспоминаем тебя. Музыка не сочиняется. Да мне сейчас

¹ Все письма публикуются впервые. В письмах сохраняется авторская стилистика и пунктуация.

² Жена А.Н. Дмитриева Татьяна Павловна.

³ Жена преподавателя Консерватории Н.В. Мамуны.

⁴ Жена Б.В. Асафьева, Ирина Степановна.

и вредно работать. Доктор велел категорически перейти на «старческий режим». Живем совсем тихонько. Будем стараться добыть вести о Тане. Если узнаем, где она, пошлем твой адрес. Целуем тебя. Пиши хоть несколько слов. Могу сообщить тебе адрес Н.В. Мамуны, от которого было письмо: Действ[ующая] Красная Армия. Полевая почтовая станция № 612, почт. ящик 84. Н.В. Мамуне. Он тоже ищет, где его супруга, а мы тоже не можем ему сообщить. Всего всего доброго тебе.

Б. Асафьев

PS. Советую тебе написать в Лен. Союз Композиторов, может они поищут Таню, ... им известны адреса детских колоний: я уже говорил В.М. Богданову-Березовскому, он теперь ответственный Секретарь Союза. Но следует и тебе написать ему. <...> Ленинград, Расстанная д, 2/13, кв.27. Если он ко мне зайдет, я ему скажу твой адрес.

№ 2/ 13 это буква В.

Дорогой Толя!

Все твои три открытки получил сегодня 12.IX. Очень взволнован – радостно – твоими приветливыми словами. Мы все трое в Ленинграде, но по вечерам находимся в Консерватории. Пока здоровы, т.е. вернее больны нашими обычными «хворями». Спасибо за мужественные утешения. От тебя кто-то передавал приветы по тел., но, к сожалению, повидаться не пришлось: никто из нас ходить не может! Я счастлив, что о моей композиторской работе знают в Кр. Армии. Пламенный сердечный привет шлю твоим товарищам бойцам. Скажи, мы все, верные ленинградцы, никогда не сомневались и не сомневаемся в победе и в непреодолимом мужестве защитников города Ленина и Кирова. Целуем тебя, обнимаем, желаем удачи и счастья, здоровья и душевных сил. Верю, что письмо это найдет тебя. Но надеюсь, что еще

свидимся и поработаем. Еще раз спасибо за радость – за хорошие письма. Ир. и Зоя Ст¹ сердечно кланяются. Всего всего доброго. Твой Б. Асафьев.

Дорогой друг, Толя! Вчера, 21.IX. пришли от тебя письмо большое и открытка от 18.IX. Рады письмам, рады, что ты здоров, рады, что наконец-то ты получил письмо от Тани. Но советовать ей ехать в Саратов – боюсь. Как теперь давать советы? Ей на месте виднее. Я понимаю, что она боится потерять самостоятельность. А кроме того, сельские места, по-моему, теперь солиднее. Когда вчера пришло письмо твое, у меня в консерваторском классе, где мы живем, были Шостакович и Оссовский: оба шлют тебе сердечный привет. Твой знакомый к нам не заходил, хотя в квартире нашей всегда народ: нам бы сюда сообщили. Твои письма такие содержательные, такие сердечно полноценные, и отвечать на них отсюда даже стыдно. Ну, что ж, мой ленинградский патриотизм, мое мужество – прежние. Но стар я, сердце плохое, утомляемость ужасная, Ир. Ст. почти без ног – и вот мы бесполезны! Сознание этого давит. Кроме того, все же нервы суть нервы, а они истрепаны. Словом, грустно несмотря на [не разб.] надежды и веру. Сочинять музыку иногда хочется до боли, но при частых перерывах это невозможно: теряешь нить! Вот Шостакович, молодец, как-то ухитряется. А я восстанавливаю забытую латынь, – пока занимаюсь средневековой латынью, – и немного вспоминаю греческий. Это помогает справляться с нервами. Вообще Разум – начало, принцип и субстанция великие, но, в сущности, тоже трагические при всем своем величии <...> Кто меня поражает своей профессиональной невозмутимостью, это консерваторские музыканты. Забавные они и счастливицы в

¹ Сестра жены Б.Асафьева Зоя Степановна

своем роде. Интересно наблюдать за ними. Но как они зато совсем не похожи на тебя. Все-таки музыка и музыкальное обитает в дарованиях, в чутких душах, а не в консерваториях [не разб.]. А в интонационном существе музыки, кажется, никто ничего и не чуёт. Писал ли я тебе, что еще в начале июля закончил инструментовку азерб. оперы, но партитуру отправить не удалось. <...> Спасибо за ласку и за дружбу. Будь здоров. Пиши. Очень радостно получать твои письма. Твой Б. Асафьев.

Дорогой Толя, твоё восхитительное, полное радости письмо, получили вчера, 21 декабря. Сегодня – 22.XII, по моему, день великого народного праздника: солнцеворот. Солнце пошло на весну, и все будет хорошо. Всецело делим с тобой радость и восхищаемся русской сметкой. Письма тебе ишем все время, но они тебя не догоняют. Еще раз сообщаем тебе Танин адрес: Саратов, Центр, Проспект Кирова д.24, кв.2. Т.П. Дмитриева.

Как хочется дожить до изгнания немца, так хочется вместе со всеми порадоваться. Сил у меня стало мало, а работаю я нещадно: что делать, не могу не работать! Я сделал больше, чем все композиторы и музыковеды за полгода войны. Оказывается, делал только Дмитрий Дмитриевич¹. Обо мне опять гнетущее молчание, опять непризнание. Я знаю, что люди, настоящие люди из массы, дорогие массы слушателей и читателей любят и ценят музыку мою и книги. Но как себя, свое творчество до них донести? В музыкознании – Роман Ильич²: первый том его книги вышел из печати, второй печатается под его собственным наблюдением. Судьба же моей рукописи работы о Глинке так и неизвестна! Кончил книгу (2 часть «Музыкальной» формы): обоснованная муз. интона-

¹ Д.Д. Шостакович

² Р.И. Грубер, музыковед, профессор Консерватории.

*ция. Десять лет не выходило у меня и вдруг теперь вышло. Конечно, для меня большая радость, что теперь эта основная моя работа записана (правда, карандашом, но всё же до победы не сотрется). Целую тебя. Наши тебя приветствуют. Спасибо за все письма, а за последнее особенно. Твой Б. Асафьев.
22.XII.1941.*

1942

14. III.1942

Дорогой Толя!

Твои письма очень ценю. Последнее получил от 14.II. Рад, что получаешь вести от Тани. Мы от нее тоже имеем письма. Я тебе писал в феврале раза три, сообщал и программу симфонии «Времена года»: двигается она туго не потому, что я ленюсь, а во 1) многое отвлекает, а во 2) я только что кончил свою вторую работу о Глинке (рукопись первой, как оказалось, потеряна). Эта вторая работа называется «Творческий метод Глинки на основе интонационного анализа «Руслана и Людмилы». Получились выводы прелюбопытные, особенно полезные для создания на них принципов русской школы композиторского мастерства. Знаменитая «функциональная гармония», по-моему, тупая немецкая отвлеченность, совсем непригодная для русской музыки. Воображаю, как меня за эту книгу будут жрать наши доморощенные «функционалисты», но за меня Глинка и наше народное творчество. Вот теперь может, примусь и за «Времена года». Только это будет не пятая, а четвертая моя симфония. Ту, которую «барахлили» на Радио, я давно не то потерял, не то уничтожил, а теперь восстановил ее в несколько измененном виде как Приветственную симфониетту ко дню 24-летия Красной Армии. Осталось инструментовать забористое скерцо. Играть симфониетту, конечно, не будут. О ней даже не упомянули. <...>

Итак, симфонии мои располагаются следующим образом:

Первая (Памяти Лермонтова) 1938 и 1940 г.г. – существует и в эскизе, и в партитуре, и в клавире (в 2 руки)

Вторая (о народных крестьянских восстаниях) 1938-1939. Рукопись партитуры потеряна. Эскизы целы. Материалом служили балеты «Иван Болотников» и «Степан Разин». Пока нет сил восстановить.

Третья: Родина (памяти 1812 года). Судьба ее сложная. В 1932 г. Самуил Абрамович «сорвал» сочинение моей оперы 1812 год по фрагментам трагедии Грибоедова. Эскизы (часть) попала в 1938 году в эту симфонию. Но сейчас, т.е. летом, коренным образом все пересочинил и получилась хорошая симфония в четырех частях: I. Борьба. II. На бивуаке. III. В родных стенах. IV. Победа. Доинструментировать не пришлось по не зависящим от меня обстоятельствам!

Четвертая «Времена года» – работается: вот первая тема («Мороз-воевода»). Кроме того, написано за зиму много пьес для фортепиано, для виолончели, хоры («Русские канты» памяти Кастальского), романсы, песни, марш. Сыграв из всего этого один орис как следует, а два кое-как по нотам, Александр Данилович¹ заважничал так, будто он, а не я сочинил все это! Поэтому ищу пианиста. Тем в голове бездна, но, право, не ленюсь, а не поспеваю. Книгу о Глинке я писал по 14-15 часов в сутки! Сейчас это трудно. О Консерватории ничего сообщить тебе не могу. Никуда не хожу, да и там никого нет. <...> Твой Б. Асафьев.

Дорогой Толинька! (Именно II)

Спасибо за память, за добрые чувства. Привет от Ирины и Зои Степановны. Мы очень постарели, поослабли, но духом бодры и не сдаемся. Работаю я также много и интен-

¹ А.Д. Каменский.

сивно, как в дни гражданской войны. Мысль искрится. Пишу так, как когда-то писал свои лучшие работы. Музыка бросил: <...> и откликаюсь только на зовы с фронта. Поэтому пришли тексты, хоть самые самодеятельные, лишь бы пламенные, искренние для песен – сольных и хоровых, укажи степень трудности, состав, диапазон, тональности – все сделаю в точности и быстро. Здесь текстов нет или есть да только словесные упражнения: на них музыка не пишется. Старых хоров у меня нет: если ты думаешь про лермонтовские, то куда они делись – не знаю. Пушкинские же ведь трудны; да и не того содержания. «Минин» застрял на Радио. Там же и хоры июльско-августовские прошлого года. Все мое, что было в Музгизе – пропало. Посылаю тебе новый вчера написанный после встречи с твоими посланниками хор «Два великана». Оцени голосоведение. Тональность можешь менять. Если этот пробный хор окажется подходящим – я буду от него отправляться в дальнейшем. Если труден – буду искать стиль еще обобщеннее и пластичнее. Хор из «Минина» попробуй вспомнить и сделать для теноров и басов. Вообще передай мой глубокий низкий поклон и товарищеский привет дорогим фронтовикам – всем, кому мое имя что-то говорит. Умоляю, не теряйте связи со мной. Я всегда готов откликнуться, чем могу, пока еще силы есть, хоть и не те. <...> Кроме того, иногда совсем слабеем. Апрель-май была больна (сильнейшая цинга!) Ирина Степановна. Помощи никакой: я совсем потерял голову. Ты понимаешь, что для меня значила бы ее потеря, а дело шло к тому. <...> Я воскресил в себе мыслителя и думаю доказать, что в самые трудные времена мысль в Сов. Союзе искрится светло и ярко. Я задумал до 7 ноября создать цикл (12) мыслей и дум о музыке. Сделал их семь, пишу восьмую, а в голове уже обдумана девятая. Начиная с декабря вот они: 1 Основы музыкальных интонаций (вторая часть формы) 12 печ. листов.

2 *Моя жизнь (не мемуары, а как сложился во мне музыкант, как я воспитал свой слух, как я сочиняю) тоже листов 10-12.*

3 *Интонационный анализ оперы «Руслан и Людмила» и творческий метод Глинки (это вторая книга о Глинке, судьба первой тебе известна). Ведь в конце этого года сто лет со дня премьеры «Руслана»!*

4 *Интонационный анализ лирических сцен Чайковского «Евгений Онегин» (К этой работе будут присоединены «Иоланта» и «Щелкунчик», если останусь жив и уцелеет мой кабинет-библиотека).*

5 *Русская живопись (мои встречи с Репиным и т.д., впечатления, анализ, мысли etc.) 10 печ. листов.*

6 *Муз. образы в Русской поэзии (Пушкин, Лермонтов, Фет, Блок, etc.). Это ряд очерков.*

7 *Григ и народная музыка – работа о нем совсем новая, большая, посвященная норвежскому героич. народу.*

8 *Чешское муз. возрождение – ряд очерков о чешских совр. композиторах «кануна» фашистского порабощения. Работа посвящена чешскому народу. Над ней и тружусь сейчас.*

9. *Девятая работа, которую надеюсь записать еще в июле, будет сжатой до предела <...> совсем без лишних слов: Советская музыка и муз. культура, ее общечеловеческий смысл, принципы и обоснование.*

О последующих трех пока умолчу, но в них входят: Обоснование русской гармонии (на основании хоров одного гениального русского музыканта). Вот тебе мой полный отчет. А то мои семь отчетов Комитету по делам искусств «потеряны» никуда и никому не попали!.. Рукописи мои в одном экземпляре (переписаны только две работы), и кто знает, какова будет их судьба. Так вот хоть ты знай, что я сделал, и какие работы были созданы в Ленинграде с декабря 1941 по июль

(включительно) 1942. NB! Да, Григ ведь тоже имеет дату: в 1843 – сто лет со дня его рождения.

Задумал еще кое-что сверх цикла, но не стоит пока загадывать. Это кое-что – пьеса о музыканте и его гибели. Первый и последний акты целиком в голове, а вот второй и третий (а м.б. только третий, ибо вся пьеса это: I. Вступление в жизнь. II. Жизнь и борьба за творчество. III. Смерть (гибель) пока не складываются. Словом, отнюдь не опера! <...> Живем мы давно уже на Площади Труда, т.е. в своем углу. Собрал я все для меня дорогое из темных и сырых комнат в одну пока светлую и упорно днями и ночами работаю. Живем же мы, собственно, в кухне. Топим плиту клавирами, старыми нотами, журналами и книгами мало нужными. О будущем не загадываем, а в победу верим неколебимо. Вот и все. Письма твои приходят, я же отчаялся в своих письмах и последние месяцы никому, никуда, ничего о себе не пишу. Получил огромное письмо – недавно – из Ташкента от С.Н. Богоявленского. Он просится назад в Ленинград и тут же извещает как самое достоверное и проверенное о тебе: что ты был ранен (значит будешь здоров!!) и теперь эвакуирован в Сибирь!!?? Так сочиняется история. <...> Не знаю, разрешишь ли мой почерк. Я большей частью полеживаю и потому пишу карандашом. Уж прости. Иначе трудно. Но пишу тебе с радостью как исповедь, как дневник одного из старых «донкихотов»: Целую тебя, вернее, целуем все трое. От Тани недавно было письмо. Ей ведь тоже не сладко.

<...>

Шлю тебе песни об Архангельске, песни о Ленине, Сталинскую кантату, Пушкинские хоры – из напечатанного. Мои ноты (Хоры, песни, сборники Дунаевского, Гольца – умер! – и др.) у меня поразобрали за зиму. Ничего не осталось!.. Но, скажи, у себя там – я буду доставать, что смогу, и сам готов сочинять. Только сообщи точно, для кого и что (тек-

сты). М.б. ты на память сумеешь записать песню Ямщика из «Казначейши»? (Я слов не помню) и приладить ее для хора...

Поймешь мой почерк?

Кроме того, посылаю тебе три новых моих хора написанных вчера и сегодня (4-го VII) тебе на память! Копию снять не успел. Ну, пропадут – значит судьба. Но я верю, что сохранятся у тебя. Хоры из русской классики – два лирических <...>. Когда еще придут от тебя за нотами, постараюсь сыскать Хоры из «Минина»: Да ты их сам помнишь наилучше лучше меня и, вероятно, можешь приспособить для хора без сопровождения. Ура! Восстановил хор ополчения из Минина: Присоединяю. А за хор из второй, кремлевской, картины пеняй на себя. Ты сам взял у меня клавир, и у меня клавир – неполный – Прости только за ужасный почерк, иначе не могу!

Твой Б. Асафьев

Ленинград. 4.VII 1942.

PS. Ура еще! Успел сделать 4-ый хор давно задуманный: Нелюдимо наше море.

Итак, кончаю сюиту до мажором, яркая и полная надежд!! Всего доброго. Б.А.

18.VII. 1942. Сегодня пришло твое исключительно для меня ценное воодушевленное письмо. Оркестровка твоя вполне меня удовлетворяет. Что ты извиняешься? Ведь я же знаю, какой ты чуткий музыкант. Прошу тебя, делай с моими произведениями все транскрипции, какие необходимы. Ведь я же не могу на расстоянии сообразить ваши составы и исполнительские возможности. Ты же единственный человек, так свободно владеющий моей музыкой, как никто. Поэтому впредь не извиняйся и практикуй как надо и что надо. Я буду благодарен и буду счастлив, как и сейчас, что мою музыку исполняют в самом дорогом для меня окружении и что

она пригодна, что она завоевала это святое право. Целую тебя. Привет – пламенный исполнителям.

Б. Асафьев.

19.VIII. 1942 Дорогой Толя!

<...> письмо твое – это радостный дар ни с чем несравнимый. Спасибо от всего сердца тебе, спасибо дорогим товарищам, так сердечно отозвавшимся на мою музыку. Целую тебя крепко, крепко. Вы все меня подняли, воодушевили, и знать, что у вас там звучат мои хоры, мои арии, что музыка моя и я дожили до такой работы – это высшая, ни с чем несравнимая поддержка. Передай окружающим тебя, что я счастлив, и что я жду с нетерпением текстов, текстов и текстов, хотя и хвораю последнее время.

Обнимаю тебя. Б.Асафьев.

19.VIII. 42. Твое вчерашнее письмо меня воскресило, милый Толя, и меня и Ир. и Зою Ст., которые, видя как я слабею, тоже стали кукситься! Целую Тебя бесконечно и обнимаю дорогих товарищей, особенно за мою Кантату о Сталине: наконец-то дождались оценки и дружеского исполнения. Скажи, что я готов сделать еще, еще более лучшие вещи, что я глубоко взволнован вниманием и предстоящей поддержкой. Жду текстов. Уговоримся, что я буду писать в виде рабочих клавиров; а ты перекладывай для любого состава. Надеюсь, что достану клавир «Кавказского пленника». Рад за танцы из «Бахч[исарайского] фонтана», за последнее время сочинил два-три романса о Ленинграде, да тексты уж очень лиричные одного здешнего поэта. Не примут. Написал драм. пьесу, пишу другую, пишу сам стихи для своего (по-шубертовски задуманному) циклу о нашем городе в наши дни. Целую.

Твой Б. Асафьев.

4. IX. 1942. Дорогой Толя! Вчера получил твое письмо со вложением текстов песен, письма – дорогого, очень дорогого для меня от т. Толкачева (шлю ему сердечное спасибо) и твоего сообщения о письме тов. Айзеништока, но самого письма не было. Тексты в большей своей части – как печатные – мне известны, попробую выбрать, но всё это не совсем то, что нужно: нужно творчество бойцов, живое, непосредственное. Копий моих сочинений делать некому и некогда. Имей в виду, те хоры мои на слова русских классиков, что у тебя – тоже копий не имеют. Поэтому, умоляю, делай хоть по четверть хора в день, т.е. перепиши и при случае пошли мне. Как послать лермонтовские романсы, право, не знаю, к тому же части их нет, переписать оставшиеся некому. Целую. Привет Б. Асафьев. Спасибо тебе за все.

10. IX.1942. Ленинград. Дорогой Толя, я послал плясовую песню (ноты) на текст («Ой, дербень, дербень Калуга») на имя т. Айзеништока. Эти дни здоровье было получше, я и посочинял музыку на четыре-пять из присланных тобой текстов. По одной пьесе буду посылать (Копии теперь оставляю). Спасибо за лирическое письмо. Ну, что ж не беда, коли один концерт не удался – следующие удадутся. Так ведь и со спектаклями бывает. <...> Ну, что ж буду пока жить, еще, еще и еще и еще работать для родины. <...>

Хор «На донской земле» Суркова (слова хорошие). Получилось хорошее кантатное анданте. Если примите в качестве скерцо «Плясовую» («Дербень» Прокофьева), а для начала Дон (соло и хор) Шевелева, то остается финал. Может быть, марш Связистов Масленникова? Вот тебе и кантата. Но лучше ты найди тексты и для скерцо и для финала, в которых была бы связь с Доном. Как думаешь? Целую тебя от всей души. Ирина Ст. и Зоя Ст. тоже. Твой Б. Асафьев.

PS. Написал еще три фрагмента из Тютчева для голоса с ф.-п ораторского склада.. Смысл один: без немцев!

Посылаю ноты: мой «Марш Связистов». Сделал просто. Исполнение должно быть четкое и энергичное...

Дорогой Толя! Твое письмо со вложением текстов для музыки получил 3 сентября. Сообщи твоему политруку, что за все это время я сочинил:

1) Мужской хор. «На Донской земле» (текст А. Суркова).

2) Марш Связистов (соло, хор с ф-п) (слова Масленникова)

3) Плясовая песня «Ой, дербень, дербень Калуга» (стихи А. Прокофьева

(Соло, хор, ф-п) - №№ 2 и 3 послал вам в письме.

4) Жди меня (песня и ария для выс.(окого) баса (Текст Симонова) с ф-п.

5) Письмо (текст А. Никитина) для тенора с ф-п (нечто вроде ариозо-песни).

6) Песня девушек, томящихся в фашистской неволе (женский голос соло с ф-п) – стихи Исаковского.

7) Дон – большая героическая ария для выс.баса с ф-п (<...> стихи Е. Шевелева).

№№ 6-7 очень удались, на мой взгляд. Все это шаг за шагом буду переписывать и посылать вам, когда сообщите, что получили «Марш Связистов» и «Плясовую песню» <...>

Остальные 4 стихотворения из 11 для меня не подходят. Баллада Тихонова хороша, но в музыка будет длинна и монотонна. Это стихи для читки. Типичные – хороши оба текста про Дон (Суркова и Шевелева) – зато и музыка получилась сочная, эмоциональная. Итак, два №№ для кантаты о Доне есть (Вступ., Хор и Ария): нужна веселая «донская», как скерцо, и непременно с «щелканьем» по немцам (вроде Прокофьевской «Дербень») и еще победная песня (для соло и хора) для финала. Не знаешь ли подходящих текстов?

Итак, я счастлив, что набралось сил так быстро ответить на просьбу фронта. Дня три я думал, а с 8-го IX сочинял как письма: все шло как по «ладу». Шлите еще текстов. Целуем тебя все.

Арию «Дон» посвящу Толкачеву, если ему подойдет или – если не подойдет – то другую: Жди меня. Твой Б. Асафьев.

1943

17.I. 1943. Толенька, уже после болезни я написал Patriotica (патриотический сборник статей о величии Глинки, об оборонных темах в русской опере – «Кн. Игорь», о народных основах стиля русской музыки, о значении нашей музыки для Запада, а не наоборот, как обычно пишется, о том, почему мы не гордимся нашей музыкой и т.д.). О взаимодействии русской музыки и музыки славянства говорит другая, мною написанная книга. Затем сдал <...> к моей краткой муз. энциклопедии (пересмотр трад. муз. понятий). Портреты сов. композиторов (конечно, портреты музыки) написал еще летом. Но теперь кончаю сб. статей о сов. музыке (выведение основных принципов). Затем еще «Гибель Мусоргского» (4 драматических диалога) и Комедия о музыканте (Моцарт) – это вещи литературно-драматические (могут исполняться как пьесы). Вот тебе краткий отчет, но, увы, я без тебя одинок. Целую тебя. Наши сердечно приветствуют. Твой Б. Асафьев.

PS. Подскажи, что для вас сделать ко дню Красной Армии??

28.I. 1943. Дорогой Толя!

Получил твое содержательное взволновавшее меня письмо от 17/18.I. Спасибо. Почему ты извиняешься за молчание – я так и не могу взять в толк: ведь я ж отлично до глубины сердца понимаю твое состояние и твою занятость и

удивляюсь твоей беззаветной трудоспособности. На письмо твое надо отвечать долго и обстоятельно – увы, вот меня прости – нет физических сил: редкий день без противных – склерозных, вероятно, головных болей, а после кровоизлияния они уже напоминают о возможности второго звонка. Музыка почти не сочиняю, но о музыке пишу вещи любопытные, напр., III-IV части «Мыслей и дум», которые я назвал «1001 ночь» – сказки музыки. (500 ночей общения с русской, и 500 с зап. и совр. музыкой, I – введение, предисловие). Не знаю, кончу ли. Целую тебя. Наши шлют сердечные добрые пожелания. Твой Б. Асафьев.

PS. Если будешь в Ленинграде, пожалуй, нас не застанешь. ... Ходят вести, что в Москве возобновляют «Пламя Парижа».

3.II. 1943. Ленинград. Дорогой Толя! Вок. квартеты очень трудно сделать сейчас, но я постараюсь. Военную песню я, правда, сделал и как будто удачно, но она маршево-гармоническая, а мне хочется добиться полифонии, русской: «полифонической сюиты» для муж. ансамбля в лирико-эпическом стиле. Беда с текстами, т.е. собственно со стиховыми интонациями, которые бы вызывали музыку, какую мне надо. Но вот еще что: может случиться так, что на днях увезут нас троих в Москву. Следующая моя открытка сообщит тебе, состоится ли это событие. Тогда я сообщу тебе адрес, но если долго не будет от меня известий, пиши в Москву на адрес Дмитрия Борисовича Кабалевского для меня. Это: Москва, 3-я Миусская д. 4/6, кв. 28. Кабалевский мне передаст. Можно писать и на Управление по делам искусств и на Музгиз, но лучше Кабалевскому. Впрочем, извещу. Целую. Привет.

Б. Асафьев.

3.II. 1943. Ленинград. Вчера получил твое милое утешительное письмо, дорогой Толя. За ласковые приветствия от коллективов – хора и квартета сердечно благодарю. Я человек скромный, но все же от таких дорогих для меня приветствий могу, чего доброго, вообразить себя композитором достойным переживаемого времени. Но ведь я еще далеко не достиг того, что себе наметил. Ты угадал: вновь посланные тебе сочинения – поиски нового оттенка, но на моем же сегодняшнем пути! Не церемонься, если все окажутся неубедительными: буду пробовать еще. «Весенняя песня» на текст Кольцова (1840) долго меня занимала, но лишь вчера под впечатлением письма твоего сложилась в музыку (вок. мужской quartet). Постараюсь прислать тебе письмом ... Басовую арию Кутузова из оперы «1812 год» на свой собственный текст. Целую. Приветы. Б. Асафьев.

Дорогой Толя! Письмо твое по почте получили, а сегодня (18. IV.) появился и добрый вестник от тебя. Спасибо, что не забываешь. Ценим твое отношение. Танечку с дня твоего отъезда на видели, постараемся ее получить и доставить ей вести от тебя. К весне мне стало получше. Но дни уходят не на работу для себя. Увы. Тоскую по творчеству. Ночей, однако, не сижу. Хочется пожить, уж очень жизнь и сама по себе любопытна. Ничего не случится от отсутствия моих продукций. Пожалуйста, передай сердечные от меня приветы знакомым моим по твоему ансамблю. Желаю всего самого хорошего, а особенно счастливой и удачливой весны для вас всех там, на фронте. Целую тебя. <...> Твой Б. Асафьев

Дорогой Толенька, спасибо за весточку, будь здоров. Не беспокойся о Тане и детях. Мы с ними часто будем видеться.

Крепко обнимаю. Твоя любящая Ирина Асафьева [приписка жены Асафьева Б.В.].

(Далее комментарий, написанный рукой А.Н. Дмитриева: «18.4.44. Письмо получено на фронте около Пскова в апреле 1944 года»)

Сегодня, 6 июня пришло, дорогой наш Толя, письмо от капитана Карицкого, радостно взволновавшее нас троих – письмо о твоём награждении. Целуем тебя, обнимаем, пламенно приветствуем. Поблагодарим капитана за добрую весть, а всему ансамблю передай сердечные пожелания. По-видимому, мы получили мало по малу все твои письма, чудесные, волнующие. Спасибо. Счастлив буду, если эта моя открытка найдет тебя. <...> А лучше пиши прямо на гост[иницу] «Националь», надеюсь, что мы еще в ней проживем некоторое время. А летит оно – время – быстро. Скоро уже четыре месяца как мы здесь. Окрепли, но болезненные следы еще дают о себе знать. Целую. Твой Б. Асафьев.

6.VI. 1943. Москва.

Дорогой капитан!

Сегодня получил Ваше письмо и счастлив: такие добрые вести одушевляют и – в моем возрасте – молодят. Рад за Толю, сердечно его приветствую. Горячо благодарен Вам за ласку, глубоко признателен дорогим друзьям – всему ансамблю песни и пляски. Спасибо за память, за добрые пожелания. Поздравьте Толю от моей семьи и от меня, передайте, что мы тоже радуемся его награде и желаем процветания руководимому им ансамблю. Письмо Ваше принадлежит отныне к небольшому числу хранимых бережно мною дорогих вестей от друзей, и мне очень, очень приятно наше заочное знакомство. Крепко жму Вашу руку. Приветы. Б. Асафьев.

ПИСЬМА ГЕРГИЛЕВИЧА М.Г. С ФРОНТА Июль-сентябрь 1941

Гергилевич Михаил Георгиевич (1907-1941) окончил историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории, затем аспирантуру под руководством Ю.Н. Тюлина. Талантливый ученый, чьи исследования ценил Б.В. Асафьев, он защитил в 1940 году диссертацию, преподавал в Консерватории анализ музыкальных произведений, входил в авторский актив Института театра и музыки. С началом войны, несмотря на слабое зрение, вступил в ряды Народного ополчения. Погиб на участке обороны у поселка Русско-Высоцкое в районе Красного Села в начале сентября 1941 года.

Петрова Нина Николаевна (1918–1986), жена М.Г. Гергилевича – училась до войны в училище при консерватории, в 50-е гг. преподавала фортепиано в кружке при общеобразовательной школе №163 Смольнинского района, позже работала в музыкальной школе Кировского района. Прекрасный педагог, чудесный человек, музыкант-энтузиаст, она сумела отнюдь не в «музыкальных» условиях общеобразовательной школы не только учить детей игре на фортепиано, но зажечь в них любовь к музыке на всю жизнь (двое ее учеников-кружковцев стали профессиональными музыкантами).

Письма М.Г. Гергилевича предоставлены его дочерью Натальей Михайловной Гергилевич.

12/VII

Милая Нинушка!

Очень неподходящая здесь обстановка для писания писем, в особенности? лирического характера. Потому пишу только о делах. Мне весьма были бы полезны несколько книжек:

1) учебник тригонометрии (позвони, пожалуйста, Мите и попроси у него),

2) какая-нибудь элементарная книжечка по радио или радиотелефонии (наверное, есть у Евгения Ричардовича, что-либо в этом роде)

и 3) учебник по артиллерии. Все это мне необходимо для быстрого усвоения новых моих специальностей. Впрочем, учебник по артиллерии, вероятно, ты, конечно, достать не сможешь. Ну и не надо. Страшно хочется попасть домой, что будет либо 14-го, либо 15-го часиков в 7м, так что уж ты сиди в эти дни дома.

Я все беспокоюсь о том, как ты одна будешь справляться с двумя ребятами.

Не лучше ли было бы тебе переселиться на Таврическую? Там может быть было бы легче?

Впрочем об этом всем и многом другом поговорим 14 или 15.

Пока целуй ребяток и передавай всем привет от младшего сержанта Гергилевича

23/VII

Нинушка!

Посылаю тебе:

1) Новое название нашего адреса:

Действ[ующая]. Кр[асная]. Армия. П.П.С.94, п/я 66, Лит12, 265-ый О.П.А.Б*. 2) Справку о добровольчестве (надеюсь, что ты смогла что-нибудь сделать и без нее, но все-таки храни ее на всякий случай)

3) Квитанцию на сданный мной паспорт. Ее храни очень усердно, т.к.по ней потом паспорт будет выдаваться обратно.

* О.П.А.Б – отдельный пулеметно-артиллерийский батальон.

Мы живем по-прежнему. Для скучания времени остается не много. Все физиономии стали черными, у многих носы полезли.

Напиши мне все то, что ты писала в прошлом письме, ибо оно не дойдет из-за перемены адреса.

Будет очень не плохо, если ты положишь в твое письмо пару конвертов (без марок) и пару листков белой бумаги.

Передай привет всем родичам и знакомым. Поцелуй ребят. Пиши скорее. М.Г.

Напиши, пожалуйста, адрес ул. Слуцкой, он мне может ведь понадобится, если ты туда переедешь.

30/VII

Нинушка моя!

До сих пор не получил от тебя ни одного письма и уже даже начинаю волноваться. Пиши мне, пожалуйста, по возможности чаще, хотя бы по несколько строк. Что касается меня, то я перебрался в новое местечко в км 20-ти от старого. Природа здесь более симпатична (там уже слишком мало зелени). Лесок вдали и в достаточной близости.

В смысле того, в какой степени здесь ощущается война, то могу сказать, что реально (вражеские самолеты и минометы) почти также как и (судя по газетам) в Ленинграде. Начало нашего адреса воспринимается мною, поэтому, весьма иронически.

Наблюдаю за людьми и учусь их анализировать (хочу приблизиться в этом отношении к твоей проницательности).

Сообщаю тебе (для хвастовства), что пользуюсь в нашей компании большим уважением и авторитетом (частично в этом виноваты солидный возраст и ученые степень и звание, в основном же основание – высокий уровень моего поведения).

*От меня не жди писем длинных и не жди их очень часто.
Сама же пиши по возможности чаще.*

*Привет, поцелуй и т.п. всем знакомым и родичам.
Если знаешь, как живут Дадеевы и Юрий Николаевич,
напиши об этом мне.*

*Хотя для скучания времени и маловато, все же без тебя
мне жить скучновато (Гергилевич, сб. стихотв. т.11, стр.15)
Витя Прейсберг очень хороший парень.*

5/VIII 41

Нинушка!

*Живу так же хорошо, хотя времени свободного не мно-
го.*

*Как у вас в Ленинграде с погодой? У нас погода идеальная для
дачной жизни, для любителей солнца и тепла. Я, конечно, от
солнца не страдаю и только наслаждаюсь им.*

*Как дела у вас? Что ты читаешь? Если хочешь доста-
вить мне удовольствие, то почитай «Л. Фейербах» Энгельса.
Об исполнении рапорту в письме.*

От тебя до сих пор не получил ни строчки.

*Попробуй написать мне двойное письмо (два письма с
одним и тем же содержанием) по двум адресам.*

1) Действ. Кр[асная]. Арм[ия]. П.П.С.194 п/я 66, литер
12.265-ый О.П.А.Б.

2) г. Красное Село, п/я 66, литер12.

Напиши как живут и как себя чувствуют ребята.

8/VIII

Нинушка!

*Жизнь идет все так же за исключением погоды, которая
немного ухудшилась.*

*Замечен (у меня лично) и некоторый психологический
сдвиг: до последних дней я совершенно был не в состоянии*

думать на музыковедческие темы (видно, мозг требовал изрядного отдыха от постоянной работы последних лет). Сейчас стал постепенно приближаться к музыке. Мысленно вспоминаю Моцарта (в особенности квартеты), начинаю теоретически шевелить мозгами, и говорить на музыкальные темы с Витей Прейсбергом и еще одним консерваторцем-пианистом Женей Тахом (1). Обнаружил, что Витя Прейсберг, безусловно, имеет данные для того, чтобы быть историко-теоретиком. Впрочем, он парень вообще толковый и по новой своей специальности будет, несомненно, не на последнем месте.

Все письма пиши теперь по адресу, обозначенному на конверте, т.е. Лен.обл., г. Красное село, п/я 66, литер12.

Имея в виду, что письма, которые ты посылала по другому адресу, найдут меня не очень скоро.

Пиши обо всем, в особенности напиши о материально-бытовых делах.

Передай привет от меня всем, всем.

Целую тебя, очень. М.Г.

11/ VIII

Нинушка, дорогая!

С оказией (до Ленинграда) посылаю тебе письмо. По-прежнему живу прекрасно, ем прямо великолепно, хотя и пресновато. Испытываю нужду в касторке (конечно не для питья) и приближается кризис лезвий для бритвы и зубной пасты.

Ужасно хочется хоть на денек попасть в Ленинград или чтобы ты попала сюда. Есть некоторая (хотя и весьма сомнительная) надежда на то, что я все-таки хоть на денек, да выберусь. Мечтаю об этом непрерывно.

До сих пор не получил еще ни одного письма от тебя. Прямо не знаю, что и подумать!

Последние дни у нас дожди и я пару раз изрядно промок. В Ленинграде от такого промокания и спанья на мокром сене обязательно бы простудился, а здесь (видно, чистый воздух помогает).

Пиши, пожалуйста, мне чаще.

Как у вас дипломатические отношения с т. Тосей? Дуется она, бурчит или все благополучно? Как поживает Мельничный Ручей? Бывает ли там кто-либо?

Страшно хочу тебя видеть. До того соскучился, что просто невозможно выразить!

*Поцелуй всех от меня и напередавай всем кучу приветов.
Мака.*

18/VIII 41

Милая моя Нинушка!

Сегодня, только что, получил твою открытку от 15/У111. Очень меня огорчает, что у вас так скверно со здоровьем, хотя (нет худа без добра) приятно, что вы еще не уехали из Ленинграда. На всякий случай, напиши мне адреса Туси и Славы. Мне необходимо побывать в Ленинграде для того, чтобы достать очки. Однако при нынешней ситуации это совершенно невозможно. Надеюсь, что выберусь, когда положение изменится. Очень беспокоят меня ваши финансовые дела. Напиши мне поскорее, вполне ли официальные сведения о том, что я больше не буду получать зарплату в Л.Г.К? и о том, как у тебя дела с пособием? Начала ли ты тратить отложенное? Все это мне очень нужно знать.*

Как твой техникум? Тоже эвакуируется? Я заметил очень странную вещь: оказывается, что я совершенно не труслив и в неприятные моменты бываю абсолютно спокоен

* Л.Г.К. – Ленинградская государственная консерватория.

и хладнокровен. Впрочем, по-настоящему опасных моментов еще не было. Посмотрим, как я буду вести себя тогда.

Целую тебя очень, очень крепко.

Привет всем. Особый привет Софье Михайловне.

Еще раз целую. Мака.

20/VIII

Нинушка моя!

Позавчера после небольшого перехода прибыли на место.

Живем очень хорошо; воздух, погода, пейзажи и т.п. прекрасные, деревенька маленькая. Одно жаль: нет ни озера, ни речки, словом купаться негде. Но это, конечно, не так уж страшно.

Жалею всех, кто живет в городе, а не на лоне природы.

В ближайшее время (быть может, даже завтра) вышлю тебе справку, которая так тебе необходима, а также сообщу тебе адрес, по которому мне можно будет писать.

Страшно жалею, что не взял касторку и т.п., но здесь уже ничего не поделаешь.

Думаю мало, читаю еще меньше, так что отдых от зимних занятий у меня прекрасный. Все же времени свободного не много. Выгляжу очень хорошо и так же себя чувствую.

Целую всех и всем передавай привет.

Мака.

22/VIII

Милая моя Нинушка!

Прости, что так долго тебе не писал, но у нас (ты сама это, наверное, предполагаешь, читая газеты) ситуация сильно изменилась и времени стало крайне мало. Правда позавчера я ухитрился написать тебе письмо, но к крайнему своему сожалению потерял его вместе со своей походной канцелярией. Пока имеем дело только с немецкими самолетами, которые сильно пугали местное население и ленинградок, прибыв-

ших для работы (впрочем, страху больше наводили не сами самолеты, а непрерывный треск наших зениток). Теперь мирное население и труд/работники испарились и в наших местах стало довольно пустынно. Толя Коломейцев ходил ночью с разведкой в расположение немцев и считал их танки. Шлет он всем твоим привет (а тебе привет от Вити Прейсберга). За это время получил от тебя массу писем (одним из последних было письмо от 31/VII первое твое письмо). Вчера получил твою записку (переслал мне ее Даня Шафран (1), а сегодня снова два письма от 17/VIII и 19/VIII. Письма твои меня не очень радуют: я был бы спокойнее, если бы ты переселилась к Певзнерам или Тусе. Очень хотелось тебя и ребятток повидать. К тому же если непосредственная связь между нами прервется (вдруг не получу твоего адреса и мой тоже изменится) будем восстанавливать ее через них. Одним словом, если на новом месте ты долго не будешь получать от меня писем, то наведи справки у них.

Мои желания вполне совпадают с твоими и есть некоторая надежда (правда очень крошечная), что они осуществляются.

Погода у нас совершенно великолепная. После парочки-трех неважных дней снова непрерывно светит солнце и тепло очень.

В целом живем прекрасно и, если б не печальные дела у вас дома, плюс, само собой разумеется, твое отсутствие, был бы совершенно счастливейшим человеком. К тому же вчера вечером дошли до нас очень приятные новости о делах на фронте и у всех стало особенно радостное настроение.

Все знакомые тебе ребята живут прекрасно. Витя Прейсберг передает тебе привет.

Целую тебя очень, очень крепко. Ребят тоже.

М.Г.

Всем, всем привет.

(1) **Шафран Даниил Борисович** (1923-1997) – виолончелист. Окончил Консерваторию в 1950 (класс профессора А.Я. Штримера). Лауреат Международных и Всесоюзных конкурсов. Нар. артист СССР (1977). Лауреат Гос. премии СССР (1952).

27/VIII

Милая моя Нинушка!

Твое письмо от 21/VIII (в котором ты описываешь отъезд Арсения с семейством) получил вчера вечером и потому (было слишком темно) смог прочитать его только сегодня утром.

Очень рад, что ребятки поправились (нормально по-русски пишут поправились, а е в этом слове пишет только одна Н. Петрова). В связи с многочисленными описками (мягко выражаясь) в твоих письмах протестую также против того, чтобы на письмах, адресованных мне писалось: Михайлу (как пишешь ты) вместо Михаилу!

Впрочем, это совершенно не существенно.

В отношении твоего и ребят места пребывания еще раз скажу, что хотя я был бы спокойней, если б ты переселилась к Певзнерам, Тусе и т.п., но в отношении окончательного выбора и решения всецело полагаюсь на твою разумность и твое чутье. Одним словом, ничуть не ругаюсь.

Что касается встречи, то об этом в настоящей напряженной обстановке (здесь, у меня) вряд ли можно мечтать. Придется, видимо, немного подождать. В себе я уверен еще больше, чем прежде и, в основном, (кроме финансового вопроса) спокоен за вас. Будь и ты спокойна за меня. Читай в свободные минутки, и обо всех своих мыслях пиши мне, как можно больше и подробнее. Кроме того, пиши и возможно чаще (хотя я не могу пожаловаться отнюдь на то, что редко получаю от тебя письма, но, наоборот, мне уже начинают завидовать – много получаю писем).

Очень хотел бы, чтобы ты увидела сейчас доцента ЛОЛГК, кандидата искусствоведческих наук и т.д. в роли младшего сержанта РККА с гранатой за поясом, винтовкой за плечом и прочее.

Привет всем. Тебя и детей целую. Кроме того, тебя еще и еще раз. Мака.

29/VIII 41

после 5 вечера

Моя милая Нинушенька!

Вот уже почти вторые сутки как идет непрерывный, типично осенний дождик. В условиях нашей земляной жизни этот факт пренеприятный. Ходим и спим насквозь промокшими, но как ни странно, даже насморка ни у кого нет. Объясняю это отсутствием разных болезнетворных микробов в воздухе.

Все ждем немцев, а они, видимо, из страха перед моей небритой физиономией, никак не хотят показать нам свои танки и каски. Толя Коломейцев опять ходил к ним разведку. Обязательно пошел бы с ним, но проклятое отсутствие очков меня совершенно губит. Ежедневно надоедаю нашей военфельдшерше, чтобы послали меня в Ленинград за очками, но ничего не получается... надеюсь, что когда-нибудь да поеду.

Между прочим, решил давать тебе регулярные консультации по орфографии. Конс.№1. В дательном надеже (на вопрос кому, чему) следует писать не Толи или Коли, а Толе и Коле. На этом консультация первая кончается. Теперь могу тебе сказать, я тебя люблю и не только люблю, но очень, очень, очень люблю!

Люблю настолько, что, как убедился теперь, не могу чувствовать себя счастливым без тебя.

Завидую тебе в том отношении, что ты можешь читать и думать об отвлеченных вопросах, боюсь, что если война продлится еще лет 20, я чего доброго отстану от тебя.

Интересуюсь, как у тебя дела с музыкой? играешь ли? И если да, то что играешь?

Между прочим, наша жизнь очень антимузыкальна (в самом широком смысле слова, в том числе и в том, в котором ты говорила о музыкальности в литературе).

Ну хватит на сегодня. Норма бумаги исчерпана (за пару конвертов в письме был бы бесконечно благодарен, а то уже стыдно становиться стрелялой).

(Датировка письма отсутствует)

Милая Нинушка!

Последние дни у нас совершенно тихо и спокойно, даже воздушные гости почти нас не навещают. Погода у нас стоит неплохая: солнце светит, пополам с тучами и достаточно тепло. Мы живем как полевые мыши в норах-землянках. Сверху бревна и земля, по бокам земля, снизу солома или сено. При появлении самолетов (немецких) залазим в землю и оттуда исподтишка наблюдаем за ними и за воздушными боями.

Самолеты наши и немецкие различаем не только по виду, но и по звуку. У немцев шум препротивный, с какими-то металлическими обертонами, у наших гораздо более мягкий и приятный. Мне очень нравится звук зениток – как будто лопаются огромные пузыри. Если стреляют близко, то звук выстрела более резкий (вроде лая), потом слышно жужжание летящего снаряда и наконец (где-то наверху) короткое бухание разрыва. Иногда самолет загорается и летит вниз, и на небе появляется одна – две белые точки – это летчики спускаются на парашютах.

Если бы не твои дела (особенно финансовые), и не твое отсутствие, мне бы жилось чудесно, ибо самое важное для ме-

ня – богатство новых впечатлений – несомненно имеется. Еще раз подробно напиши о вашем финансовом положении, а я на этих днях вышлю тебе капельку денег (правда, катастрофически мало).

Мне они абсолютно не нужны, а тебе, несомненно, хватит дня на 3–4. Все, что ты писала о Вертере, музыкальности прозы и т.п., понял и вполне со всем согласен. Очень рад, что тебе так понравился Вертер!

Целую тебя крепко, крепко. Поцелуй ребяток и Софью Михайловну. Всем привет. Мака.

6/ IX

Милая Нинушка!

Очень огорчен возможным твоим отъездом из Ленинграда. Постарайся не уезжать до 12-14. Я буду ждать вовек. Живу хорошо.

Целую крепко. МГ.

ПИСЬМА ЯЗОВИЦКОЙ Э.Э. БОГОЯВЛЕНСКОМУ С.Н. И ФИЛЕНКО Г.Т.

Язовицкая Эльза Эдуардовна (1907-1966) – выпускница историко-теоретического факультета Ленинградской консерватории (1937), однокурсница Г.Т. Филенко. Ученица Ю.Н. Тюлина и С.Н. Богоявленского. В годы войны оставалась в блокадном Ленинграде. В Консерватории работала в 1938-41 и 1944–48. С 1942 по 1966 – научный сотрудник НИИ театра и музыки.

Богоявленский Сергей Николаевич (1905-1985) – музыковед. Окончил Ленинградскую консерваторию (1934). Ученик Б.В. Асафьева (история музыки) и Х.С. Кушнарера (композиция). Канд. искусств. (1944). Профессор. С 1935 – зав. историко-теоретическим отделом Консерватории, 1936-38 – декан Историко-теоретического факультета, 1947-49 – зам. директо-

ра Консерватории по научной и учебной работе. 1952-68 – зав. кафедрой муз.воспитания Ленинградского театрального института. 1968-85 зав. кафедрой истории зарубежной музыки Консерватории. В годы войны вместе с женой – Г.Т. Филенко и сыном Олегом находился в эвакуации в Ташкенте. В декабре 1942 был мобилизован и зачислен курсантом Ташкентского пехотного училища. В августе 1943 приказом Штаба Среднеазиатского военного округа был переведен для дальнейшего прохождения воинской службы на Военно-морской факультет Консерватории в качестве преподавателя специальных музыкальных дисциплин. В 1944 был назначен начальником учебной части Военно-морского факультета.

Филенко Галина Тихоновна (1911-2001) – музыковед. Окончила Ленинградскую консерваторию (1937). Ученица А.В. Оссовского. Канд. искусств. Профессор. Засл. деятель искусств РФ (1997). С 1937 по 2001 (до последних дней жизни) работала в Консерватории; читала курс истории зарубежной музыки, вела специальный класс.

Письма Э.Э. Язовицкой переданы в архив Санкт-Петербургской консерватории сыном С.Н. Богоявленского и Г.Т. Филенко – Олегом Сергеевичем Богоявленским.

Ленинград, 12 января 1944 г.

Уважаемый и милый Сергей Николаевич!

Была очень рада Вашей открытке, которая была для меня приятной неожиданностью. Я сразу вспомнила занятия с Вами, все наши разговоры о Брамсе, о романсах и т.д. Как это все давно было и вместе с тем недавно! С удовольствием повторила бы студенческую пору. Я вполне понимаю Ваш интерес к жизни в Консерватории и в Институте(1). Постараюсь на это все ответить, если и не так полно, как это возможно было бы при личном разговоре - но будем надеять-

ся, что в скором будущем и это осуществится. Начиная письмо, хотела сперва поздравить с Новым Годом, но когда начала писать, то невольно выразила то чувство, которое возникло при получении Вашей открытки. Итак поздравляю Вас, Галю и малыша¹ с Новым Годом самым сердечным образом и желаю Вам здоровья и затем возврата обратно в Ленинград (не говорю об едином и страстном желании всех – о разгроме врага, окончании войны – как о само собою разумеющемся пожелании). Теперь можно приступать и к нашим делам. Сергей Николаевич, Вас интересовал Анатолий Никодимович Дмитриев (2). Я его лично не видела с самого начала войны, но дня три тому назад Кремлев(3) его встретил на Невском. Анатолий Никодимович здесь на Ленинградском фронте, был тяжело ранен в плечо, но теперь поправился. Были попытки вернуть его в Консерваторию, но, по видимому, А.Н. оказался хорошим воякой и его не отпускают. Многие Консерваторцы демобилизуются, особенно оркестранты, многих студентов встретила в театре, в Филармонии.

Демобилизовался и Толя Калинин (4), он сейчас работает в Консерватории с вокалистами. Историко-теоретическая группа Консерватории состоит из: Коли Успенского (5) (ведет курс теории, гармонии, сольфеджио), Боголюбовой – теория (она из курсов Р-Корсакова), анализ музыкальных форм – я, по истории – русской Лиды Жукова (6), а по курсу зап.европейской музыки – Александрова (7). Скоро в работу включится и Шура Бихнер (8), она последнее время работала шофером в МПВО. В середине января будет экзаменационная сессия. Студенты занимаются, но не все с одинаковой серьезностью. И среди них много демобилизованных девушек. Народ все жизнерадостный, упорный. Заниматься не всегда лег-

¹ Речь идет о сыне С.Н. Богоявленского и Г.Т. Филенко – Олеге, 1940 г.р.

ко бывает, особенно с начала учебного года – ведь самим пришлось привести здание в порядок (относительный конечно), заготовить на зиму дрова и т.д. Жизнь в Консерватории зародилась, но она еще не бьет ключом, как этого хотелось бы. Уж, приезжайте, поскорее. Многие ВУЗы стали работать полностью и обидно, что Консерватория пока где-то там в тылу. Понимаю, что это зависит не от нашей воли и желания, ибо желание, наверное, у всех одно – вернуться и работать по довоенному.

В Институте работа проходит, пожалуй, интенсивнее, несмотря на очень ограниченное число людей. В ноябре проводили Научную сессию, посвященную П.И. Чайковскому (билет сессии прилагаю), а теперь готовимся к сессии Р-Корсакова. Предполагается издание сборника, посвященного юбилею Н.А. Римского-Корсакова. Работа Ин-та в этом году, по-видимому, будет расширяться, т.е. возможно будут вызовы сотрудников. Все это, конечно, зависит от обстоятельств. Ленинград пока город-фронт и мы это, время от времени, чувствуем.

В Ин-те есть историки, а теоретиков нет, следовательно, нет и теоретических работ, за исключением работ Б.В. Асафьева (II-ая часть Муз. форма как процесс), Интонационный анализ «Руслана и Людмилы», Муз. энциклопедии и др. Борис Владимирович за это время создал замечательные работы. Поразительна его работоспособность, в такое тяжелое время, как 1941-42 г. Александр Вячеславович¹ рассказывал, что будучи в Москве Б.В. написал новую большую работу о Римском-Корсакове.

Примерный список работ Б.В. Асафьева за это время следующий:

1. Творческий метод Глинки – 9 н.л.

¹ Речь идет об А.В. Оссовском.

2. Муз. форма как процесс – точно не помню кол-ва печ.листов.
 3. Евгений Онегин – 5 л.
 4. Григ – 4,5
 5. Чешское муз. возрождение – 3 п.л.
 6. Советская музыка и муз.культура – 2,5
 7. Портреты Советских композиторов – серия 1-я «Два поколения» – Шостакович – 7 п.л.
- Прокофьев, Мясковский, Шапорин, Дзержинский, Хренников, Дунаевский, Пащенко, Волошинов, Кочуров, Гольц, Томилин.
8. Из области Юго-славянского музицирования – 6,25
 9. Советский композитор – 0,5 и т.д.

И это еще неполный список. Какое разнообразие тем и охват их!

Очень интенсивно работает Ю.А. Кремлев. Ему очень тяжело пришлось. Ведь до войны он никуда без мамы, а теперь пришлось все домашние заботы взять на себя из-за плохого состояния здоровья мамы. Исхудал Ю.А. ужасно, но за последнее время стал поправляться.

Никакими словами не передать – на что мы были похожи в 1941-42 г., но теперь вновь приобрели человеческий облик и многие выглядят гораздо лучше, чем до войны и – так-ково уж видно свойство дистрофии.

Простите, немного отвлеклась от основной темы, но за это время накопилась такая масса впечатлений, что они так и вылезают по всякому поводу и даже без него.

Александр Вячеславович тоже очень много работал, несмотря ни на какие условия. А.В. живет не у себя, а в Консерватории, в классе Римского-Корсакова, Варвара Александровна (9) умерла в прошлом году и А.В. тяжело пережил эту утрату.

О своей работе – ничем не могу похвастаться. Условия для работы совсем неподходящие, в 1941 г. снаряд упал перед

нашим домом на Вас. Острове, окна все вылетели, дома стужа, тьма и пустота. Жильцы – кто уехал, кто умер, в том числе и мой двоюродный брат. Вот мы и перебрались в комнату брата мужа и живу теперь я как в проходном дворе, нет своего места и стола для работы. Вне дома заниматься тоже не удастся по разным причинам. Кое-что все-таки сделала. Разбирала архив Р-Корсакова, перечла несколько стр. его писем, сделала интересные выписки и при первой возможности постараюсь это во что-нибудь превратить.

Теперь на этом я закончу.

Привет Гале, сынишке!

Простите, пожалуйста, что так задержалась с ответом – болела гриппом.

Еще раз привет

Эльза.

(1) Институт – Ленинградский научно-исследовательский институт театра и музыки (основан на базе Института истории искусств, созданного в 1912). В настоящее время – Российский институт истории искусств.

(2) Дмитриев Анатолий Никодимович (1908–1978) – музыковед. Окончил Саратовскую консерваторию (1926 – фортепиано, 1927 – композиция), Ленинградскую консерваторию (1931). Ученик Б.В. Асафьева и В.В. Щербачева. Д-р искусств. Профессор. Преподавал в Консерватории с 1932 по 1978.

(3) Кремлев Юлий Анатольевич (1908-1971) – музыковед. Окончил Ленинградскую консерваторию. Ученик Б.В.Асафьева. Засл. деят. иск. РСФСР (1957). Д-р искусств. Профессор. С 1937 – научн. сотрудник Ленинградского НИИ театра и музыки.

(4) Калинин Анатолий Николаевич – выпускник историко-теоретического факультета Ленинградской консерватории (1940).

(5) Успенский Николай Дмитриевич (1900–1987) – музыковед. Основная область научных интересов – древнерусское певческое искусство. Окончил Петроградский богословский институт (1924), Ленинградскую консерваторию (1937). Ученик Х.С. Кушнарера. Канд. искусств. Д-р богословских наук. В Консерватории преподавал в 1939-40 и 1944-54 (вел музыкально-теоретические дисциплины).

(6) Жукова Лидия Петровна (1909-1996) – музыковед, пианистка. Окончила Ленинградскую консерваторию (1941).

(7) Александрова Вера Николаевна (1910-1979) – музыковед. Окончила Ленинградскую консерваторию (1941). Ученица А.В. Оссовского. Канд. искусств. В Консерватории преподавала с 1945 по 1979.

(8) Бихнер Александра Евгеньевна – музыковед. Окончила Ленинградскую консерваторию (1939).

(9) Оссовская (Качинская) Варвара Александровна (1876-1942) – пианистка. Жена А.В. Оссовского. Преподавала в Петербургской-Ленинградской консерватории в 1907-18 и в 1921-1940. Профессор.

8 марта 1944 г. Ленинград.

Милая Галя!

Когда писала дату письма, то вспомнила, что сегодня наш – женский праздник, который мы сами должны отметить, ибо мужчины этот день обычно забывают и не считают его вовсе праздником. Итак поздравляю Вас с ним и пожелаю как можно скорее вернуться домой и сбросить с себя все хозяйственные хлопоты. Ваше письмо получила давно, но ответить на него по-настоящему сразу не сумела, постараюсь это сделать сейчас, пока дома никого нет и кругом

тихо, а это редко бывает. В прошлом письме Вы писали, что я мало пишу о себе. Писать о себе казалось мало интересным, но если это Вас интересует, то кое-что напишу. Начну изда- лека, с момента эвакуации Консерватории. 2-го августа 1941 г. я с бригадой Консерватории поехала на оборонные работы, на которых пришлось очень туго, но об этом расскажу – ко- гда вернетесь.

Приехали мы обратно в город (из-под Нарвы) тогда, ко- гда Консерватория была буквально на колесах. Я осталась, и пережито было очень много – во всех отношениях. Уже с сентября началась нужда. До войны я не занималась хозяйст- вом и особенно в летнее время. Тетя с Эллочкой¹ уехали на дачу к моей маме в Вышний Волочек в апреле 41 г., с их отъ- ездом прекратились дома домашние регулярные обеды и т.п. Затем начались оборонные работы <...> и, естественно, что к сентябрю у меня дома не оказалось никаких продоволь- ственных запасов, буквально – ни крупинки.

В сентябре – пока паек был нормальный – было сносно, а с конца октября стали голодать, в ноябре-декабре и так да- лее – был уже настоящий голод.

Финансовая сторона нашего бытия была также сквер- ной. Мы оба оказались без работы. В Консерватории я зани- малась со студентами, но о какой-либо зарплате и в помине не было. Старалась всеми силами не оторваться от Консер- ватории, от Ин-та, где время от времени были доклады. Помню один доклад покойного Будяковского(1) о Листе и док- лад Е.В. Гиппиуса (2) в декабре. Вид у всех был ужасный, но было что-то, что заставляло голодных людей собираться и слушать доклады. В декабре я слушала последний доклад.

С трудом раз в неделю приходила в Консерваторию на занятия, но занятий, по-существу, не было. Студенты соби-

¹ Речь идет о дочери Э.Э. Язовицкой.

рались, но по выражению лица и, особенно, по глазам видела, что им не до того, что я говорю, и как только подходило время обеда – студенты исчезали. Кажется, никогда не забыть, на что была похожа наша проф. преподавательская столовая и очереди за чеками. Грань между профессором и студентом стерлась – это были просто голодные люди и, к сожалению, у некоторых кроме животного инстинкта ничего не осталось. Люди готовы были вырвать кусок изо рта, что и случалось не раз.

С каждым разом приход в Консерваторию становился труднее – идти надо было пешком с пл. Нахимсона, 40 градусов мороза, слабость, а в Консерватории – ужасные вести – умер этот, умер тот. Начиная с середины декабря таких вестей стало очень много и выслушивалось это спокойно (это не совсем то слово), ибо это было так понятно и каждый чувствовал себя на очереди. В один из приходов в Консерваторию, не помню – было ли это в конце декабря или в начале января, мне стало плохо и я упала в коридоре перед кабинетом Серебрякова и у меня в сознании мелькнуло, что умираю и при этом поразило, что не испугалась, а было как-то пусто, бездумно. За тем начались болезни голода – гемокалит (просто говоря – голодный понос), авитаминоз, цинга, дистрофия I и II-ой степени с переходом в третью. Превратилась в скелет, обтянутый кожей – до сих пор не верится – каким чудом осталась в живых. С лета 1942 г. стала работать в Ин-те. Ну а теперь приняла свой довоенный облик, но здоровья уже нет – сердце дает себя знать, еще не изжита миодистрофия.

В декабре перед домом на Вас.[ильевском] Острове упал снаряд, в соседние дома бомбы, окна вылетели и мы перебрались в комнату брата мужа недалеко от пл. Нахимсона, где и застряли до настоящего времени. Весною думаем перебраться домой. Эллочка голод перенесла при помощи всех ви-

дов общественного питания, как стационары, усиленное школьное питание, санаторно-лагерное. Но было время, что она превратилась в маленькую старушку, сидела, сгорбившись в шубке, и молчала целыми днями. На глазах таяла. Это было ужасно! Хорошо, что все это далеко позади.

Кончились ужасы голода, но артобстрелы, бомбежки продолжались. Я к ним относилась внешне спокойно, да и внутренне тоже, но теперь это время вспоминается с ужасом. Бомбежки, артобстрелы длились часами, иногда целый день <...> Ну и ходили по улицам на работу, работали. Приходилось попадать под артобстрел, внутренне как-то весь съежишься, и так продолжаешь идти. Фатализм.

Немцы были очень методичны во времени своих варварских обстрелов и бомбежек и все ждали – вот-вот начнется. Не знаю, чем объяснить следующее, но такое ощущение было не у одной меня, а у многих. Одно время, после вечерних последних известий, после Интернационала – ежевечернее раздавался вой воздушной тревоги, и начиналась бомбежка. Чутко прислушивались к зениткам, к приближению раскатов зенитного огня, затем среди грохота выстрелов не раз приходилось слышать свист падающей бомбы (этот свист, свист снарядов и вой сирен – останутся в памяти на всю жизнь). Так продолжалось час, другой, затем ложились спать, не обращая внимания на тревогу. Будь что будет! Но вот самое курьезное. Наступает время тревоги – нервы, конечно, у всех напряжены – а тревоги нет, и беспокойство вместо того, чтобы улечься, начинает усиливаться. Тревоги не хватает, чтобы можно было спать лечь! И когда тревога, наконец наступает, то успокаиваешься и спокойно засыпаешь. А сколько тревог мы не слышали совсем из-за крепкого сна.

Теперь все это кончилось. Все тихо и спокойно, но привыкнуть к этому еще не успели. Все время ощущается какая-

то настороженность и все не верится, что можно спокойно ходить по улицам, что спектакль в театре не прервется, что кино можно досмотреть до конца, а не уходить из зала, как только объявят артобстрел. Помню как-то – 3 раза ходила на «Принцессу цирка» – (оперетта Кальмана) и все 3 раза не досмотрела, после I и II-ого акта предлагали выйти из зрительного зала, т.к. объявлен артобстрел. И досаднее всего было то, что на улицу не выпускали, и приходилось часами стоять в коридоре, пока не кончится.

Вот, Галя милая – кое-что и о себе, приезжайте скорее, и тогда при встрече расскажу поподробнее. И Вам, наверное, жилось это время не легко. И Вы расскажете о своей жизни. Думаю, что придется, по старой моей привычке, при встрече поплакать, но это иногда не мешает. Очень хочется, чтобы Вы скорее приехали.

Целую Вас и «вещего Олега» крепко.

P.S. Галя, простите, пожалуйста, что в таком виде – неряшливом – отсылаю письмо, но нет возможности переписать. Посылаю письмо в таком виде и как свидетельство тому, что письмо начала писать давно, но все не успевала дописывать и несколько раз писала.

Еще раз привет.

Сегодня слышала, что приезд Консерватории откладывается на 1945. Как это досадно. Представляю себе, как это Вас огорчит.

(1) Будяковский Андрей Евгеньевич (1905–1941) – музыковед. Окончил муз. фак-т Высших курсов искусствоведения при Ленинградском Институте истории искусств (1928). Ученик Б.В. Асафьева. В консерватории преподавал в 1934–39.

(2) Гиппиус Евгений Владимирович (1903–1985) – музыковед, фольклорист. Выпускник Ленинградской консерва-

тории (1929). Ученик М.О. Штейнберга (композиция) и Б.В. Асафьева (история музыки). Д-р искусств. Профессор. Основатель и ст.научн. сотрудник Ленинградского фонограммархива. Научн. сотрудник Ин-та этнографии АН СССР (с 1944), Московского ин-та истории искусств (с 1959). Преподавал в Ленинградской (1939-41) и Московской (1944-49) консерваториях.

ПИСЬМА БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКОГО В.М. АРАПОВУ Б. А.¹

Богданов-Березовский Валериан Михайлович (1903–1971) – композитор, музыковед, педагог, Засл. деятель искусств РСФСР (1968). Окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции (1927). В годы блокады был председателем Ленинградского Отделения Союза композиторов. 1941-51 – ст.научн.сотрудник Института театра и музыки. 1951-62 – зав. репертуаром Ленинградского Малого оперного театра.

Арапов Борис Александрович (1905-1992) – композитор. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции (1930). Засл. деятель искусств Узбекской ССР (1944), засл. деятель искусств РСФСР (1957), нар. артист РСФСР (1976). Профессор. В годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Ташкенте; был профессором кафедры теории музыки Консерватории. С 1950 по 1974 – зав.кафедрой инструментовки, с 1974 по 1992 – зав.кафедрой композиции.

Письма Б.А. Арапову печатаются с разрешения его дочери Татьяны Борисовны Араповой.

¹ ЦГАЛИ, ф. 559, оп.1, дело 129 (Личный архив Б.А. Арапова).

1942.Ш.24

Ленинград

Милые Борис и Таня!

Были очень рады получить письмо Ваше, выказывающее столько внимания и дружеского участия к нам, любви к нашему городу, к нашей ленинградской культуре, культуре, которую каждый из нас впитал и сохранил куда бы и насколько бы времени нас не забросила судьба. Все мы, оставшиеся в Ленинграде музыканты – Юра Кочуров (1), Алеша Животов (2), Володя Дешевов (3), Саша Каменский (4), Вова Софроницкий (5) – как-то интимно сблизились, собираемся не часто, что этого не позволяют условия жизни нашей, но неизменно с чувством самой тесной и искренней дружбы. Интересы наши объединились, стали общими, усилия наши в работе дружные. Отпали антагонизмы, отчуждения, недоверие или равнодушие друг к другу. Мы ценим в каждом друга и единомышленника. С нами часто общаются и «старики» – Б.В. Асафьев и А.В. Оссовский.

Рассказывать о жизни нашей за эту зиму трудно в письме. Это – эпопея которая может быть предметом многих и долгих личных бесед, да и то только в плане ретроспективном, когда время отнесет пережитое назад и оно станет достоянием памяти. Сейчас все это еще не остыло, еще переживается и трогать – не говорю анализом, а просто сознанием, вдумываться в происшедшее и происходящее – не по силам. В нашей среде за зиму погибло множество народу. Иные от бомбежек и от обстрелов, но большинство от голода, ибо голод этой зимой и вообще бытовые ее условия, думается, представляют нечто беспрецедентное в истории. Подробности сознательно не касаюсь. Они страшнее всяких описаний. Верю, что встретимся с вами когда-нибудь и тогда поделимся неповторимыми впечатлениями пережитого. Умерли – Гольц (6), Портов (7). Малаховский, Калафати (8),

Миклашевский, Затеplinский, Гекер, Эвальд (9), Зуев, Будяковский, А. Григорьев, Корсунский. Это все – голодные смерти, смерть от истощения (дистрофия) в буквальном смысле слова. Но оставшиеся, выжившие, иные – совершенно неузнаваемо изменившиеся по облику, бодры, полны хорошего оптимизма, веры в хорошее будущее, любви к музыке, верности ей, ревности к чистоте и бескомпромиссности служения ей. Музыкальная жизнь у нас кипит и кипела все время, даже в декабре и январе – во время омертвления нашей городской жизни; под обледенелой корой этого омертвления не прекращалась интенсивная творческая работа каждого – и чудака Тимофеева (10), и нелюдимого Пащенки (11), и слуги твоего покорного. Скажу, что касается лично до меня – война меня совершенно переродила и перевоспитала, привила мне волевые и мужественные черты. Я успешно дирижировал здесь в симфоническом концерте целой своей симфонической пьесой. Как кажется, успешно руковожу союзом и музфондом.

Очень интересуюсь жизнью всех Вас – тебя, Кушнарера (12), Мити¹ и немногих других друзей, живущих сейчас как бы «на чужбине». Каждая весть, каждая строчка от Вас радует, волнует, приносит ощущение родственной связи, нарушенной насильственно и в сущности, внешне, и, быть может, внутренне неизмеримо окрепший.

Пишите-же чаще и подробнее. Интересна каждая мысль и о Вас самих, и о судьбе всех наших ленинградцев.

Письмо это передаст Вам сестра моя – Сарра Михайловна Богданова-Березовская, научный сотрудник Восточного института Академии Наук, – эвакуирующаяся сегодня с сотрудниками института из Ленинграда. Она Вам расскажет кое-что о Ленинграде и о нас, хотя по условиям жизни, зимой мы виделись мало. Семья сестры, распавшаяся, мама и тетя

¹ Речь идет о Д.Д. Шостаковиче.

умерли – жила в Доме Академии Наук, на Васильевском острове, т.к. квартира их у Мариинского театра еще в сентябре была разрушена, вернее, сожжена зажигательными бомбами, а мы на расстоянии более, чем часа пешего хождения. Очень просил бы Вас, если Вы чуть освоились в Ташкенте, помочь ей ориентироваться в городе, обласкать ее, пережившую за зиму много горя, свести ее с хорошими ленинградцами, ставшими временно «ташкентцами». Я буду высылать ей отсюда деньги; очень прошу Вас сообщить мне о ее приезде, ее судьбе, ее самочувствии, о ее адресе, т.к. письма сюда доходят не только с опозданиями, но иногда и не доходят совсем, так что ее письма могут пропасть, и стороннее сообщение о ней может оказаться очень кстати. Рад был, Боря, прочитать о живых твоих помыслах продолжения работы над симфонией, сочинении, значительность которого я ощутил сразу же при первом прослушивании эскизов ее второй части. Искренно хотел бы надеяться, что обстоятельства позволят тебе довести до конца работу над нею, даже в тех условиях «кочевья», в которых Вы находитесь и верю, что ты «вынесешь симфонию из войны», как свидетельство своей творческой, интеллектуальной, духовной зрелости. Радуется, что Вы вдалеке от фронта. Это, конечно, очень большое благополучие, в особенности, при наличии малолетних в семье. Радуюсь и тому, что Вы объединились, что Вы вместе. Сужу по себе и по Ане (13), как много это значит в такую годину, как нынешняя. Часто вспоминаю Вас и, в особенности, лето сорокового года, когда Вы жили в чудесном Детском, месте десятилетнего счастья моего, не существующем сейчас, взорванном, сожженном, уничтоженном, сглаженном ныне с лица земли и удерживаемом ныне врагами. Я потерял там, в Детском, больше, чем квартиру, рояль, вещи, книги и ноты. Я потерял – и конечно уже невозвратно длительную полосу подлинного большого счастья, удовлетворения жизнью,

творческого мужания. Сейчас, впрочем, не думаю об этом и не тоскую. Ибо происходящая смена этих эпох, смена эр не позволяет вдумываться в подобные лично биографические детали. Будущее, как и настоящее, слишком значительно, чтобы отдаваться прошедшему как бы пленительно оно не было. А у меня свежее, сильное, хорошее ощущение настоящего и будущего, и веры в него.

Прости, зафилософствовался. Пишу наспех, в сумерках, перед расставанием с сестрой. Еще раз прошу – и тебя, Боря, и Таню – ободрите, приласкайте ее, облегчите ей минуты «освоения» нового места жительства. Крепко обнимаю Вас, целую Таточку (14). Анечка шлет Вам всем самый сердечный привет. Пишите, вспоминайте. Ваш В. Богданов-Березовский.

(1) Кочуров Юрий Владимирович (1907–1952) – композитор. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу В.В. Щербачева (1931). 1947-52 преподавал в Консерватории композицию. Лауреат Государственной премии (1952).

(2) Животов Алексей Семенович (1904–1964) – композитор. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу В.В. Щербачева (1930). Засл. деятель искусств РСФСР (1957). Председатель Ленинградского отделения Музфонда (1961-64).

(3) Дешевов Владимир Михайлович (1889–1955) – композитор. Окончил Петербургскую консерваторию (1914). Во время Великой Отечественной войны в осажденном Ленинграде писал музыку для театра и к радиопостановкам.

(4) Каменский Александр Данилович (1900–1952) – пианист. Окончил Петроградскую консерваторию по классу Л.В. Николаева (1923). С 1934 преподавал в Ленинградской консерватории, с 1945 – профессор. В осажденном Ленинграде дал более 500 концертов.

(5) Софроницкий Владимир Владимирович (1902–1961) – пианист, педагог. Окончил Петроградскую консерва-

торию по классу Л.В. Николаева (1921). 1936-42 – профессор Ленинградской, 1942-61 – Московской консерваторий. Засл. деятель искусств РСФСР (1942). Лауреат Государственной премии СССР (1943).

(6) Гольц Борис Григорьевич (1913-1942) – композитор. Окончил Консерваторию по классу фортепиано (1938), по классу композиции (1940).

(7) Портов Израиль Абрамович (1902–1941/42?) – композитор. Окончил Ленинградскую консерваторию (1926).

(8) Калафати Василий Павлович (1869–1942) – композитор, педагог. Окончил Консерваторию по классу композиции Н.А. Римского-Корсакова (1899). Преподавал в Консерватории с 1901 по 1942, с 1913 – профессор.

(9) Эвальд Зинаида Викторовна (1895–1942) – музыковед, фольклорист. Окончила Консерваторию по классу фортепиано Н. Позняковской (1925). Окончила Высшие курсы иск. по специальности музыковедение (1926). 1927–42 – преподавала историю музыки. Канд. искусствоведения.

(10) Тимофеев Константин Владимирович – композитор. В 1942 г. из блокадного Ленинграда был эвакуирован в Ташкент, где продолжил обучение в Консерватории.

(11) Пащенко Андрей Филиппович (1883–1972) – композитор. Засл. деят. иск. РСФСР (1957). Окончил Петроградскую консерваторию (1917).

(12) Кушнарев Христофор Степанович (1890–1960) – композитор, теоретик, педагог. Засл. деят. искусств Армянской ССР (1939) и Узбекской ССР (1943). Окончил Консерваторию по классу композиции А. Житомирского (1925). 1925–60 – преподавал композицию и теорию музыки.

(13) Жена Богданова-Березовского.

(14) Таточка – дочь Б.В. Арапова

1943.Ш.28.
Ленинград

Дорогой Боря!

Вчера получил твою открытку, из коей узнал, что писем моих, правда, редких, но больших и подробных, ты не получаешь. Очень огорчился этим, т.к. при столь долгой разлуке, хочется общаться с тобой хотя бы письменно. Из этого надо сделать один вывод: каждому из нас не следует обращать внимание на перерывы в получаемых письмах, не ждать их прихода для того, чтобы ответить, а писать чаще и регулярно в надежде, что значительная часть написанного все же «прорвется» к адресату. Вчера был у нас в Б[ольшом] зале Филармонии концерт, афишу которого при сем прилагаю. Под управлением К.И. Элиасберга (1) исполнялись в нем «Концертная сюита» О.А. Илазова¹, очень талантливое произведение, и мой скрипичный концерт (солировал С.Н. Панфилов). Зал был, понятно, не полон, но народу было значительно больше, чем на прежних «декадах советской музыки» и успех наших пьес был очень большой.

Нужно тебе сказать, что с написанием, вернее, завершением скрипичного концерта у меня связано было много тяжелого и, вместе с тем, радостно обнадеживающего. I часть вчерне (и в клавире), как ты, вероятно, помнишь, были набросаны до войны. После осенней напряженной работы в зимние месяцы 1941–42 гг. моя творческая работа временно совсем замерла. В квартире Х.С.² мы практически не жили: все окна были выбиты, топить было нечем, морозы стояли страшнейшие, ветхий домик колебался от взрывных волн, как картонное сооружение. Мы ночевали в бомбоубежище Малого оперного театра и два раза в день приходили греть и пить

¹ В рукописи имя неразборчиво.

² Речь идет о Х.С. Кушнарева.

воду в кв. Х.С. О сочинении планомерном, профессиональном думать тогда было нельзя. И помню, как однажды в страшный мороз, возвращался в 7 ч. утра в убежище в темноте, при ярком блеске ночных звезд, возвращаясь из булочной, после долгого и тщетного стояния в очереди за хлебом, и чувствуя огромную слабость в ногах, такую, что трудно было нести на них валенки, я задумался о скрипичном концерте: его темы, его фактура, самые идеи развития и оркестровой интерпретации и другого так захватили меня жаждой жить и работать, что я дал себе слово с первыми теплыми днями отдать себя целиком этому бризу, зачато в солнечные дни безмятежной жизни в Пушкине, и представлявшемся мне символом жизни и ее обновления. Я ждал возвращения тепла, возвращения работы над концертом, как будто это знаменовало собой прекращение всех наших тяжелых зимних бедствий. И вот в апреле действительно удалось планомерно и систематически, день ото дня, работать над ним. И очень быстро я довершил, отредактировал I часть, инструментовал ее, написал 2-ую – виртуозное скерцо и финал. Фугато с развитыми танцевальными эпизодами. Вчера же я слышал его в очень неплохом исполнении и горько было только то, что ни мама, ни сестра, ни ближайшие друзья мои – Гаврик, ты и другие не могли услышать этой музыки, казалось бы по форме и содержанию своей столь далекой от военной тематики и проблематики, а между тем, связанной для меня теснейшим образом с одним из самых страшных эпизодов ленинградской блокады.

Прости, что сегодня пишу только об одном, и притом только о себе. Сейчас должен кончать. Целую тебя и Таню. Девочкам кланяйся. Анечка всем шлет сердечный привет. Твой ВБ-Б.

(1) Элиасберг Карл Ильич (1907-1978) – дирижер. Окончил Консерваторию (класс скрипки С.П. Коргуева). Дирижерскому искусству обучался самостоятельно. Засл. деят. искусств РСФСР (1944). 1937–50 – дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского Радиокomiteта. Под управлением Элиасберга К.И. 9 августа 1942 г. в Ленинграде была исполнена Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича.

ПИСЬМО ЩЕРБАЧЕВА В.В. АРАПОВУ Б.А. в Ташкент¹

Щербачев Владимир Владимирович (1889-1952) – композитор. Окончил Консерваторию по классу А.К. Лядова и М.О. Штейнберга (1914). В 1923-31 и 1944-48 вел класс композиции в Ленинградской консерватории (с 1923 – профессор), в 1931–32 – Тбилисской консерватории. В 1935–37, 1944-48 – Председатель Ленинградской организации СК РСФСР. В декабре 1941 был эвакуирован в Новосибирск с Ленинградской филармонией. В июле 1944 возвратился в Ленинград. Награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

Дорогой Борис!

Очень обрадовался твоему письму, как раз незадолго до него Тебя поругивали за молчание и приятно было от тебя узнать, что у Вас все более и менее благополучно. О тебе я многое, правда, знал из рассказов встречавшихся с тобой людей, слышал и о твоём творческом процветании, но общей картины о твоём семействе не имею.

Я около получаса болтался в Москве, а потом в Свердловске, перевидал массу народу из наших общих с Тобой товарищей, перепыхал и много новой музыки, как хорошей, так и плохой, но обо всем этом писать слишком долго.

¹ ЦГАЛИ, ф. 559, оп.1, дело 191 (Личный фонд Б.А. Арапова).

С нашим отъездом отсюда пока все еще не совсем определено. Мне и Верочке вызов будто бы оформляется, но общий въезд временно приостановлен. Александринский театр и филармония предположительно едут в июне-августе. Вернее всего мы поедем с филармонией, т.к. тащиться большой семьей со всем барахлишком законным порядком очень сложно и трудно, что касается моих дел, то сейчас я занят окончанием оркестровой сюиты, на материалах «Капитана» (1) в мае предполагается здесь ее исполнение под управлением Мравинского (2). Немедленно же принимаюсь и за симфонию. Мой «Капитан» идет в Москве и Свердловске, предложен еще в нескольких театрах.

Что касается предложения о моем переходе в консерваторию, то могу тебя уполномочить передать начальнику о моем принципиальном согласии, пусть шлют официальное предложение, что же касается окончательного практического согласия, я несколько удивился что оно, т.е. начальство, оказалось таким застенчивым, или, наоборот, гордым что не написало само, а прибегло к твоей помощи, но за это я ему очень благодарен, т.к. получил от тебя известие, иначе вряд ли ты удосужился бы вспомнить о своих старых друзьях.

Теперь об одном деле: на днях ко мне здесь привели некоего юношу 13-14 лет, под названием Артур Бернгард. Он здешний уроженец, еврей, очень одаренный юноша, учился перед войной в течение года в десятилетке для одаренных детей при консерватории по фортепиано у А.Д. Каменского и по композиции у Л.Л. Штрейхер (3). В июне 1941 г. еще до начала войны он приехал сюда на каникулы к родным и живет здесь до сих пор.

Условия его существования здесь как материальные, так и культурные исключительно тяжелые и мальчик, как музыкант, здесь, конечно, захиреет и погибнет. Ты знаешь мои

всегда очень строгие оценки дарования и композит. успехов, но он по моему глубокому убеждению представляет из себя безусловно выдающиеся композиторское дарование (как пианист он подвинут слабо) и его совершенно необходимо водворить в Вашу школу-десятилетку. Жить он должен в интернате, т.к. заботиться о нем совершенно некому, я очень и очень прошу тебя сделать доброе дело похлопотать о нем, поговорить с кем следует из начальства (я не знаю с кем) и сообщить срочно мне, есть ли возможность немедленно его отправить к Вам в Ташкент, если окажется возможным у Вас принятие его в интернат, во всяком случае, с ним срочно надо что-то делать, пока мы еще в эвакуации, жалко, если пропадет мальчишка. Крепко тебя, Таню, твое семейство целую. Твой В. Щербачев.

(1) Музыкальная комедия Щербачева В.В. «Табачный капитан», написана в 1943, поставлена в Свердловском театре оперетты в 1944.

(2) Мравинский Евгений Александрович (1903-1988) – дирижер. Окончил Консерваторию по классу дирижирования А. Гаука (1931) и по классу теории композиции М. Чернова. Нар. артист СССР (1954), лауреат Государственной (1946) и Ленинской (1961) премий.

(3) Штрейхер Любовь Львовна (1888-1958). Окончила Консерваторию по классу скрипки Л. Ауэра (1909), по классу композиции М.О. Штейнберга (1913). 1938-44 – преподавала композицию.

ПИСЬМА БАРИНОВОЙ М.Н. ГАМАЛЕЮ Ю.В.

Баринава-Гамалей Мария Николаевна (1878–1956) – профессор фортепианного факультета Санкт-Петербургской Консерватории. Окончила Консерваторию в 1902 (класс профессора С.А. Малоземовой) с высшей наградой (премия Михайловского Дворца и звание лауреата Консерватории), в 1903 году окончила класс композиции у Н.А. Римского-Корсакова. Преподавала в Консерватории с 1907. На протяжении многих лет М.Н. Баринава много концертировала в России и за границей, провела по примеру А. Рубинштейна цикл лекций-конcertов по истории фортепианной литературы в Малом зале Консерватории. В 20-40-е годы вела большую педагогическую и методическую работу в музыкальных техникумах, детских музыкальных школах, в Музыкально-педагогическом институте. Всю блокаду Мария Николаевна прожила в Ленинграде: работала в Институте театра и музыки, концертировала, писала книгу «Музыка и ее представители в моей жизни». Письма, представленные в этой книге, адресованы ее сыну Юрию Всеволодовичу Гамалею (ныне профессору Санкт-Петербургской Консерватории).

8 апреля 1942

Роднушечка мой Юраша!

Представь: ко мне пришел Лев Петрович (1), мало того что он был страшно мил и трогателен, он заставил меня взять хлеба, масла, кусочек шпика, табак и, когда уходил, подсунул пакет с 300 р. Что Ты скажешь?

Обещал скоро прийти. Конечно, деньги я ему верну, но продукты съела с величайшим удовольствием и благодарностью. Много говорили о тебе.

Целую крепенько. Серая (2)

(1) **Ананченко Лев Петрович** – врач-терапевт, большой любитель музыки, оперы и балета. Последние годы жизни работал в Малом оперном театре.

(2) «Серая» – сокращенное от «Серая кошечка» – прозвище М.Н. Бариновой.

25 апреля 1942

Роднушечка мой Юраша!

Вчера получила твою открыточку от 20-го. Днем у меня была Люда и рассказала о смерти Михаила Федоровича. Мне ужасно жаль, что его нет. Он был очень приятным человеком. Кира совершенно изменилась. Она ухаживает за матерью и очень нежна с ней.

Как это хорошо.

*Я вся ушла в работу. Уже заканчиваю I том, т.е. период от 1878-1918¹.**

На днях должна взяться за второй том. Это будет труднее. Мне так хочется, пока жива, закончить эту работу. Я надеюсь, что она пригодится и Тебе да и музыкальному миру будет интересно прочесть о многих. Сейчас эта работа меня очень морально поддерживает.

Ты, наверное, опять обо мне волновался, поэтому я и пишу Тебе, чтобы Ты не думал ничего страшного.

Целует крепенько Серая.

30 апреля 1942

Роднушечка мой Юраша!

Ты представь: пишу уже XVI главу. Мне еще две главы и работа будет окончена. После было бы неплохо написать

¹ Книга М.Н. Бариновой «Музыка и ее представители в моей жизни» была закончена в том же году. издана на средства Ю.В. Гамалея в 2002 г., издательство «Папирус».

такую работу «Из педагогической практики музыканта: смешное, печальное и полезное».

Иду за карточками в институт (1).

Новостей нет.

Впрочем было несколько трагических ночей: ко мне прибежала крыса в комнату среди ночи и не давала спать. Из капкана она выбралась и полуживая бегала по комнатам.

Это было ужасно!

Вот и все пока.

Целую тебя крепенько, крепенько.

Твоя Серая.

(1) Институт – Ленинградский научно-исследовательский институт театра и музыки (основан на базе Института истории искусств, созданного в 1912). В настоящее время – Российский институт истории искусств.

20 июля 1942

Роднушечка мой Юрашечка!

Ну, можешь меня поздравить! Концерт прошел блестяще, лучше, чем могла ждать(1).

Прежде всего, было почти полно (свободных мест осталось около 10). Публика была совершенно неизвестная (за исключением группы своих, как-то: Милочка, Иван Петрович, Клавдия Дмитриевна (принесшая чудесный букет и кусок вкусного хлеба), Верочка и Моисей Е., Лукреция и Киска, Турочка, Юля Панская (принесла салат со своего огорода), Клара Рафаиловна и еще кой-кто из старых учениц (2). Был Каменский и Бушен (3). Слушали от начала до конца.

Каменский сказал, что мое мастерство 1-го разряда (даже, как он сказал, выше Софроницкого). Успех рос с каждой вещью. В конце, не уходя с эстрады, сыграла 5 бисов. Назначили следующий концерт в середине августа. Вернулась

*домой с Владимиром Ивановичем. Он притащил мне 2 гор-
тензии и букеты. Мы уютно посидели, но не успел он уйти,
как у меня были выбиты все стекла. Груда стекольных об-
ломков заставила меня убирать все это до 12 часов ночи. В
большом доме со двора снарядом уничтожило 2 этажа ле-
стницы. Ты представляешь себе такой мощный «аккорд» как
финал к моему концерту.*

*Сейчас заходила Елиз[авета]. Николаевна и принесла мне
соевую запеканку. Видишь, какая кошка нахалка – всех объе-
дает!*

Ну, пока все, целую крепенько. Пиши. Серая

(1) Концерт М.Н. Бариновой из произведений Шопена состоялся 19 июля 1942 г. в Камерном зале (ныне театр кукол им. Е. Деменни).

(2) Педагоги-ученицы М.Н. Бариновой: К.Д. Шестакова, Верочка – В.Л. Михелис, «Лукреция» - О.В. Тимофеева, «Турочка» - А.С. Замков, Клара Рафаиловна – Зельдович.

(3) **Бушен Александра Дмитриевна** (1891-1991) – музыковед, пианистка. Жена А.Д. Каменского.

Примечания профессора Консерватории Ю.В. Гамалея.

Те, кто живут, работают, радуют нас своим творчеством

УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бершадская Татьяна Сергеевна (профессор)
Гамалей Юрий Всеволодович (профессор)
Преображенский Герман Николаевич (профессор)
Смирнов Алексей Александрович (заведующий лабораторией)

ЖИТЕЛИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Андреева Изабелла Александровна (дежурная)
Белов Геннадий Григорьевич (профессор)
Бурковская Светлана Николаевна (старший преподаватель)
Гаген Валентина Николаевна (доцент)
Гресс Людмила Ивановна (концертмейстер)
Казановский Евгений Федорович (профессор)
Казарина Антонина Максимовна (профессор)
Климовицкий Аркадий Иосифович (профессор)
Крастина Валерия Михайловна (ст. преподаватель)
Кузнецова Лиля Павловна (машинистка)
Кузьмина Наталья Ивановна (доцент)
Кукушкин Михаил Георгиевич (профессор)
Ланец Маргарита Альфредовна (доцент)
Легков Станислав Николаевич (профессор)
Литусов Юрий Сергеевич (главный архитектор)
Мурина Екатерина Алексеевна (профессор)
Новиченко Тамара Дмитриевна (профессор)
Смирнов Валерий Васильевич (профессор)
Соколов Кирилл Борисович (профессор)
Соколов Олег Дмитриевич (доцент)
Тайманова Ирина Евгеньевна (профессор)
Успенский Валерий Всеволодович (профессор)

Федосеев Аркадий Валерьянович (зам. начальника штаба ГО)
Хитрова Татьяна Ивановна (профессор)
Хопрова Татьяна Александровна (старший преподаватель)
Чернушенко Владислав Александрович (профессор)
Щербакова Валентина Михайловна (курьер)
Южак Киралина Иосифовна (профессор)
Янанис Наталья Станиславовна (профессор)

МАЛОЛЕТНИЕ УЗНИКИ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ

Смольянинова Раиса Алексеевна

РАБОТНИКИ ТЫЛА

Биркенгоф Анна Львовна (доцент)
Варосян Ася Агасьевна (профессор)
Кабанова Изабелла Александровна (артистка балета)
Никитина Александра Николаевна (артистка балета)
Оксентян Нунэ Ованесовна (профессор)
Петрова Нинель Александровна (профессор)
Покровская Юлия Петровна (артистка балета)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя.....	3
<i>Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны. Пономарева Е.А. ...</i>	6
Забытые имена Ленинградской блокады.....	52
Воспоминания	
Война	
Вельшакова С.А.	62
Гамалей Ю.В.	65
Марголин В.С.	72
Россоловский П.А.....	73
Блокадный Ленинград	
Бершадская Т.С.	78
Ручьевская Е.А.	83
Фрейндлинг Г.Р.	89
Лукашенко Л.И.	93
Белов Г.Г.	110
Изотова К.В.	112
Казарина А.М.	114
Климовицкий А.И.	115
Лукьянин Г.С.	126
Никифорова Л.Б.	128
Новиченко Т.Д.	132
Преображенский Г.Н.	133
Соколов О.Д.	135
Смирнов В.В.	141
Тайманова И.Е.	147
Список погибших во время блокады Ленинграда	151
Эвакуация в Ташкент	
Варосян А.А.	
Оксентян Н.И.	155
Овчарек В.Ю.	157
Павлова Н.В.	158
Сопина В.Г.	160

Мурина Е.А.	161
Кудрявцева-Мурина Е.П.	165
Комиссаров Л.Г.	166
	174
<i>Письма военных лет</i>	
Письма Асафьева Б.В. Дмитриеву А.Н.	183
Письма Гергилевича М.Г. с фронта (июль-сентябрь 1941).....	200
Письма Язовицкой Э.Э. Богоявленскому С.Н. и Филенко Г.Т.	211
Письма Богданова-Березовского В.М. Арапову Б.А.	222
Письмо Щербачева В.В. Арапову Б.А. в Ташкент.....	230
Письма Бариновой М.Н. Гамалею Ю.В.	233
Участники Великой Отечественной войны	
Жители блокадного Ленинграда	237
Малолетние узники концетрационных лагерей	238
Работники тыла	238